

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

3
'96

Войскам правопорядка России —
185 лет

185

ЛЕТ

27 марта 1811 года император Александр I подписал указ, на основании которого было введено "военное устройство... рот и команд" переданных двумя месяцами ранее из гражданского в военное подчинение. С этой даты и было принято вести отсчет истории войск правопорядка Российской империи.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

3'96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:
111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

На первой странице
обложки фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

В номере:

Войскам правопорядка России — 185 лет

КИСЛЫЙ Ю., СЫСОЕВ Н. "...По охранению тишины и спокойствия"	2
НИКОЛАЕВ С. Родоначальник	7
Из "Записок графа Е. Ф. Комаровского"	14
ЕЛАГИН В. Основные этапы строительства внутренних войск России	18
ГОРШКОВ Н. 1811—1911: сто лет безупречной службы	23
ДАВЫДОВ Б., ДОНСКОЙ А. "... За оказанные похвальные действия"	26
ЩЕРБАКОВ А. По чину и честь	28

В особом районе

РОДНОВ А., КУДРЯШОВ А. "Витязи": "Мы шли первыми..."	33
Под траки полегла трава... (стихи)	38
ШЕСТЕРЯКОВ А. Боги войны любят "Нону". Заочно	39
По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России	43

Проза. Поэзия

РОМАНЕНКОВА Л. ...И стал судьбою черновик ..	46
ЧЕРНЫХ И. Школа террористов (роман, продолжение)	48
Сапоги всмятку (сатира, юмор)	70

Калейдоскоп

СОКИРКО П. Через игру — к победе	72
Шахматный клуб	77
ДУНАЕВ О. От гривны к золотому	79

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1996

Сдано в набор 4.02.1996 г. Подписано к печати 4.03.1996 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0.
Зак. №293. Тираж 5000.

Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 8000 руб. (индекс 70610), для предприятий и организаций — 10000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета" типография "Красная звезда",
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
просп. 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

24.704.—Июль 5. Положение для внутренней стражи.

Нынѣ по окончательномъ соображеніи встѣхъ предметовъ, къ устройству сему принадлежащихъ, внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта, признали Мы заблаговъ образованіе военной внутренней стражи издать въ прилагасмомъ при семъ положеніи во всеобщему свѣденію и исполненію.

Опредѣ
твенней
ности с
скому
употре
къ влщ
точнос
чиненн

“...По охранению тишины и спокойствія”

В 1911 году столетний юбилей войск правопорядка России был отмечен изданием высочайшего приказа государя императора. Затем эту державную традицию предали забвению. Долгое время солдаты с буквами-близнецами на краповых погонах, верой и правдой служившие Отечеству, чувствовали себя воинами “неизвестных” войск. Лишь в последние годы изменилась оценка их ратного труда, переосмысливается история возникновения и развития силовых структур, перед которыми в разные эпохи стояла одна неизменная задача — “охранение тишины и спокойствія”, защита интересов личности, общества и государства от преступных и иных противоправных посятельств. В настоящщее время рассматривается предложение об учреждении Дня внутренних войск. Возможно, и на нашей улице будет праздник. Дело, конечно, не в том, чтобы нас отмечали и чествовали. Дело в памяти нашей, знании своих корней...

Заметки к красному дню

Профессиональные праздники военных — свидетельство того, что защитники Отечества верны исторической памяти. “На государственном уровне разработана программа в честь юбилея Российского флота. В прошлом году торжественно отмечалось 290-летие морской пехоты. Празднуют свои дни авиаторы, танкисты, артиллеристы, десантники, пограничники, сотрудники милиции... А вот внутренние войска в этом плане оставались как бы обделенными. Хотя есть дата — **27 марта 1811 года**”, с которой до октября 1917-го велся отсчет истории российских войск правопорядка.

Давайте же перелистаем ее главные страницы...

Инициатором создания специального военного формирования “внутренняго употребленія” выступил генерал-адъютант Е.Ф.Комаровский. В 1802 году, являясь помощником генерал-губернатора Санкт-Петербурга по полицейской части, он подал императору Александру I проект о реорганизации гарнизонных рот и штатных команд, состоявших в ведении губернаторов и городничих и выполнявших функции содействия полиции “по охранению тишины, спокойствія и благочинія”.

Все даты до 1918 года даются по старому стилю.

Реализация этого проекта затянулась почти на десятилетие: назревшие задачи укрепления государственной безопасности в первую очередь требовали привести в порядок боевой состав армии, решить другие неотложные задачи военного строительства. Но когда подошло время реформирования правоохранительной системы, государь действовал последовательно и настойчиво.

Итак, **27 марта 1811 года**. Высочайшим указом предписывалось: начать военное устройство штатных рот и команд, переданных двумя месяцами ранее "из гражданскаго ведомства в военное начальство", и сформировать губернские батальоны внутренней стражи с включением в их состав по одной роте из гарнизонных частей армии.

В апреле того же года Александр I подписал еще один, можно сказать без преувеличения, исторический документ — Указ "О распределении Внутренних Гарнизонных батальонов на округа и бригады", определив тем самым структуру войск "внутренняго употребления". Первоначально европейская территория империи была поделена на восемь округов внутренней стражи; каждый из них включал от двух до четырех бригад, состоявших из отдельных батальонов. Округа имели порядковые номера и территориально охватывали несколько губерний. Например, в 1-й округ внутренней стражи со штаб-квартирой в Новгороде входили Петрозаводская, Выборгская, Петербургская, Новгородская, Ревельская и Рижская губернии. Команды, находившиеся в составе губернских батальонов, дислоцировались в уездных населенных пунктах. Такое рассредоточение сил давало возможность оперативно использовать воинские подразделения при чрезвычайных обстоятельствах.

3 июля было высочайше утверждено Положение для внутренней стражи. В нем отмечалось: "Ныне по окончательному соображению всех предметов, к устройству сему принадлежащих... признали Мы за благо образование военной внутренней стражи... определив... состав внутренней стражи и устройство, означив обязанности ея как к военному, так и к губернскому начальству и учредив порядок ея употребления..."

Внимательно прочитав документ, можно убедиться, что его составители до мелочей продумали функции и обязанности, возлагаемые на вновь сформированную "военную стражу". Более того, подробными инструкциями "к вящшему в действии ея совершенству и точности" были снабжены не только лица командования, но и губернские начальники. Например, по требованиям губернаторов и иных граждан-

ских чинов, должности которых оговаривались особо, батальоны и команды внутренней стражи привлекались "единолично в действиях на исполнение закона и приговоров суда и на охранение либо восстановление внутренняго порядка". Теперь полностью исключалась возможность использования личного состава губернских и уездных подразделений местными чиновниками не по назначению. В Положении также подробно перечислены задачи новых сил правопорядка.

Они "могли быть употребляемы:

- 1) в помощь исполнению законов и приговоров суда;
- 2) на поимку воров, преследование и истребление разбойников и разсеяние запрещенных законом скопищ;
- 3) на усмирение неповиновений и буйства;
- 4) на поимку беглых, ушедших преступников и дезертиров;
- 5) на преследование запрещенных и тайно провозимых товаров;
- 6) на помощь свободному движению внутренняго продовольствия;
- 7) на содействие к сбору податей и недоимок;
- 8) на охранение порядка и спокойствия церковных обрядов всех исповеданий, законом терпимых;
- 9) на охранение порядка на ярмарках, торгах, народных и церковных празднествах и проч.;
- 10) на принятие и провозжание рекрут, преступников, арестантов и пленных;
- 11) на отправление военных, просрочивших отпуска, к их командам;
- 12) на пожары, помощь при разлиии рек и тому подобное;
- 13) на отряжение нужных часовых к присутственным местам, тюрьмам и острогам;
- 14) на провозжание казны".

Кроме этого, подразделения, находившиеся на службе (т.е. в карауле, командировке, дозоре), обязаны были попутно "брать под стражу и представлять губернскому начальству людей, наступивших... в преступлении, буйстве либо насилии противу лица или имущества и найденных с окровавленным оружием либо платьем", а также "захватывать сборища воров и разбойников".

Говоря о задачах и функциях войск правопорядка дореволюционной России, важно отметить и такой исторический факт. В **июле 1829 года** утверждается Положение о линейных батальонах и подвижных ротах, предназначенных для охраны горных заводов, монетных дворов и других заведений, подведомственных Горному управлению. Было сформировано пять линейных батальонов и три подвижные роты. Организационно они вошли в состав внутренней стражи.

Первым командующим внутренними войсками России по указу государя был назначен инициатор их создания Е. Ф. Комаровский — ученик великого Суворова, талантливый военачальник и администратор. Его храбрость и отвага, проявленные в батальных, "отлично-усердное служение... и ревностное исполнение особых высочайших поручений" отмечены восемью орденами и графским достоинством.

В 1816 году генерал Комаровский реорганизовал возглавляемое им формирование в Отдельный корпус внутренней стражи (ОКВС), который просуществовал как самостоятельная единица до завершения военной реформы генерала Д. А. Милютина. В августе 1864 года было принято решение упразднить штаб корпуса и округа внутренней стражи, а бригады и батальоны реорганизовать в так называемые местные войска, т. е. стоящие на месте (в отличие от полевых подвижных войск).

И вновь обратимся к документам.

Из Свода военных постановлений за 1869 год:

"Местные войска состоят из местных и конвойных команд... содержатся для отправления внутренней караульной службы... и для службы конвойной — по препровождению казенных транспортов и людей, следующих этапным порядком".

По структуре местные войска не отличались от внутренней стражи: в каждой губернии дислоцировалась местная бригада, в состав которой входили уездные команды, выполнявшие задачи по конвоированию арестантов и содействию полиции в поддержании общественного порядка. У командующего военным округом был помощник по управлению местными войсками, осуществлявший взаимодействие с органами власти.

Следующий этап реформирования сил внутренней безопасности состоялся в 1886 году, когда конвойные команды были сведены в конвойную стражу в составе местных войск.

Из приказа по военному ведомству от 16 мая 1886 года №110:

"На обязанности конвойной стражи возложить: а) сопровождение арестантов всех категорий, пересылаемых этапным порядком по трактам европейской России (за исключением Финляндии и Кавказа) и Главному ссыльному Сибирскому тракту; б) сопровождение арестантов гражданского ведомства на внешние работы и в присутственные места; в) содействие тюремному начальству при производстве внезапных обысков и подавлении беспорядков в местах заключения; г) наружную охрану тюрем там, где это будет признано необходимым".

Всего было сформировано 530 команд конвойной стражи, численность которых

составляла 100 офицеров и 11738 нижних чинов. На содержание стражников из казны ежегодно отпускалось 1571238 рублей 10 копеек.

Своеобразной была система руководства конвойной стражей. Как составная часть местных войск это специфическое формирование в военном отношении являлось структурным подразделением вооруженных сил, а в порядке выполнения служебных (специальных) задач подчинялось начальнику Главного тюремного управления Министерства внутренних дел (с 1896 года — Министерства юстиции).

В таком виде войска правопорядка России просуществовали вплоть до февраля 1917 года и в полном составе перешли на службу Временному правительству, а затем и большевистским Советам, продолжая, теперь уже под сенью красных знамен, выполнять свои функции (осужденных преступников нужно сторожить при любой власти). В приказе наркома по военным делам Л. Д. Троцкого от 20 апреля 1918 года о формировании конвойной стражи Республики Советов нет ни слова о роспуске существовавших конвойных команд. Речь шла только о порядке их комплектования на новых условиях и реорганизации аппарата управления.

В последующем конвойная стража, пройдя, как и другие военные структуры, несколько этапов реформирования, в 1934 году была включена в состав войск НКВД под названием "конвойные войска".

Вот так развивались, меняя в разные эпохи облик и названия, силы внутренней безопасности, у колыбели которых стояли державные мужи, радевшие об "охранении тишины, спокойствия и благочиния" в стране. И сегодня уже нет необходимости ломать копыя, доказывая очевидное: архивные документы, открытые в ходе научных исследований факты требуют до конца восстановить прерванную связь времен — перебросить мостик от настоящего к прошлому, дабы не терялись корни родословной внутренних войск, истоки их славных боевых традиций.

Ни для кого не секрет: на протяжении многих десятилетий мы находились в искаженной, искусственно деформированной системе исторических координат. Пытаясь выдать войскам свидетельство о рождении, ведомственные летописцы упорно подчеркивали две красные даты: 18 марта 1918 года, когда Всероссийская чрезвычайная комиссия приняла решение объединить все отряды ВЧК в Боевой отряд, и 28 мая 1919 года — день принятия постановления Совета Рабоче-Крестьянской Обороны за подписью В. И. Ленина об объединении войск вспомогательного на-

значения и создания войск внутренней охраны Республики (ВОХР).

Проталкивались и другие предложения о главной дате в жизни войск. Кое у кого даже возникла идея увязать ее с передачей внутренних войск МВД СССР, дислоцировавшихся на территории РСФСР, под юрисдикцию Российской Федерации в октябре 1991 года. Мало того, что похоронили в пыли забвения дореволюционную историю сил правопорядка, окрестив их "царскими держимордами", "опричника-ми", "душителями свободы" (как будто в острогах и тюрьмах сидели только одни борцы за счастье трудового народа, а неповиновения и буйства устраивались с единственной целью — расчистить дорогу к светлому будущему). Еще и советский период развития внутренних войск готовы были отделить символической межой от новой демократической эпохи.

К счастью, этого не случилось. Конец околонучным спорам положила сама история. Прочитанная заново. Объективно и беспристрастно, с чувством государственного патриотизма, пониманием давно доказанной истины: без прошлого нет настоящего.

В ходе анализа архивных документов наконец-то был найден ключ к решению проблемы с истинной датой, напоминающей об исторических корнях охранителей порядка. Одобрен и утвержден исходный принцип в определении точки отсчета в родословной войск — "ab ovo", как говорили древние римляне: "от начала". А начало было 185 лет назад, 27 марта, ни позже, ни раньше. Как уже отмечалось, в сей день главой государства подписан, говоря современным языком, правовой акт о п р а к т и ч е с к о й реализации государственного решения создать в России новое формирование — внутреннюю стражу. Не случайно именно 27 марта в 1911 году торжественно, на государственном уровне отмечалось столетие местных войск и конвойной стражи с изданием приказа по военному ведомству, в котором государь император объявил "всем офицерам и классным чинам... Высочайшее благоволение, а нижним чинам Царское спасибо".

Нет теперь сомнений и в том, что прямыми наследниками, непосредственными преемниками внутренней стражи дооктябрьской России являются нынешние войска правопорядка. К этому выводу несложно прийти, сравнив утвержденное в 1811 году Положение для внутренней стражи, другие правовые акты того времени и ныне действующий Закон Российской Федерации "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации". Обязанности основных видов внутренних войск (соединений и частей оперативного назначения, специальных

моторизованных воинских частей, соединений и воинских частей по охране важных государственных объектов и специальных грузов, по охране исправительно-трудовых учреждений и конвоированию), в сущности, мало отличаются от тех задач, для решения которых "могли быть употребляемы" подразделения внутренней стражи (разница лишь в языке и стиле документов). Четко прослеживается преемственность охранительных формирований России и в их организационной структуре (округа, бригады, батальоны), системе подчиненности и управления, взаимодействия с органами государственной власти. Даже цвет кантов достался нам в наследство от первых российских стражников: как свидетельствуют архивные источники, выпушки крапового цвета на обмундировании офицеров и нижних чинов внутренней стражи для отличия Отдельного корпуса от других войск были введены военным министром в 1829 году.

Но сходство внешних атрибутов, конечно, не самое главное. Сила русского духа — вот что прочнее всего объединяет солдат правопорядка разных поколений, не дает угаснуть традициям честного, беззаветного служения Отечеству. Меняется государственная власть. Меняются гербы, гимны, флаги и знамена, тексты присяги. Основные законы и уставы. Неизменным остается одно: верность воинскому долгу. Во все времена — не за страх, а за совесть.

Военные годы...

Во время нашествия наполеоновских полчищ некоторые батальоны стражи, дислоцировавшиеся в западных губерниях, принимали активное участие в боевых действиях. Так, могилевский губернатор, узнав о приближении французов, — читаем в одном из документов, — "послал 30 человек Внутренней стражи открывать (т.е. разведывать. — Авт.) неприятеля. Они дошли до первых французских пикетов, взяли в плен француза и от него получили дополнительные сведения".

Еще один волнующий сердце пример. В первую мировую конвоирами и воинами местных войск пополняли стрелковые полки действующей армии. Многие из них храбро сражались на фронте, являя образцы доблести и отваги. Необычную награду за проявленное мужество заслужил воспитанник Харьковской конвойной команды ефрейтор Василий Водяной. Попав в плен к немцам, он подвергся жестоким пыткам, но не сказал ни слова. Наконец бежал и вернулся в родной полк. Офицеры конвойных подразделений, пораженные необычайной стойкостью солдата, собрали деньги на икону и поднесли ее в память счастливого избавления

воина из плена. Главный инспектор по пересылке арестантов писал о подвиге ефрейтора: "В Харьковской команде окрепли в нем отличительные свойства русской души, утвердились доблестные качества русского солдата — любовь к родине и твердость духа, сломить которых не удалось неприятелю даже пытками".

*М*ирное время...

Это случилось в декабре 1845 года. Загорелся дом в небольшом городке Яранске, что в Пермской губернии. Огонь мог переброситься на соседние здания, и тогда запылал бы весь город. Первыми на пожар прибыли стражники местной команды во главе с поручиком Занегиным. Офицер своими умелыми действиями и распоряжениями, — записано в приказе по 4-му округу внутренней стражи, — "не допустил распространения пожара далее, несмотря на то, что... сам был охватываем пламенем и осыпая искрами". Командующий выразил бесстрашному поручику "свою признательность" и известил об этом поступке по всем частям округа.

15 июня 1859 года конвой сопровождал партию арестантов. При переходе моста через Березину один из преступников бросился в реку. Конвой рядовой Харитон Федосеев не растерялся, прыгнул вслед за побегушником, вытащил его из воды и водворил в строй. Командир корпуса награждал солдата пятью рублями серебром.

Ревностную службу стражников отмечали наградами и деньгами не только военные начальники. Государи высочайше жаловали, проявляя внимание к скромным служакам из низов — была такая державная традиция, вдохновлявшая, укреплявшая моральный дух офицеров и солдат.

Обнаруженные недавно архивные документы скупно и бесхитростно повествуют о фактах, в которые нам, испытавшим на своей шкуре "милости" властей предрержавших, просто трудно поверить.

В августе 1884 года при сопровождении караулом по железной дороге в Одессу партии опасных преступников численностью 260 человек ефрейтор Харьковской конвойной команды Федор Карташев обнаружил "покушение арестантов совершить побег через искусно подготовленную пропилку наружной стенки вагона". Бдительного конвойного решили поощрить производством в унтер-офицерское звание. Но по существовавшему положению повысить солдата в звании имели право только после двух лет службы, а Карташев был первогодком. Решив не отступать от принятого решения, военный министр представил царю подготовленный этапно-пересыльной частью доклад и испросил "высочайшего соизволения на производство Карташева в унтер-офицеры сверх

вакансий и не ожидая окончания двухлетнего срока его службы". Император Александр III лично распорядился произвести ефрейтора "за особые отличия, выходящие из ряда обыкновенных служебных отличий", в унтер-офицеры.

А вот удостоили бы вниманием подобное прошение нынешние руководители государства?

И какая мера поощрения была бы определена воину, оказавшемуся в ситуации, о которой речь ниже?

31 июля 1858 года стражник Астраханского батальона рядовой Егор Нагибин отличился на посту у храма Казанской Божией Матери. Во время богослужения в церкви вспыхнул пожар. Воин не покинул поста. Предотвращая панику среди спасавшихся от огня прихожан, обеспечивал поддержание порядка, охрану церковных ценностей. О мужественном поступке часового узнал Александр II и лично пожаловал солдату 50 рублей серебром.

Заметим: в то время для простого человека это было целое состояние.

Но сохраняя верность исторической правде, следует сказать: по частным примерам монаршей щедрости нельзя судить о высоком жизненном уровне военных. На рубеже XIX—XX веков они были придавлены жестокой бедностью. По сравнению с армейскими офицерами в более выгодном положении находились лишь офицеры конвойных команд. Ежегодно им выплачивались наградные деньги в размере годового оклада.

Есть и другая правда. Обидная, жестокая. Имеющим скромный достаток стражам порядка Российской империи поди и в кошмарных снах не снилось, что их потомки спустя столетие будут поставлены государством на грань нищеты. Внутренние войска сегодня финансируются на треть от фактических потребностей. Во многих частях офицеры получают зарплату в лучшем случае... раз в квартал, кое-где нечем оплатить хлеб для солдатского стола. Грустно становится, когда думаешь об этом. А еще утверждают, что история — учительница жизни. Ничему она не научила российских чиновников...

*Н*редвидим упрек оптимистам: негоже встречать день рождения с минорным настроением. Согласны. Посему завершаем несправа замечки к знаменательной дате мажорной строкой.

Долгий исторический путь внутренних войск России не был устлан розами и лаврами. Тернии встречались на каждом шагу. Но солдаты порядка не падали духом. Выдюжим и мы. Слава Богу, есть где черпать силы. Как-никак 185 лет за плечами...

Полковник Ю.КИСЛЫЙ,
подполковник Н.СЫСОВ.

РОДОНАЧАЛЬНИК

Первый командующий внутренней стражей России

Граф Е. Ф. Комаровский

Термин «внутренние войска» стал употребляться в России еще в первой половине прошлого века. Согласно «Расписанию сухопутных войск», ежегодно издававшемуся Военным министерством с 1836 по 1917 год, армия делилась на две части:

- 1) Действующие и резервные войска;
- 2) Внутренние войска и прочие части внутреннего управления».

Пожалуй, мировая история не знает такого государства, которое не заботилось бы о внутренней безопасности. Хрестоматийный пример: буквально через месяц после октября 1917 года создаются органы и отряды ВЧК «для защиты завоеваний революции». От них и было принято вести родословную внутренних войск бывшего Союза ССР и Российской Федерации. Однако большевики, создавая «войска правопорядка», не были в этом деле первопроходцами. Подобные воинские формирования существовали в России с

1811 года. Назывались они внутренней стражей.

Первым командующим внутренней стражей России и, по сути, ее создателем был граф Е. Ф. Комаровский — сподвижник Александра I, современник легендарных русских полководцев А. В. Суворова и М. И. Кутузова.

Поиск сведений о жизни и деятельности малоизвестного ныне русского военачальника занял не один год. В конце концов по крупицам собранные в библиотеках и архивах материалы позволили нам нарисовать портрет человека удивительной судьбы, военного деятеля «дней Александровых прекрасного начала».

...Путь из Санкт-Петербурга до Каменец-Подольска, являвшегося одним из западных форпостов Российской империи, в начале прошлого столетия был неблизким и утомительным, путешествие длилось порой неделями. То погода скверная, то лошади в разгоне... Но этому необычному путнику повозка подавалась без промедления. Станционные смотрители с почтением и страхом склонялись в благоговейном поклоне перед стройным, подтянутым генералом с аксельбантами императорского адъютанта. В его подорожной значилось: генерал-адъютант Евграф Федотович Комаровский — помощник Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора по полицейской части.

Путь генерала лежал на Украину. Всего лишь год назад покинул он Каменец-Подольскую крепость, где благополучно командовал по высочайшему повелению Павла I. Теперь же столичный генерал выехал туда по делам личным: обустроить приобретенное им имение.

Но в дороге Комаровский не забывал и о делах военных, государственных. «В проезд мой через разные города, — писал в своих мемуарах Евграф Федотович, вспоминая тот давний свой вояж, — я видел гарнизонные роты, составленные из людей, по внешнему виду еще здоровых; сие подало мне мысль представить

государю проект о сформировании из сих гарнизонных рот, в которых люди не исправляли ни малейшей службы, особливо в заштатных городах, под названием земского войска, разделив оное на батальоны и команды”.

Гарнизонные роты, на которые обратил внимание путешествующий генерал, представляли собой довольно жалкое зрелище. Состояли они в основном из солдат, непригодных по возрасту к строевой службе в регулярных войсках, вылечившихся после полученных в баталиях серьезных ранений, а также людей, ограниченно годных к военной службе.

Гарнизонные роты, дислоцировавшиеся в губернских городах, находились в полном распоряжении губернаторов, а уездные штатные команды — городничих, то есть гражданского начальства. А потому и обучение, и служебно-боевая деятельность этих воинских подразделений, мягко говоря, оставляли желать лучшего. А ведь задачи на них возлагались весьма и весьма ответственные. От гарнизонных и уездных рот и команд наряжались караулы к тюрьмам и острогам, выставлялись часовые в судебные и иные присутственные места, выделялись подразделения для усмирения бунтовщиков, поимки разбойников, беглых преступников, содействия полиции в обеспечении “порядка и благочиния” при проведении массовых мероприятий.

Генерал Комаровский, проезжая по городам и весям российской глубинки, к своему неудовольствию, отмечал, что солдаты занимались хозяйственными работами, кололи дрова местным влиятельным чиновникам, возили воду, помогали в ремонте и строительстве домов и даже выгуливали в качестве няnek отпрысков местных высоких начальников.

По возвращении в Санкт-Петербург Комаровский представил Александру I свои соображения по реформированию губернских воинских подразделений, совершенствованию их боевой подготовки и служебной деятельности. Государю сей проект понравился. Так родился замысел создания специальных войск правопорядка — внутренней стражи.

Биография будущего создателя внутренней стражи и ее первого командующего весьма любопытна. 18 ноября 1769 года* в семье чиновника канцелярии императорского двора Федота Афанасьевича Комаровского родился единственный

сын. Новорожденного нарекли Евграфом. Кроме него у родителей было три дочери.

Спустя год после рождения сына умерла Ульяна Ивановна. Глава семейства вышел в отставку и на сбережения, накопленные на государственной службе, приобрел небольшое имение. Однако беззаботное детство Евграфа в родительском поместье продолжалось недолго. Мальчику исполнилось семь лет, как ушел из жизни отец. Детей ожидала сиротская участь. Но, к счастью, об их судьбе позаботились родственники.

С огромной благодарностью вспоминая свою родню, Евграф Федотович писал: “После батюшкиной кончины учреждена была опека — из родного дяди моего Ивана Афанасьевича Комаровского, брата мачехи Дмитрия Степановича Рындина и зятя моего А. Н. Астафьева... А. Н. имел обо мне попечение самого нежного отца, он немедленно занялся тем, чтобы отдать меня в лучший тогда в Петербурге пансион”.

Одновременно с учебой в престижном учебном заведении юноша числился “сверх комплекта” сержантом одной из лучших частей русской армии — лейб-гвардии Преображенского полка. Получив прекрасное по тем временам образование, Комаровский выбирает военную карьеру и поступает в кадетскую роту лейб-гвардии Измайловского полка, где с усердием познает и военные науки.

Подавляющее большинство офицеров и генералов русской армии имели высокий, соответствующий своему времени общеобразовательный уровень. Об этом свидетельствует и запись в послужном списке Е. Ф. Комаровского: “Грамоте по-русски, по-французски и по-немецки читать и писать умею и разные части математики знаю”.

Сообразительный, дисциплинированный и инициативный кадет оказывается на виду у начальства. В те времена именно такие молодые военные привлекались для выполнения серьезных поручений влиятельных государственных мужей. И вскоре Комаровскому выпадает такая честь: его “назначают состоять для курьерских посылок” при могущественном царедворце времен Екатерины II канцлере князе А. А. Безбородко. С этого момента у гвардейского сержанта начинается беспокойная и интересная жизнь, полная риска и приключений. Поручения, которые приходилось исполнять Комаровскому, являлись ответственными и почетными, а зачастую и сугубо конфиденциальными,

то есть, говоря современным языком — государственной важности. Доверялись ему и курьерские поездки за границу.

Одно из таких поручений едва не положило конец придворной карьере Комаровского. Гвардейский сержант получил важное государственное задание — по случаю заключения между Россией и Францией первого торгового трактата доставить очень дорогие подарки влиятельным вельможам французского двора. Ценный груз состоял из двух огромных ящиков, в которых были тщательно упакованы полная коллекция российских медалей, соборный мех, дорогостоящие ювелирные украшения.

В пути ночью ящик сбился с дороги. Пвозка увязла в грязи, так что лошади не могли сдвинуть ее с места. Российское бездорожье — извечная наша беда. "Я не знал, что мне делать... — спустя годы вспоминал Евграф Федотович свое отчаянное положение, грозившее ему не только потерей карьеры, но и судом. — Я решил на последнее: вооружив ящика моими двумя пистолетами и саблей, сел верхом на отпряженную лошадь и поехал, сам не зная куда. К счастью, я выбрался на большую дорогу и приехал на станцию. Тотчас была заложена повозка, в которой я поскакал отыскивать завязшую в грязи".

Проехав несколько верст, Комаровский увидел отходившую влево заброшенную дорогу и приказал вознице свернуть на нее. Тот с ужасом начал креститься и дрожащим голосом пробормотал: "Там, барин, не проедешь, там топь ужасная!". Но все в конце концов закончилось благополучно: груз с бесценными подарками прямо из российского болота был доставлен по назначению — в Париж.

За короткой срок молодой порученец русского канцлера объехал многие столицы европейских государств. Он побывал в Вене, Париже, Берлине, Лондоне, где посещал королевские дворцы и блистательные особы влиятельных вельмож Европы.

В августе 1792 года Е. Ф. Комаровский, которому шел уже двадцать третий год, получил первый офицерский чин прапорщика лейб-гвардии Измайловского полка. По существовавшему в те времена при дворе обычаю гвардейцы, произведенные в офицеры, обязаны были лично благодарить государыню за высочайшую милость. Приехал в Царское Село и Комаровский. Позже он вспоминал, что, когда камергер высочайшего двора представил его Екатерине II, он, не справившись с волнением,

опустился на одно колено (согласно этикету гвардейским офицерам дозволялось благодарить государыню стоя) и крепко поцеловал руку императрицы.

Новоиспеченному офицеру неожиданно разрешили отобедать за одним столом с Екатериной II. Здесь же присутствовал и командир лейб-гвардии Измайловского полка премьер-майор И. И. Арбенов. Не замечавший ранее обыкновенного сержанта, он вдруг, с иронией рассказывал Комаровский своим сослуживцам о высочайшем приеме, неожиданно предложил молодому офицеру "ездить к нему домой запросто на обед или на ужин".

Вскоре прапорщика Комаровского назначают полковым адъютантом. Служба в гвардии открывает перед ним двери не только дома своего полкового командира, но и дворцов высшей столичной знати. Он завязывает знакомства с известными в российской истории государственными и военными деятелями. На грамотного и дисциплинированного офицера обратил внимание сам цесаревич Павел Петрович, страстный любитель безупречной строевой выправки воинов, будущий российский самодержец. А один из его сыновей — великий князь Константин Павлович — стал шефом лейб-гвардии Измайловского полка. Служить под его началом, позже отмечал Комаровский, было делом почетным, но и весьма трудным.

Известно высказывание великого князя: "Офицер есть не что иное, как машина; все, что командир приказывает своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость". Однако гвардейцы любили своего шефа за искренность и отеческую заботу о них. Не случайно одной из причин выхода гвардейских полков на Сенатскую площадь в декабре 1825 года явилось отречение Константина Павловича от престола в пользу своего брата — Николая I.

В 1799 году русские войска под командованием А. В. Суворова отправились в Италийский поход. Шеф измайловцев изволил лично участвовать в этой кампании в качестве волонтера. Сопровождал его на войну Комаровский, к тому времени уже полковник.

Великий князь Константин и офицеры его свиты не отсиживались, как это часто бывало с высокопоставленными чинами, в тылу, а принимали самое активное участие в сражениях и боевых операциях. Отряды русских войск, которые они возглавляли, не раз наносили ощутимые удары по противнику и обращали его в бегство. Сам

Суворов восторгался мужеством и бесстрашием великого князя и сопровождавших его офицеров. Довелось Комаровскому участвовать и в самых известных сражениях того суворовского похода: битвах у Сен-Готарда и Чертова моста, переходить Альпы...

После возвращения с театра военных действий в Санкт-Петербург на Комаровского, словно из рога изобилия, посыпались награды и царские милости. Ему были пожалованы орден Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский крест — одна из высших наград в царствование Павла I, избранного, как известно, Великим магистром Мальтийского ордена), орден Св. Маврикия 3-й степени от короля Сардинии и графское достоинство Священной Римской империи.

Но уже в мае следующего, 1800 года генерала Комаровского неожиданно отправляют подальше от столицы, назначив комендантом Каменец-Подольской крепости, куда "непрерывно выехать был обязан незамедлительно". Зрел заговор против Павла I, и, по всей вероятности, преданных ему военных отправляли из столицы подальше, "дабы не мешали злему умыслу свершиться". Но комендантство Комаровского вдали от петербургского светского общества длилось недолго. Новый император — Александр I — пожелал видеть графа при дворе и назначил его одним из своих генерал-адъютантов. Военная карьера Комаровского вновь пошла в гору.

Как-то новый адъютант в личной беседе с императором, наметившим большие реформы в государственном управлении, поведал об организации охраны порядка в Вене и об уважительном отношении тамошних жителей к полиции и закону. Присутствуя на одном из массовых празднеств в Вене, он отметил, что общественный порядок обеспечивали всего десять полицейских драгун с одним офицером во главе, да "и тем дела почти никакого не было". А вот когда организовывались аналогичные массовые гулянья под Санкт-Петербургом, то туда "для порядку посылались весь жандармский дивизион, со всего города полицейские офицеры, солдаты и будочники, и всем много дела находилось". Так что непослушание закону и тяга к буйству у россиян — болезнь застарелая.

Александр I выслушал Комаровского и недолго думая назначил его помощником

санкт-петербургского военного губернатора по полицейской части. А губернаторствовал в столице в то время М. И. Кутузов — будущий фельдмаршал и гроза французских завоевателей. Император также включил графа в состав комиссии по реорганизации полицейской службы, куда, кроме него, вошли министры юстиции и внутренних дел: знаешь, мол, как в Европе организована работа полиции, вот и у нас сделай не хуже...

Ознакомившись с положением дел по охране порядка в столице, новый шеф полиции пришел в ужас: постовые на улицах города, так называемых будочников, днем с огнем не сыщешь; розыск преступников не организован; и даже пожарные команды не справлялись с тушением многочисленных пожаров. О своих выводах и предложениях по улучшению охраны порядка Комаровский доложил государю, недвусмысленно закончив доклад словами: "Мудрено ли, что по улицам делаются грабежи и драки, когда ни брать грабителей, ни разнимать дерущихся некому".

Выслушав столичного полицейского шефа, Александр I поручил ему составить проект "насчет улучшения полиции". Комаровский предложил поступить на удивление просто: со всех хозяев домов "брать по девяти рублей в месяц", на эти средства построить на улицах постовые будки, "посадить в оные будочников" из солдат и унтеров, "менее способных к фрунтовой (строевой. — Авт.) службе", платить им жалованье и "провиантские" из собранных

Рядовой и унтер-офицер внутренней стражи. 1812 г.

денежных сумм и требовать с них "порядка и благочиния" на вверенных территориях. Чем не нынешняя патрульно-постовая служба?

Но новшество, предложенное Комаровским, приживалось туго. Новоиспеченному шефу полиции пришлось потратить немало сил и энергии, чтобы система постовой уличной службы прочно укоренилась не только в столице, но и во всей России.

Вскоре сам император отметил значительное улучшение охраны порядка в Санкт-Петербурге и изволил публично отблагодарить Комаровского за труды. "Но ты, брат, — заметил при этом Александр I, — не потолстел, видно, полицейские хлебы тебе не впрок". И то правда, хлеб блюстителя порядка не был легок.

В начале 1811 года Александр I вернулся к рассмотрению проекта графа Комаровского о преобразовании местных воинских подразделений во внутреннюю стражу. Указом от **16 января** он высочайше повелел "существующие ныне губернские роты и штатные команды привести в лучшее устройство, настоящему роду службы их и общему порядку сообразное ... все команды сии передать из гражданского в военное начальство". Царский указ от 27 марта положил начало формированию губернских батальонов и бригад. **3 июля** Александр I утвердил еще один важнейший документ, подготовленный графом Комаровским, — Положение для внутренней стражи.

Коренные реформы не только в военной области, но и в целом всей правоохранительной системы государства, в том числе и создание специальных сил правопорядка, явились огромным толчком к выдвигению России в число ведущих европейских государств.

Начавшаяся реорганизация губернских и уездных подразделений и формирование на их базе батальонов внутренней стражи вызвало у некоторых местных чинов недовольство: очень не хотелось выпускать из своих рук беспрекословно повинующихся вооруженных людей. Губернаторам строго-настрого запретили "чинов сих подразделений употреблять в партикулярные работы вместо отправления ими служебных обязанностей".

У новшества появились противники и среди высших должностных лиц государства. Один из них — министр полиции А.Д.Балашов. Он по-прежнему настаивал, чтобы и вновь создаваемая внутренняя

стража была "под непосредственным распоряжением местного гражданского начальства". Однако возобладало предложение Комаровского о военном устройстве частей внутренней стражи и подчинении ее военному ведомству.

Некоторые разногласия в отношении управления новым видом войск возникли также среди военной верхушки. Например, военный министр М.Б.Барклай-де-Толли настаивал, чтобы генерал Комаровский был при нем дежурным генералом по внутренней страже. Но Александр I, понимая, какую роль могут играть эти войска в системе внутренней безопасности империи, однозначно заявил: "Граф Комаровский — мой генерал-адъютант, и я хочу, чтобы он был между мною и вами". Этим утверждением император волею или неволею существенно повысил статус внутренней стражи в системе вооруженных сил России.

По воле государя была создана достаточно оригинальная структура управления внутренней стражей. Возглавлял ее инспектор, пользовавшийся правами командующего отдельным корпусом. На эту должность, как уже говорилось, был назначен Е.Ф.Комаровский. При нем находились четыре адъютанта, один обер-аудитор* и небольшая канцелярия. 30 ноября 1811 года Александр I утвердил Инструкцию инспектору внутренней стражи, в которой подробно были расписаны права и обязанности шефа вновь создаваемых войск. Согласно этому документу инспектор являлся помощником военного министра по управлению этими необычными формированиями, то есть он был единоначальником внутренней стражи, и в его полном подчинении находились окружные генералы (командующие округами).

Сложный период реформирования местных подразделений, естественно, не обошелся без конфликтов и на местах. Выйдя из непосредственного подчинения губернаторам и городничим, командиры этих подразделений попросту стали игнорировать все требования своих бывших начальников, в том числе и законные. Одно из таких недоразумений в 1812 году Комаровский поручил уладить лично командующему 8-м округом внутренней стражи генерал-майору Русанову, управление которого находилось в Екатеринославе.

Суть конфликта заключалась в следую-

*Старший (главный) военный судья.

щем. Начальник Енгильской уездной команды капитан Яковлев "осмелился отдать приказ" своим караульным не допускать местного городничего в охраняемое его солдатами тюремное помещение. Конфликт грозил перерасти в грандиозный скандал. Командующий округом был вынужден письменно разъяснять строптивому капитану, что городничий "по обязанности своей должен регулярно освидетельствовать состояние колодников и на блуждании за исправным их состоянием".

Кроме содействия полиции, конвоирования военнопленных, препровождения арестантов и выполнения других специфических задач, на внутреннюю стражу возложили организацию рекрутского набора для армии и военную подготовку запасных рекрутов.

Вскоре внутренняя стража стала приобретать военное устройство, дисциплину и подготовку. Уже спустя несколько месяцев Комаровский представил Александру I "первый месячный рапорт об... обширной и по всей России, кроме Сибири, разбросанной инспекции", коим государь остался доволен.

Дальнейшее совершенствование структуры внутренней стражи приостановила война с французами 1812 года. Генерал Комаровский как истинный патриот рвался в действующую армию. Но император отклонил просьбы графа и распорядился его судьбой иначе. Он возложил на Комаровского дополнительные и не менее ответственные, чем в боевых порядках, обязанности. Егору Федотовичу было поручено ведать рекрутскими наборами, обеспечивать действующую армию лошадьми, организовывать доставку различных воинских грузов и многое другое.

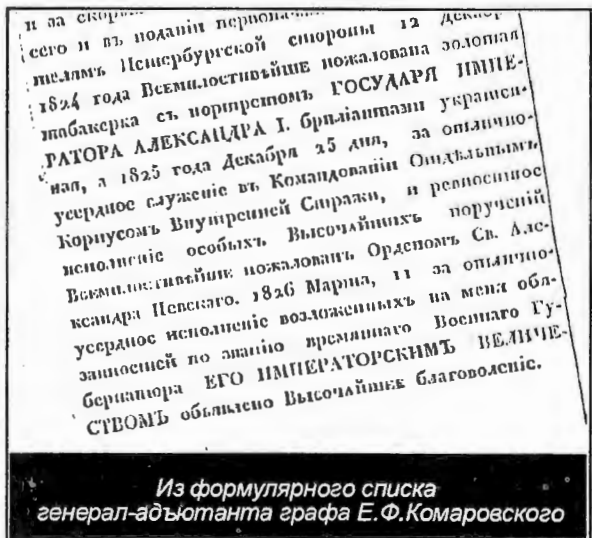
Шефу внутренней стражи, к огромному его сожалению, не довелось непосредственно участвовать в боях с наполеоновскими полчищами. А вот некоторые подчиненные ему батальоны, расквартированные в западных губерниях, приняли активное участие в боевых действиях.

После изгнания наполеоновских войск осуществляется новый этап военной реформы. Высочайшим указом от 12 декабря 1815 года было закреплено организационное деление вооруженных сил импе-

рии на две армии и отдельные корпуса, в числе последних — Отдельный корпус внутренней стражи (ОКВС), находившийся в "точной ведении военного министра".

30 марта следующего, 1816 года Александр I это переименование официально закрепил своим указом: "Внутреннюю стражу именовать отныне Отдельным корпусом внутренней стражи, инспектора оной — командиром Отдельного корпуса внутренней стражи". Граф Комаровский, теперь уже в чине генерал-лейтенанта, становится корпусным командиром. Совершенствуются и структуры управления войсками правопорядка: при командире корпуса создается корпусной штаб, а при окружных генералах — соответствующие службы и штабы.

Продолжается улучшение служебной деятельности частей ОКВС. В 1817 году вводится разработанная штабом под ру-

Из формулярного списка генерал-адъютанта графа Е. Ф. Комаровского

ководством Комаровского этапная система препровождения арестантов, утверждается Устав об этапах. Суть этой системы была следующей: этапные команды, входившие в состав батальонов внутренней стражи, сопровождали осужденных до границы с соседней губернией, там их принимали местные конвоиры и этапировали далее. Партии арестантов, каторжных и ссыльных сосредоточивались в Нижнем Новгороде, где начинался Главный нижегородско-тюменский ссыльно-этапный тракт, откуда их и отправляли в Сибирь. Здесь колодники попадали под конвой этапных команд Главного тракта, которые и доставляли их до места отбывания наказания.

Становление и развитие внутренней стражи проходило под неусыпным контролем штаба корпуса и лично генерала Комаровского. Он старался вникать во все стороны жизни стражников, интересовался их служебной и боевой подготовкой. В воспоминаниях Евграфа Федотовича об этом сложном периоде его жизни можно прочесть следующее: "Каждое почти лето я осматривал несколько батальонов и делал по несколько тысяч верст. Всякий раз я отдавал лично государю отчет о всем, что я видел, кроме установленного по форме донесения об инспекторских смотрах. Хотя должность моя была весьма хлопотлива, но она доставила мне случай ознакомиться почти со всей Россией". Александр I ценил эти доклады генерала Комаровского гораздо выше, чем официальные отчеты местных чиновников.

На командира корпуса и окружных генералов возлагали и обязанности временных комендантов при ликвидации последствий стихийных бедствий и иных чрезвычайных происшествий. Так, в ноябре 1824 года Санкт-Петербург подвергся небывалому наводнению. В столице, говоря современным языком, ввели чрезвычайное положение. Временным губернатором (читай — военным комендантом) Петербургской стороны, наиболее пострадавшей от стихийного бедствия, назначили командира корпуса внутренней стражи генерала Комаровского. Он сумел быстро организовать раздачу пострадавшему населению горячей пищи, распределение дров, теплой одежды, продуктов питания, денежных средств, оказание медицинской помощи... С приданными ему воинскими подразделениями и местными жителями незамедлительно приступил к разборке завалов, восстановлению мостов, ремонту жилых домов и других городских строений.

Через несколько месяцев после стихийного бедствия Петербургскую сторону посетил сам император, который "приятно был удивлен... найдя все восстановленным и в лучшем, нежели прежде, виде и в такое короткое время".

В награду за усердие и распорядительность император одарил Комаровского "табакеркою со своим портретом, осыпанною бриллиантами".

В 1825 году во время восстания декабристов генерал Комаровский, рискуя жизнью, лично объезжал мятежные полки и уговаривал прекратить "охватившее их безумие". Он понимал, как никто другой, в

какую пропасть могут завести Россию "потрясатели" государственных устоев. После подавления мятежа по просьбе нового императора Николая I он лично организовывал охрану и конвоирование арестованных офицеров в Петропавловскую крепость. Довелось ему быть и членом Верховного уголовного суда, выносить приговоры декабристам...

Более семнадцати лет бесценно руководил внутренней стражей Е. Ф. Комаровский. На этом поприще заслужил чин генерала от инфантерии и ордена: Св. Владимира 4-й степени, Св. Александра Невского и Св. Георгия 4-го класса (тогда им еще награждали за 25-летнюю военную службу).

В июне 1828 года Е. Ф. Комаровский сдал командование Отдельным корпусом внутренней стражи своему преемнику — герою Отечественной войны 1812 года генералу от артиллерии П. М. Капцевичу. Продолжая числиться на службе по военному ведомству "по инфантерии тяжелой", Евграф Федотович был назначен сенатором. Но, по-видимому, не совсем соответствуя требованиям нового режима, вскоре был вынужден отойти от государственных дел и поселился в своем имении в селе Городище Орловской губернии. Здесь он занялся облегчением незавидной доли крестьян, на собственные средства строил в окрестных деревнях церкви, открывал лечебницы и приюты.

13 октября 1843 года первый командующий внутренней стражей, российскими войсками правопорядка, граф Евграф Федотович Комаровский, "исполнив все христианские обязанности, переселился в вечность на 74-м году от рождения". Смерть старого графа повергла крестьян в глубокую скорбь. Как позже писал его внук, Николай Егорович Комаровский, крестьяне Городища и окрестных деревень "по собственному почину явились за 35 верст в город и на руках отнесли его тело в Городище, где он похоронен в построенной им кладбищенской церкви".

С.НИКОЛАЕВ.

Из "Записок графа Е.Ф. Комаровского"

Впервые "Записки графа Е.Ф. Комаровского" отдельным изданием были опубликованы в 1897 году по подлинной рукописи, напечатанной ранее на страницах "Исторического вестника".

Мемуары читаются с большим интересом. В историческом смысле они чрезвычайно богаты фактами внутренних отношений между высокопоставленными лицами, делавшими официальную историю России в конце XVIII века и в первой четверти XIX столетия.

Немало страниц Комаровский посвятил описанию своей деятельности по формированию Отдельного корпуса внутренней стражи и командованию им в течение семнадцати с лишним лет. С некоторыми из них мы и знакомим вас.

Образ жизни моей был единообразен до 1811 года... когда я, по высочайшему приказу, назначен был инспектором вновь учреждаемой внутренней стражи и помощником по сей части военного министра, которым был тогда Барклай-де-Толли. Государь, прежде назначения моего, приказал мне рассмотреть постановление внутренней стражи и ее обязанности, и с моими замечаниями передать военному министру. Потом сие внесено было в государственный совет и получило высочайшее утверждение. Барклай-де-Толли хотел, чтобы я носил звание дежурного при нем генерала по внутренней страже, но государь на сие не согласился, сказав:

— Граф Комаровский — мой генерал-адъютант, и я хочу, чтобы он был между мной и вами.

С начала последнего образования государственного совета и учреждения комитета министерств, государь председательствовал сам всегда как в совете, так и в комитете министерств. Когда внесено было в совет положение о внутренней страже, император приказал прочесть оное и сам объяснил выгоды сего учреждения, опорочивая прежнее постановление о губернских и уездных штатных командах тем, что они, будучи составлены из воинских нижних чинов, подчиняются статским чиновникам, как-то: губернаторам и городничим, и что те нижние чины беспрестанно употребляются в партикулярные работы вместо отправления их служебных обязанностей; что в команды сии офицеры употребляются сенатом с

гражданскими чинами; что вообще в тех командах нижние чины имеют только одно звание солдата, а потому, чтобы сии команды, войдя в состав внутренней стражи, получили образование, соответствующее их предназначению; они должны зависеть от военного министерства. На сие Балашов, бывший уже министром полиции, просил и получил позволение объяснить свое мнение. Он старался доказать, что местное гражданское начальство, лишась способа действовать по своему усмотрению, часто не пропуская нимало времени, военною силою не будет в состоянии отвратить могущие возникнуть важные беспорядки и сохранить спокойствие и тишину между обывателями, столь необходимые в благоустроенном государстве; что, по его мнению, внутренняя стража должна быть под непосредственным распоряжением местного гражданского начальства. Сие мнение министра полиции, как известно, оставлено было без уважения. Однако же прение по сему предмету между государем и Балашовым, как говорили, продолжалось довольно долго, и сие заседание имело что-то конституционное. Главный предмет учреждения внутренней стражи состоял в том, чтобы при батальонах оной формируемы были рекруты, чтобы посредством оной препровождались в случае войны пленные, чтобы конвоированы были рекрутские партии, с места их набора, в назначенное рекрутское депо, куда прикомандированы должны быть офицеры из внутренней стражи. На сии потребности прежде отряжались команды при офицерах из действующих

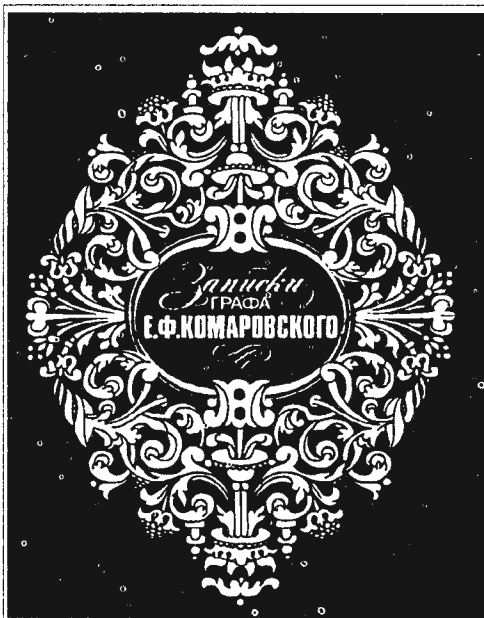
войск; при самих рекрутских наборах находились прежде штаб-офицеры из армейских полков, которые должны были заменены быть штаб-офицерами из внутренней стражи. Пересылка арестантов всякого рода прежде возлагаема была на обывателей — повинность самая отяготительная, особливо в рабочую пору, — а, сверх того, за упуски на пути арестанта сии несчастные подвергались тюремному заключению и часто невинному наказанию; названная повинность также вошла в обязанность внутренней стражи.

Сия огромная инспекция сначала разделена была на восемь округов (каждым командовал генерал-майор, на правах дивизионного генерала), на бригады и на полубатальоны, ибо они состояли тогда только из трех рот. Округ составляли несколько бригад, а бригады два или три батальона. Впоследствии времени число округов, по представлению моему, увеличилось до одиннадцати и прибавлено по одной роте к каждому полубатальону, и оные получили название батальонов. В каждом губернском городе назначен находится один батальон, который и носит имя того города; в каждом уездном городе учреждена инвалидная команда. Принято было за правило, чтобы в губернии батальоны поступали из армии нижние чины, определенные на службу из самих же уездов. Сие соблюдалось сколько было возможно. Для удобнейшего препровождения арестантов и пересыльных потом учреждены по большим трактам этапные команды.

По назначении меня инспектором внутренней стражи, я часто имел счастье быть призываемым в кабинет государя. Его величество весьма много занимался сею вновь учрежденною им частию. Когда я представил императору первый месячный рапорт о вверенной мне сей обширной и по всей России, кроме Сибири, разбросанной инспекции, государь был чрезвычайно доволен. Как инспектор внутренней стражи, я имел при себе канцелярию, состоящую из одного секретаря, двух чиновников, обер-аудитора и нескольких писцов.

По званию моему, я мог иметь четырех адъютантов, но сначала находились при мне только три: Преображенского полка барон Швахгейм, Семеновского — Дохтуров и Измайловского — Храповицкий.

В декабре месяце 1814 года государь находился на конгрессе в Вене. По возвращении императора в Петербург князь Алексей Иванович Горчаков, не предварив меня, сделал о мне доклад к генерал-лейтенантскому чину. К несчастию моему, государь был недоволен князем Горчаковым, и доклад его обо мне возвращен был с замечанием, что его величество предоставляет одному себе ценить службу своего генерал-адъютанта, а не другому кому. С небольшим через год потом, а именно 7 февраля 1816 года, вышло образование дежурства главного штаба его императорского величества; в сем образовании внутренняя стража получила название отдельного корпуса внутренней стражи, и я назначен командиром оного. 30 августа 1816 года я произведен был, как ска-

зано в приказе, за отличие по службе в генерал-лейтенанты, пробыв без двух месяцев и нескольких дней 17 лет в генерал-майорском чине. У императора Александра принято было за правило, чтобы в генеральских чинах не производить по старшинству, а за отличие.

С 1819 года безвыездно из Петербурга занимался устройением вверенного мне корпуса, а с сего года я начал делать мои инспекции.

В половине лета государь поехал в Варшаву, куда позволил и мне также прибыть. Осмотрев Псковский, Митавский, Виленский, Гродненский и Белостокский батальоны, я приехал в Варшаву прежде императора, подал его высочеству, цесаревичу, рапорт о состоянии командуемого мною корпуса, чем великий князь очень был доволен.

Я выехал из Варшавы на другой день после отбытия из оной императора. На возвратном пути в Петербург я осматривал: Минский, Могилевский и Витебский батальоны. С сего времени жизнь моя была единообразна. Каждое почти лето я осматривал несколько батальонов и делал по несколько тысяч верст. Всякий раз я отдавал лично государю отчет о всем, что я видел, кроме установленного по форме донесения об инспекторских смотрах. Хотя должность моя была весьма хлопотлива, но она доставила мне случай ознакомиться почти со всей Россией, не выключая и знойной Астрахани, кроме Сибири и Грузии. Я совершил в 8 лет до 32 тысяч верст.

В ноябре месяце 1824 года, когда Петербург подвергся небывалому доселе наводнению, я был употреблен деятельным образом. 8-го числа того месяца, на другой день наводнения, я получаю записку от бывшего тогда начальником главного штаба его величества, генерал-адъютанта Дибича, чтобы я в третьем часу после обеда явился в комнаты государя. После меня скоро приехали генерал-адъютанты: Депрерадович и Бенкендорф. Нас позвали немедленно в кабинет императора. Государь нам сказал:

— Я призвал вас, господа, чтобы вы подали самую деятельную и скорую помощь несчастным, пострадавшим от ужасного вчерашнего происшествия, — и у него приметны были слезы на глазах. — Я уверен, что вы разделяете мои чувства сострадания, — и продолжал говорить с таким чувствительным красноречием, что мы сами были чрезмерно тронуты. — Я назначаю вас, — присвокупил император, — временными военными губернаторами заречных частей города, что вы увидите из сегодняшнего приказа. Вот вам инструкция, наскоро составленная; сердца ваши ее дополнят. Поезжайте отсюда к министру финансов, который имеет повеление выдать каждому из вас по 100 тысяч рублей на первый случай.

Мы вышли из кабинета государя, восхищенные тем, что мы слышали, и сказали:

— Жаль, если разговор сей не сохранится для потомства, ибо оный изобразил бы императора Александра таковым, каковым он точно был, и послужил бы лучшим панегириком его небесной души.

Но останется памятником начертанная собственною его величества рукою инструкция, государем нам данная, в коей видна его нежная и отеческая попечительность о несчастных, пострадавших от наводнения, и в коей ничего не упущено было к услаждению их плачевной участи.

Генерал-адъютант Депрерадович назначен был военным губернатором в Выборгскую часть, я — на Петербургскую сторону, а Бенкендорф — на Васильевский остров. Мы в тот же вечер получили определенную нам сумму. Мое местопребывание назначено было в доме крепостного коменданта, куда я и отправился ночевать. Мы подчинены были военному генерал-губернатору, графу Милорадовичу, которому и должны были делать наши донесения, но находящаяся местная полиция и квартирующие в той части города войска состояли под нашим непосредственным начальством. Между тем учреждены были и на Адмиралтейской стороне частные комитеты, которых председатели были гг. сенаторы. Сии частные комитеты были подчинены центральному комитету под председательством князя Алексея Борисовича Куракина. Мы также учредили при себе комитеты, составленные из особ. наиболее пользующихся уважением обывателей той части города. На другой день моего приезда на Петербургскую сторону, к которой присоединены были Каменный и Аптекарский острова, я поехал осмотреть оную и никак не мог себе представить такого опустошения, каковое я нашел повсеместно. Все заборы были снесены, все мосты, даже и мостики через канавы, разделяющие улицы, сорваны, так что никакого сообщения между оными не было. Множество фонарей и несколько будок были истреблены водой. По сделанному после счёту, до 160 барок разной величины и несколько галиотов находились на улицах. Известно, что на Петербургской стороне все почти обывательские дома деревянные и в один этаж, кроме Большого проспекта. Во всех сих домах ветром разбило стекла, а вода разрушила печи, особливо в слободе, называемой Колтовскою; на берегу взморья вода была вышеною с лишком на три аршина. Там многие ветхие дома совсем были снесены. Жителей, по самым верным сведениям, погибло на Петербургской стороне до 90 душ обоего пола. Я не знал сначала, за что приняться. Приехав в Колтовскую и увидя множество жителей без приюта и без пищи, я приказал, на первый случай, коекак их разместить по соседям и роздал лично более нуждающимся до двух тысяч пятаков рублей денег...

Комитет, при мне находящийся, состоял из шести членов: четверо были из дворян, а двое из купцов. Петербургская сторона разделена на четыре квартала: 1-й квартал поручен был сначала коллежскому асессору Льву, а потом Мельяну, 2-й коллежскому советнику Агафонову, 3-й купцу Шубину, 4-й купцу же Шульгину. Действительному статскому советнику Кремков-

скому поручены были Каменный и Аптекарский острова, а действительный статский советник Лагода находился в комитете и получал иногда от меня особые поручения. Сверх того, в каждом квартале учреждены были особые комитеты, в которых членами находились известные своим хорошим поведением из мещан и из ремесленников; сии квартальные комитеты назначены были в помощь члену частного комитета, которому вверен был квартал. Из обывателей избраны были надежные и честные люди, которые раздавали в каждом квартале пищу, состоящую в скоромные дни из щей с говядиной, а в постные из кашицы с снетками, гречневой каши и хлеба с солью. При всяком из сих раздавателей пищи находился офицер из внутренней стражи с двумя рядовыми для порядка. Сначала раздавалось до 2-х тысяч порций ежедневной пищи, а когда устроены были в домах бедных печи, то отпускали им и дрова, и муку. При гарнизонном батальоне, расположенном на Петербургской стороне, учреждена была швальня, в которой шили армяки, тулупы и раздавалась и прочая одежда, и обувь, как для мужчин, так и для женщин. Сим заведовал батальонный командир полковник Елистратов. Строительная часть поручена была находившемуся при штабе моем квартирмейстерской части поручику барону Корфу и архитектору Беретти, жившему на Петербургской стороне. Восстановление фонарей, будок и заборов возложено было на бывшего при мне по особым поручениям майора Кельчевского. Канцелярию моею управлял дежурный штаб-офицер Репешко; равно и адъютанты мои: Жеребцов, граф Толстой и Воронковский, были употреблены по разным предметам. Обязанность членов комитетов была всякий день поутру обходить кварталы и во всяком доме осмотреть повреждение, сделанное водою, и войти в положение хозяина дома и находящихся в оном жильцов и, соразмерно потере их, назначить вспомоществование, сначала самое нужное, ибо сие вспомоществование возобновлялось несколько раз сообразно сумме, находившейся в распоряжении комитета. Всякое после обеда все члены собирались у меня, и мы в общем заседании рассматривали представленные членами комитета списки и назначали денежные пособия, которые члены получали под свои расписки тотчас, и на другой день раздавали по принадлежности, и, таким образом, это повторялось каждый день. Мне казалось, что сей был самый скорейший способ, чтобы доставлять пособия. На третий день (т. е. 10-го ноября) моего пребывания на Петербургской стороне посетил меня государь. Накануне

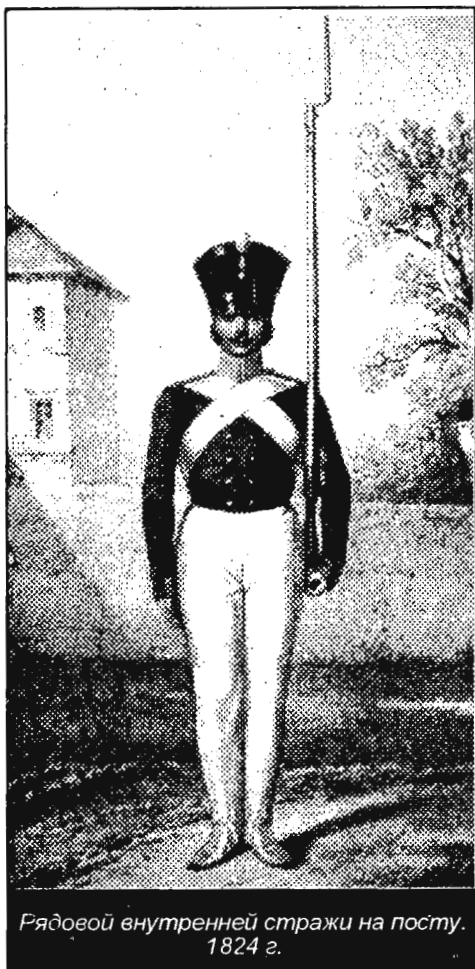
того дня присланы были дрожжи в одну лошадь с кучером с императорской конюшни, чтобы находиться в нанятой у самого перевоза квартире. Я встретил государя, как он изволил выходить из кареты. Его величество начал рассказывать мне, что накануне был свидетелем зрелища ужасного. На четвертой версте, по Петергофской дороге, находился казенный литейный чугунный завод; оный стоял на самом взморье; деревянные казармы были построены для жительства рабочих людей, принадлежащих заводу. В 9 часов утра, 7-го ноября, ветер стал подниматься, вода прибывать, ударили в колокол, чтобы распустить с работы людей; все бросились к своим жилищам, но уже было поздно, вода с такою скоростью прибыла, что сим несчастным невозможно уже было достигнуть казарм, где находились их жены и дети; и вдруг большую часть сих жилищ понесло в море. Каково же было положение сих бедных людей, видящих погибающими их семейства и не имеющих способа подать им ни малейшей помощи! Приметно было, что государь внутренне страдал, рассказывая о сем ужаснейшем происшествии, и присовокупить изволил:

— Я бывая в кровопролитных сражениях, видал места после баталий, покрытые бездушными трупами, слышал стоны раненых, но это неизбежный жребий войны; а тут увидел людей, вдруг, так сказать, осиротевших, лишившихся в одну минуту всего, что для них было любезнее в жизни; сие ни с чем не может сравниться.

Потом государь сел на дрожжи, и я поехал вперед. Сначала я повез его величество к Тучкову мосту; тут посреди проспекта стоял преогромный галиот, так что мы принуждены были сойти с дрожжек и идти пешком; государю хотелось видеть второй кадетский корпус, но когда мы вышли на берег реки Невы, то все парадное место корпуса покрыто было барками, бревнами и таким множеством дров, что и пешком шагу вперед сделать было невозможно. Между тем император у меня расспрашивал, что я успел сделать в сие короткое время, и, кажется, отчетом моим был доволен. Его величество приказал, чтобы я ничего не щадил для призрения бедных. Потом кое-как мы пробрались на Каменно-островский проспект; тут открылось нам необозримое поле огородов, и могли доехать только до Карповки, ибо мост через оную был сорван, а мост на Каменный остров уцелел. Государь сошел с дрожжек и сказал мне:

— Какое ужасное опустошение! Ну, брат, тебе предстоит много труда.

Основные этапы строительства внутренних войск России

*Рядовой внутренней стражи на посту.
1824 г.*

16 января 1811 г.

Указом императора России Александра I предписано привести в надлежащее соответствие охранные формирования, передав в военное ведомство местные губернские команды, подчинявшиеся гражданскому начальству.

27 марта 1811 г.

Указ императора России Александра I "Об устройстве губернских рот и... команд..." положил начало формированию

первых подразделений внутренней стражи из местных губернских команд, ранее переданных из подчинения гражданскому начальству в военное ведомство.

3 июля 1811 г.

Император Александр I утвердил Положение для внутренней стражи, которым на нее помимо общих воинских обязанностей возлагались подавление бунтов и восстаний, ликвидация бандитских шайек, караульная, конвойная служба, охрана порядка на ярмарках, народных гуляниях, при стихийных бедствиях и другие задачи.

7 февраля 1816 г.

Батальоны и бригады внутренней стражи сведены в Отдельный корпус внутренней стражи. На европейской территории России было образовано 8 (с 1818 г. — 12) округов внутренней стражи.

25 июля 1829 г.

Утверждено Положение о линейных батальонах и подвижных ротах, предназначенных для охраны горных заводов (Урал, Нерчинск), монетных дворов (С.-Петербург) и других заведений, подведомственных Горному управлению. Сформировано 5 линейных батальонов и 3 подвижные роты.

6 августа 1864 г.

Упразднен штаб Отдельного корпуса внутренней стражи. Бригады внутренней стражи в военных округах реформированы в бригады местных войск с возложением на них прежних задач.

Декабрь 1865 г.

В составе Главного штаба учреждена этапно-пересыльная часть для взаимодействия с тюремной администрацией, командованием местных войск.

20 января 1886 г.

На базе конвойных команд сформирована конвойная стража в составе 530 команд. Она по-прежнему входила в состав местных войск.

30 апреля 1904 г.

Приказом военного ведомства установлено: за особо выдающиеся подвиги, совершенные нижними чинами конвойной стражи, награждать их по ходатайству непосредственных начальников серебряной

Караул от конвойной команды препровождает партию арестантов. Сибирь. Начало XX века

медалью "За усердие" на Станиславской ленте для ношения на груди.

10 июня 1907 г.

Указом Николая II утвержден проект Устава конвойной службы.

5 ноября 1908 г.

Перевозка арестантов в Санкт-Петербурге и Москве стала осуществляться на специальных автомашинах.

27 марта 1911 г.

В ознаменование 100-летия конвойной стражи и местных войск учрежден знак "100 лет конвойной стражи": для офицеров — серебряный, оксидированный, нижним чином — из белого металла.

Январь — март 1918 г.

Созданы первые вооруженные отряды при Всероссийской чрезвычайной комиссии и чрезвычайных комиссиях на местах.

20 апреля 1918 г.

Приказом Народного комиссариата по военным делам ранее существовавшая конвойная стража реорганизована на новых принципах. Для руководства ею учреждена Главная инспекция конвойной стражи при Наркомате юстиции РСФСР.

13 июня 1918 г.

Решением коллегии ВЧК все отряды, состоящие при чрезвычайных комиссиях в центре и на местах, объединены в корпус войск ВЧК во главе со штабом.

28 мая 1919 г.

Постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны состоявшие в распоряжении хозяйственных ведомств — Наркомпрода, Главода, Главсахара, Главнефти, Центротекстиля и т. п. — войска вспомогательного назначения объединены на базе войск ВЧК в войска внутренней охраны Республики (ВОХР), подчиненные НКВД РСФСР. Штаб войск ВЧК переименован в штаб войск ВОХР, который 18 июня 1919 г. преобразован в Главное управление войск ВОХР.

19 января 1921 г.

Постановлением Совета Труда и Обороны все части и отряды, состоявшие в ведении ВЧК, сведены в особый вид войск — войска ВЧК.

Март 1922 г.

В связи с упразднением 6 февраля 1922 г. ВЧК и образованием Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР войска ВЧК реорганизованы в войска ГПУ, с ноября 1923 г. — войска ОГПУ (Объединенного государственного политического управления) при СНК СССР.

1922 г.

Стал употребляться термин "внутренние войска" для обозначения частей ГПУ, выполнявших служебные задачи внутри страны.

Красноармеец войск ОГПУ. 20-е годы

7 марта 1923 г.

Совет Труда и Оборона возложил на войска ГПУ охрану учреждений Наркомфина. Для этого созданы 3 полка, 7 отдельных дивизионов, 4 взвода.

6 ноября 1926 г.

Создано Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ.

4 декабря 1931 г.

СНК СССР возложил на войска ОГПУ охрану важных предприятий промышленности, государственных сооружений и железнодорожных объектов.

10 июля 1934 г.

Постановлением ЦИК СССР образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). В его структуре создано Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО), преобразованное впоследствии в Главное управ-

ление пограничных и внутренних войск. В сентябре 1934 г. ему были подчинены конвойные войска.

8 марта 1939 г.

Приказом НКВД СССР в соответствии с постановлением СНК СССР Главное управление пограничных и внутренних войск было разделено на шесть главных управлений в составе НКВД СССР:

Главное управление пограничных войск;

Главное управление войск по охране железнодорожных сооружений;

Главное управление войск по охране особо важных предприятий промышленности;

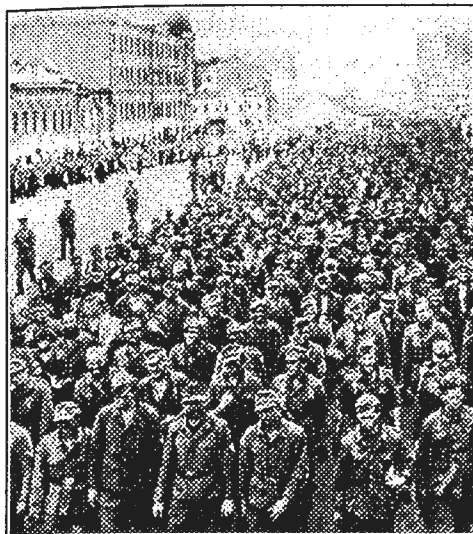
Главное управление конвойных войск;

Главное управление военного снабжения;

Главное военно-строительное управление.

На посту

Конвоирование немецких военнопленных через Москву

5 апреля 1941 г.

Образовано Управление оперативных войск НКВД, переформированное приказом НКВД 4 января 1942 г. в Управление внутренних войск НКВД СССР, которое 28 апреля 1942 г. реорганизовано в Главное управление внутренних войск (ГУВВ). В его составе создано Управление войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии.

4 мая 1943 г.

Приказом НКВД СССР сформировано Главное управление войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии.

18 декабря 1944 г.

Государственный комитет обороны (ГКО) возложил на НКВД СССР организацию охраны тыла и коммуникаций действующей Красной Армии на освобожденной от немецко-фашистских оккупантов территории Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии. Во исполнение этого постановления было сформировано 10 дивизий войск НКВД.

27 апреля 1946 г.

Приказом МВД СССР сформировано 5 комендатур по охране особо важных предприятий промышленности.

12 марта 1954 г.

В связи с объединением МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство — МВД СССР Главное управление внутренней охраны и Управление конвойной охраны объединены в Главное управление внут-

ренней и конвойной охраны (ГУВКО) МВД СССР.

28 марта 1957 г.

В составе МВД СССР сформировано Главное управление внутренних и конвойных войск.

13 января 1960 г.

Президиум Верховного Совета СССР упразднил Министерство внутренних дел СССР. Его функции переданы МВД (с августа 1962 г. — Министерством охраны общественного порядка, МООП) союзных республик. Части внутренних войск перешли в подчинение МВД союзных республик.

30 марта 1960 г.

Постановлением Совета Министров РСФСР утверждена структура центрального аппарата МВД РСФСР. В нем образовано Управление внутренних войск, внутренней и конвойной охраны (УВВВ и КО).

23 июля 1966 г.

ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление "О мерах по усилению борьбы с преступностью". В связи с этим в составе внутренних войск сформированы специальные моторизованные части милиции (СМЧМ).

Часовой 80-х

В горячей точке

26 июля 1966 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР образовано союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка. В его составе создано Главное управление внутренних войск, внутренней и конвойной охраны (ГУВВВ и КО), на которое возложено руководство соединениями, воинскими частями внутренней и конвойной охраны, подчинявшимися МООП союзных республик.

25 ноября 1968 г.

Президиум Верховного Совета СССР переименовал союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка в союзно-республиканское Министерство внутренних дел СССР.

ГУВВВ и КО было переименовано в Главное управление внутренних войск.

21 марта 1989 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР пограничные, внутренние и железнодорожные войска выведены из состава Вооруженных Сил СССР.

26 марта 1990 г.

Верховным Советом СССР принят Закон СССР "Об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР при охране общественного порядка".

20 октября 1991 г.

Президент РСФСР подписал указ, согласно которому объединения, соединения, части и военные училища внутренних войск МВД СССР, дислоцировавшиеся на территории РСФСР, со всем личным составом, органами управления, табельным вооружением, боевой и специальной техникой, фондами и бюджетными ассигнованиями и другим имуществом перешли под юрисдикцию РСФСР с подчинением их Министерству внутренних дел России.

24 сентября 1992 г.

Верховный Совет Российской Федерации принял Закон "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации". Он определяет назначение, задачи, принципы деятельности, состав внутренних войск, их обязанности и права, гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих и другие нормативные положения.

Публикацию подготовил
полковник в отставке
В. ЕЛАГИН.

Юбилей в начале века

1811–1911: сто лет безупречной службы

Столетний юбилей — одна из самых знаменательных дат в истории местных войск и конвойной стражи (так назывались в начале XX века войска правопорядка). Заинтересованность, которую проявил к этому событию император Николай II, свидетельствует о том, с каким вниманием относился глава государства к воинским формированиям, предназначенным для обеспечения внутренней безопасности Российской империи. В высочайшем приказе по военному ведомству, датированном 27 марта 1911 года, было сказано: "В воздаяние верной и ревностной службы Престолу и Отечеству местных войск и конвойной стражи, коим ныне истекает СТО лет со времени их основания, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ объявляет всем офицерским и класным чинам местных войск и конвойной стражи Высочайшее благоволение, а нижним чинам ЦАРСКОЕ спасибо". Конечно, круглая дата обязывала императора проявить знаки внимания верноподанным. Но и ранее Николай II не обижал "молодцов-конвоиров", не раз объявляя им царское спасибо — об этом свидетельствуют его многочисленные резолюции на докладах начальников конвойных команд на "высочайшее имя". Торжества по случаю столетия местных войск и конвойной стражи прошли с большим размахом, об этом свидетельствуют документы и материалы, найденные сотрудниками Центрального музея внутренних войск МВД России в архивах и периодических изданиях начала XX века. Их и предлагаем вниманию читателей.

**Возложение венков депутацией
от конвойной стражи на гробницу
императора Александра I**

26 марта 1911 года, накануне столетней годовщины основания местных войск и конвойной стражи была отслужена панихида в Петропавловском соборе у гробницы в Бозе Почившего Императора Александра I. К началу богослужения, в 5 часов в собор прибыли начальник местной бригады генерал-лейтенант Филипповский и Главный инспектор по пересылке арестантов генерал-майор Лукьянов. Еще ранее туда же собрались начальник, офицеры и все свободные от служебных нарядов нижние чины Санкт-Петербургской конвойной команды, а также члены инспекции по пересылке арестантов и этапно-пересыльной части главного штаба и прибывшие к этому дню в Петербург начальники Московской, Ревельской и Рижской конвойных команд. Кроме того, на панихиде присутствовали помощник коменданта Петропавловской крепости генерал-лейтенант барон Сталь-фон-Гольштейн, полковник Веревкин и начальники Охтенской и Сестрорецкой местных команд.

Панихиду совершил настоятель собора митрофорный протоиерей Дернов. Перед началом панихиды депутацией от конвойной стражи был возложен на гробницу Державного Основателя серебряный венок с надписью: "В столетнюю годовщину Державному Основателю. 1811-1911. Конвойная стража. 27-го марта 1911 года".

Празднование 100-летнего юбилея конвойной стражи в Санкт-Петербургской конвойной команде

13 апреля 1911 года празднование столетнего юбилея конвойной стражи состоялось в Санкт-Петербургской конвойной команде.

К назначенному для молебствия времени, конвойная команда, имея на правом фланге офицеров, была построена без оружия в помещении столовой.

В 11.15 в помещение команды прибыл Главный инспектор по пересылке арестантов генерал-майор Лукьянов и, обойдя фронт и поздравившись с людьми, сказал: "Я рад поздравить вас с Высочайшей милостью, дарованной конвойной страже по случаю столетнего юбилея, и уверен, что Царское спасибо за вашу службу укрепит в вас сознание и впредь нести ее от сердца и ... поможет доказать вам на деле, что вы достойны высокого к вам внимания Государя Императора".

Вскоре после этого прибыл начальник Санкт-Петербургской местной бригады генерал-лейтенант Филипповский, который, приветствуя команду, сказал следующее: "Поздравляю вас с высокой милостью к вам Государя Императора, выразившейся в даровании конвойной страже старшинства и в объявлении ей Царского спасибо за верную и честную службу в день столетнего юбилея. За здоровье нашего всемилостивейшего Государя Императора "Ура".

Громкое и продолжительное "Ура" — было ответом на приветствие Его Превосходительства.

Прибывший затем начальник Главного тюремного управления, действительный статский советник Хрулев, поздравившись с людьми, сказал: "27 минувшего марта исполнилось столетие со дня учреждения конвойных команд. Трудная служба конвойной стражи; от нее требуется постоянная бдительность, осмотрительность, находчивость, выносливость, мужество; нередко сама жизнь подвергается опасности. Но как за Богом молится, так и за Царем служба не пропадает. Государю Императору благодарно было всемилостивейше осчастливить конвойные команды объявлением за верную и ревностную службу престолу и Отечеству г.г. офицерам своего благоволения, а нижним чинам — Царское спасибо, а также установить нагрудный знак в память столетнего юбилея конвойной стражи. Поздравляю вас с этой высокой Монаршей милостью, вполне уверен, что она усугубит ваше рвение к службе на пользу Государю и Родине.

Да здравствует же на долгие годы наш всемилостивейший Государь Император Николай Александрович. Ура".

Могучее "Ура", повторяемое несомненно, последовало за словом начальника Главного тюремного управления. Затем тут же, у командного образа было отслужено духовенством молебствие с провозглашением многолетия ныне благополучно царствующему Государю Императору Николаю Александровичу и всему Царствующему дому, а также вечной памяти в Бозе почивающему Императору Александру Благословенному, основателю конвойной стражи.

После молебствия состоялось поднесение депутацией от офицеров конвойных команд и Главной инспекции по пересылке арестантов, во главе с генерал-майором Лукьяновым, начальнику Главного тюремного управления действительному статскому советнику Хрулеву Высочайше установленного для конвойной стражи юбилейного знака, причем Главный инспектор по пересылке арестантов генерал-майор Лукьянов обратился к начальнику Главного тюремного управления со следующими словами: "Государь Император изволил утвердить для конвойной стражи особый знак. Офицеры конвойной стражи просят меня поднести этот знак Вашему Превосходительству. Этот знак — родной для конвойной стражи, и нам приятно видеть его на Вашей груди. Чины конвойной стражи отлично сознают, что ответственная служба их близко соприкасается с деятельностью вверенного Вашему Превосходительству Главного тюремного управления, которое, в свою очередь, так близко стоит к интересам правосудия.

В этом сознании чины конвойной стражи черпают стремление выполнить свою работу, не щадя сил и в совершенстве... Я твердо уверен, что при таких данных, как, с одной стороны, стремление выполнить свой долг в совершенстве, "по присяге", а с другой стороны, при стремлении выполнить его, вложив душу в дело, т.е. нести службу "от сердца" — повторяю, я твердо уверен, что и в будущем служба конвойной стражи окажется на должной высоте".

Принимая от Главного инспектора знак конвойной стражи, действительный статский советник Хрулев, выразив свою признательность как генерал-майору Лукьянову, так и офицерам конвойной стражи за любезное поднесение ему знака, сказал: "Очень благодарен Вашему Превосходительству за Ваши слова. Мне особенно приятно, что Вы подчеркнули в них ту связь службы конвойной стражи с Главным тюремным управлением, которая, конечно, представляет залог успеха для совместной работы".

Вслед за тем присутствующие, в числе которых находились: чины управления местной бригады, чины этапно-пересыльной части Главного штаба и канцелярии Главного инспектора по пересылке арестантов, Санкт-Петербургский уездный воинский начальник, начальник Охтенской местной команды, начальники Московской, Архангельской и Рижской конвойных команд, а также ранее служившие в конвойной страже офицеры, Санкт-Петербургский губернский тюремный инспектор, один инспектор

Главного тюремного управления, статский советник Л.О.Гомолицкий и другие лица — были приглашены начальником бригады к завтраку, во время которого были провозглашены здравицы его Императорскому Величеству, Августейшей Семье и Августейшему Главнокомандующему Санкт-Петербургского военного округа и ряд тостов за Военного Министра и за других начальствующих лиц.

После завтрака все присутствующие снимались в общей группе.

Нижним чинам была выдана улучшенная пища. Вечером состоялся спектакль. На суд

зрителей были представлены две пьесы "Воскресный день у фельдфебельши" и "Правому Бог защита". Все роли, в том числе и женские, были сыграны молодыми солдатами. Бутафория, декорации и костюмы также были изготовлены нижними чинами.

На спектакле присутствовали приглашенные на праздник начальствующие лица. После представления для нижних чинов и их знакомых были устроены танцы под музыку военного оркестра.

Нижние чины и их гости угощались чаем и веселились до полуночи.

Установление нагрудного знака конвойной стражи.

Въ 24-й день марта сего года послѣдовало Высочайшее соизволение на утверждение проекта нагрудного знака конвойной стражи, въ ознаменованіе 100-лѣтняго юбилея ея существованія, исполнившагося 27-го марта сего года.

Описание нагрудного знака конвойной стражи в ознаменованіе 100-лѣтняго юбилея ея существованія

Нагрудный знак представляет собой серебряный, оксидированный, двуглавый, с распростертыми крыльями орел, времен Царствования Императора Александра I, держащий в лапах золотые факелы и венец и увенчанный золотой Императорской Коронаой.

На груди орла чит светло-синей эмали с золотым ободком, верхний выступ которого упирается в корону. На щите наложено соединенное вензелевое изображение имен: Императора Александра I — серебряное, и ныне благополучно Царствующего Государя Императора Николая II Александровича — золотое.

Под вензелевым изображением, на хвосте орла, помещена накладная золотая цифра "100".

Размеры знака в высоту и ширину не более 1,7 дм.

Для нижних чинов знак того же рисунка, но из

другого металла и без эмали.

Право ношения сего знака предоставляется:

1) всем офицерам и классным чиновникам, состоявшим в штате конвойной стражи до дня 100-летнего юбилея (27 марта 1911 года) и всем офицерам, классным и нижним чинам, числившимся в списках сей стражи в день юбилея и поступающим на службу после такового;

2) начальнику Главного тюремного управления, Главному инспектору по пересылке арестантов, инспектору пересылки арестантов в Восточной Сибири, чинам этапно-пересельной части Главного штаба и канцелярии Главного инспектора по пересылке арестантов.

К публикации подготовил
Н.ГОРШКОВ.

*“...За оказанные
похвальные действия”*

Недавно сотрудники Российского государственного военно-исторического архива порадовали коллектив Центрального музея внутренних войск интересной находкой, связанной с торжественным событием в жизни солдат правопорядка дореволюционной России. В материалах этапно-пересыльной части — структурного подразделения Главного штаба — обнаружены документы, относящиеся к 1911 году, когда отмечалось 100-летие создания местных войск и конвойной стражи.

Как свидетельствует архивное дело, о существовании которого долгие годы не подозревали ни исследователи, ни архивисты, “с целью сохранить воспоминание в конвойных командах о похвальных действиях нижних чинов их состава, удостоенных наград, а также оставить таковое и самим награждаемым” Главный инспектор по пересылке арестантов генерал-майор Н. И. Лукьянов в докладной записке от 26 марта 1911 года на имя начальника Главного тюремного управления

предлагал изготовить 5000 экземпляров художественных свидетельств для выдачи нижним чинам "при удостоении их наград... за оказанные ими похвальные действия" и просил на эти цели одну тысячу рублей.

Обнаруженный в фондах РГВИА образец свидетельства представляет собой красочно оформленную грамоту. На нем указаны даты основных этапов формирования и развития сил внутренней безопасности: 1811-1864 - 1886.

Напомним, что 27 марта 1811 года император Александр I подписал указ, на основании которого было начато "военное устройство... рот и команд", переданных двумя месяцами ранее из гражданского в военное подчинение. Они явились ядром нового, ранее не существовавшего в России вида войск — внутренней стражи. Через пять лет ее части и подразделения сводятся в Отдельный корпус. После проведения военной реформы в 1864 году штаб корпуса был упразднен, а на базе внутренней стражи были созданы так называемые местные войска.

Для обеспечения охраны арестантов и препровождения их к местам отбывания наказания в составе местных войск имелись специальные конвойные команды. В 1886 году их свели в конвойную стражу. Она без каких-либо серьезных изменений просуществовала до 20 апреля 1918 года, когда была приказом наркомвоена Л.Д.Троцкого реорганизована на новых советских принципах. Позже под наименованием "конвойные войска" вошла в состав войск НКВД СССР.

Однако вернемся к нашей находке. Выдача свидетельств, по мнению Главного инспектора, "имела бы чисто воспитательное значение, так как знакомила бы не только нижних чинов, но и однополчан их с теми подвигами или заслугами, которые поощряются на службе... Для того же, чтобы свидетельства эти напоминали им вековую службу конвойной стражи, — писал генерал-майор Лукьянов, — свидетельства... украшены изображением нагрудного знака, Высочайше дарованного 27 марта сего года всем чинам конвойной стражи".

После того, как Министерство финансов согласилось выделить требуе-

мую тысячу рублей, шеф конвоиров 5 августа 1911 года подал рапорт начальнику Главного штаба генералу от инфантерии Н.П.Михневичу с ходатайством об утверждении военным министром представленного проекта свидетельства, а также порядка его выдачи. По этому вопросу Н.И.Лукьянов предлагал следующее: "Каждый раз при удостоении нижних чинов конвойной стражи награды знаком отличия ордена Св.Анны, или же денежными выдачами, или же медалями с надписью "За усердие"... Главным инспектором по пересылке арестантов высылаются в конвойные команды, к составу коих принадлежат награждаемые нижние чины, свидетельства в двух экземплярах за подписью Главного инспектора и печатью. В свидетельствах прописывается: какой конвойной команды, звание, имя и фамилия награждаемого, когда и какой удостоен награды и краткое изложение похвального действия. Один экземпляр свидетельства выдается награждаемому, а другой вывешивается в казарме на видном месте".

Резолюция начальника Главного штаба на рапорте гласила: "Военный министр утвердил бланк свидетельства и предложенное его назначение".

Согласован порядок вручения грамоты с подразделениями Главного штаба, отвечающими за награждения, 25 февраля 1912 года генерал-майор Лукьянов просил дежурного генерала Главного штаба "о передаче в этапно-пересыльную часть дел о награждении нижних чинов конвойной стражи почетными наградами за 1911 г. для выборки из них сведений для включения в свидетельства".

К сожалению, пока не удалось найти свидетельств с изложением похвальных действий воинов правопорядка. Архивный поиск продолжается.

Б.ДАВИДОВ,
кандидат исторических наук,
А.ДОНСКОЙ,
сотрудники Российского
государственного
военно-исторического архива.

По чину и честь

Некоторые особенности обмундирования и награждения стражников Российской империи

Как "строились" мундиры

Военная униформа, помимо своего функционального предназначения — она должна быть удобной, прочной, практичной и легкой, — несет еще смысловую нагрузку. Военный мундир всегда был своего рода визитной карточкой. Достаточно сказать, что все русские цари — от Петра I до Николая II — предпочитали армейский мундир гражданскому сюртуку.

Мундир в русской армии говорил о многом — в каком чине состоял его владелец, к какому роду войск принадлежал, в каком полку нес службу. К человеку в военном мундире всегда относились с уважением.

Военная форма и наградная система русской армии формировались на протяжении столетий и окончательно сложились к середине прошлого века. К этому

времени обмундирование для различных родов войск и частей уже не имело принципиальных различий. Отличительные особенности сводились в основном к характерной отделке некоторых элементов и специфическим деталям форменной одежды.

В связи с тем, что воинские формирования, предназначенные для выполнения внутренних задач (внутренняя стража, а позже — местные войска и конвойная стража), подчинялись военному министерству, униформа, знаки различия, порядок награждения орденами и медалями офицеров и нижних чинов изначально предполагались как в армии.

Согласно высочайшему повелению, мундиры рядовых и унтер-офицеров "строились" из сукна серого цвета с желтыми воротниками и обшлагами. Отвороты фалд тоже были серого цвета с красными выпушками. Красного цвета были и суконные погоны нижних чинов, на которые наносился порядковый номер, присвоенный роте или команде внутри каждого батальона. Особым знаком отличия унтер-офицеров от остальных нижних чинов являлся серебряный галун на воротниках и обшлагах мундиров.

Кивера стражникам полагались кожаные, пехотного образца, без султанов, с "репейками" бело-зеленого цвета.

Офицеры внутренней стражи обмундировывались следующим образом — мундиры темно-зеленого сукна с клапанами на обшлагах. У первого батальона каждой бригады они были темно-зеленого цвета, у второго — темно-зеленого с желтой выпушкой и у третьего батальона — желтого цвета.

После Отечественной войны 1812 года в форме одежды произошли некоторые изменения. В частности, императору Александру I "благоугодно было приказать дать наружное отличие" обер- и штаб-офицерам стражи, а именно: двурядные лампасы желтого цвета на рейтузы.

Обер- и штаб-офицеры внутренней стражи. 1828 г.

К слову сказать, единообразия в цвете погон, выпушек, "репейков" во внутренней страже, как, впрочем, и в армии, не было. Например, у воинов 1-й бригады каждого округа погоны и эполеты были красного цвета, 2-й — желтого, 3-й — светло-синего, 4-й — темно-зеленого цвета. В последующие годы он не раз менялся.

Краповый цвет канта как отличительный признак впервые был дан внутренней страже более 150 лет назад. 2 октября 1829 года по высочайшему повелению в Отдельном корпусе внутренней стражи вводится краповый цвет выпушек на форменном обмундировании всех воинских чинов.

Изменения в военной форме одежды неоднократно происходили во время царствования Николая I. Менялись как отдельные элементы, как-то: перевязи, портупей, погоны, форма головных уборов, так и полностью покрой мундира.

В архивах сохранился любопытный документ — циркуляр штаба Отдельного корпуса внутренней стражи от 23 июня 1851 года. Он был издан после очередного царского указа и скрупулезно регламентировал порядок изготовления форменной одежды, правила ее ношения и правила подгонки амуниции. Вот некоторые положения циркуляра, которые должны были неукоснительно соблюдаться.

"Желая отратить разнообразие, командир Отдельного корпуса внутренней стражи приказал: на касках стражников вместо герба (двуглавого орла) носить "вырезанное из белой жести изображение гренанды (гранаты. — Авт.) о 3-х огнях" с проставлением порядкового номера батальона внутри каждой бригады внутренней стражи. На касках служивых этапных команд, входивших в состав внутренних батальонов и занимавшихся "препровождением" арестантов, помещалась "гренанда об 1-м огне".

Упоминаемый циркуляр разъяснял и правила ношения нового головного убора: "Каска, чтобы в голову не жала... надевается всегда так, чтобы верхние части ушей были под оною спрятаны..."

Любопытна история фуражки — головного убора военнослужащих многих стран мира. В первой половине прошлого века кавалеристы и гусары носили высокие кивера и каски с красивыми пышными султанами. Такие головные уборы хорошо смотрелись на парадах, по разноцветным плюмажам командиры отличали в бою своих от чужих. Но вот ухаживать за лошадьми в таких головных уборах было неудобно. Вот почему для чистки и фуражирования (кормления) своего боевого коня

Рядовой конно-этапных команд, входивших в состав батальонов внутренней стражи

кавалерист надевал так называемую "фуражную шапку". Она изготавливалась из сукна цветов, определенных для того или иного вида войск, внешне напоминала поварской колпак, была легкой и удобной. Позже к околышу "фуражной шапки" пришли козырек. Постепенно она приобрела свою нынешнюю форму.

Фуражки внутренней стражи, согласно известному циркуляру, изготавливались из темно-зеленого мундирного сукна с такого же цвета околышем. Край ее верхней окружности, а также верх и низ околыша обшивались "суконною выпушкой крапового цвета". На околыше проставлялся порядковый номер роты внутри батальона.

Особое внимание в штабном документе уделялось "постройке" мундира для нижних чинов стражи. Он кроился так же, как и для пехотинцев, — двубортным, из темно-зеленого сукна. Однако имел некоторые отличительные от мундиров матушки пехоты особенности. "Весь левый борт, — предписывал циркуляр, — и низ мундира спереди отделаны выпушкой крапового цвета". "Плечевые" погоны — красного цвета с нанесенным на них цифровым обозначением порядкового номера округа внутренней стражи. Краповым был и кант на панталонах.

Сапоги — одна из самых важных частей

обмундирования воинов внутренней стражи. В них стражники проводили большую часть своей нелегкой солдатской службы: стояли на постах, шагали по этапам, гонялись за бандитами, ходили на "экзекуционные" мероприятия. Потому солдатская обувь должна быть легкой, мягкой, непромокаемой, удобной в длительном походе и, самое главное, не натирать ноги.

"Сапоги шить тупоносыми, — предписывалось регламентом, — до половины подошвы с головы в кайму, дабы свободно гнулась подошва, когда солдат, маршируя, гнет носок вниз и с носка становится". Одно из требований штаба — "шить сапоги без скрипа, дабы солдаты в походе не скрипели".

Проверка соответствия формы установленному регламенту и соблюдения правил ее ношения являлась одним из главных — после боевой, строевой и служебной подготовки — пунктов планов инспектирования частей. Командир корпуса жестко требовал от окружных генералов тщательно "исследовать" внешний вид воинов. Так, в одном из приказов по 4-му

округу внутренней стражи за 1846 год, изданном по итогам инспектирования Нижегородского батальона, читаем: "Оружие и боевые патроны состоят в должной исправности, боевая амуниция приравлена по образцам правильно, вычищена щегольски. Мундирная одежда построена из хороших материалов и пригнана хорошо".

Однако, не везде батальонные командиры проявляли "заботливость" о внешнем виде солдата. Бывали случаи, когда они в сговоре с интендантами использовали суконные ткани, мягко говоря, не по назначению. И тогда подчиненные им воины, подчеркивалось в одном из приказов по корпусу, "имели вид оборванных нерях". В этих случаях корпусное командование строго спрашивало с нерадивых командиров, вплоть до "устранения, как вредных по службе". Так, один из командующих внутренней стражей генерал-лейтенант Н.И. Гартунг при личном осмотре частей корпуса в 1850 году заметил, что во многих частях "одежда на караульных была ветхая, безобразная вид солдата". Гартунг примерно наказал нерадивых комбатов и строго потребовал, чтобы солдаты имели "мундиры благовидные и опрятные, а ветхая солдатская одежда должна быть тотчас уничтожаема".

После упразднения в 1864 году Отдельного корпуса внутренней стражи как самостоятельной единицы местные войска, в состав которых входили и конвойные команды, стали носить форму одежды пехотного образца. Только спустя двадцать лет униформа конвоиров приобрела некоторые особенности: в ноябре 1886 года приказом по военному ведомству для отличия солдат и офицеров конвойной стражи от полевых и местных войск вводится темно-синяя выпушка на погонах, мундирах, шинелях и фуражках. Обмундирование защитного цвета, вместо прежнего темно-зеленого, для чинов конвойной стражи было введено в феврале 1914 года. Тогда же устанавливается светло-синяя выпушка на обшлагах мундиров и "гимнастических рубках" (гимнастеров) офицеров и нижних чинов конвойной стражи.

В этой форме одежды конвоиры и встретили революционный семнадцатый год.

...И сто тридцать рублей серебром в придачу

К началу XIX века награждение офицеров орденами, а нижних чинов — медалями и знаками отличия становится основным видом поощрения. Порядок пред-

Генерал внутренней стражи. 1860г.

ставления к наградам во внутренней страже был таким же, как и во всей армии. Но в силу специфики выполняемых войсками задач в нем были свои особенности.

Так, одной из задач, определенных Положением для внутренней стражи было, если использовать современную терминологию, участие в ликвидации стихийных бедствий, тушении пожаров и т.д. Спасая людей, имущество и материальные ценности, стражники действовали смело и самоотверженно, рискуя порою собственной жизнью. Свидетельство тому — многочисленные приказы по Отдельному корпусу внутренней стражи (ОКВС) с отражением "человеколюбивых поступков" воинов.

Как отличались они при исполнении долга и чем отмечались за верную службу государем?

В 1844 году офицер Саратовского батальона подпоручик Онаков сопровождал партию рекрутов. Когда команда проходила через одну из слободок Грайворонского уезда, он обратил внимание на сильный дым над крестьянским домом. "Подпоручик Онаков, — цитируем строки из приказа по корпусу, — невзирая на предстоящую опасность, бросился в окно дома и вынес из него на своих руках ... четырех человек, почти уже мертвых, которые ... медицинскими пособиями приведены в чувство и остались живы...". Затем храбрый офицер мобилизовал рекрутов на тушение пожара и не позволил огню перекиннуться на другие дома.

Николай I всемилостивейше пожаловал бесстрашному офицеру золотую медаль с надписью "За спасение погибавших" и 130 рублей серебром в придачу.

Читаем другой приказ по ОКВС от 4 марта 1833 года о поощрении рядового Аккерманской команды Семена Полищука. Солдат стоял на посту денежной кладовой. Вдруг началось сильное землетрясение. Здание хранилища разрушилось. Рядовой Полищук не покинул поста и продолжал охранять государственные ценности. Император произвел мужественного солдата в унтер-офицеры и наградил деньгами в сумме 300 рублей. В то время — это не-

сколько годовых окладов младшего офицера.

Бывали случаи, когда отмечался полностью весь личный состав батальона. Например, в сентябре 1858 года Александр II произвел смотр Тверскому батальону. Император "остался весьма доволен" строевой выправкой стражников и "повелел выдать всем нижним чинам по 50 коп. серебром".

Но не только денежными суммами поощрялись нижние чины. Наиболее распространенной наградой в конвойной страже был знак ордена Св.Анны, более известный как Аннинская солдатская медаль. Его вручали конвоирам за проявленные храбрость, бесстрашие, смекалку при предотвращении побегов арестантов, препровождаемых к местам отбывания наказания.

Так, например, в апреле 1912 года конвой от Брест-Литовской команды сопровождал к месту лишения свободы шестнадцать опасных преступников. Неожиданно несколько "отъявленных негодяев с криком "Отбирай оружие!" набросились на стражников". Конвоиры не дрогнули. Несмотря на численный перевес со стороны арестантов, оружия им не отдали. Смело и решительно действовал рядовой Мазулевич. Выстрелами через смотровое окно он уложил троих нападавших, остальные прекратили сопротивление. "За ревностное исполнение долга и энергичные действия" три человека были награждены знаком ордена Св.Анны. Среди

награжденных был стрелок рядовой Мазулевич.

В 1904 году приказом по военному ведомству на нижних чинах конвойной стражи была распространена еще одна награда — медаль "За усердие". Необходимо пояснить, что в армии ею отмечали исключительно унтер-офицеров сверхсрочной службы за выслугу лет с обязательным условием "безпорочной" службы.

Согласно приказу военного министра "серебряная медаль с надписью "За усер-

Знак ордена Св. Анны
(Аннинская солдатская медаль)

дие" на Станиславской ленте" вручалась конвоирам срочной службы "за особо выдающиеся ... подвиги", проявленные при сопровождении партий арестантов или поимке беглых преступников.

Офицеры конвойной стражи и местных войск поощрялись "за безупречную службу" так же, как и все остальные. Предусматривалось около десятка видов наград, среди которых были: высочайшее благоволение (благодарность от имени монарха), следующие чины, ордена, подарки от высочайшего имени и т.д. Например, в приказе по военному ведомству от 27 марта 1911 года было объявлено "Высочайшее благоволение" всем офицерам конвойной стражи и местных войск в связи с их 100-летним юбилеем.

Кстати, это поощрение убавляло срок выслуги для получения очередного чина на один год, т.е. давало право на досрочное чиновничество.

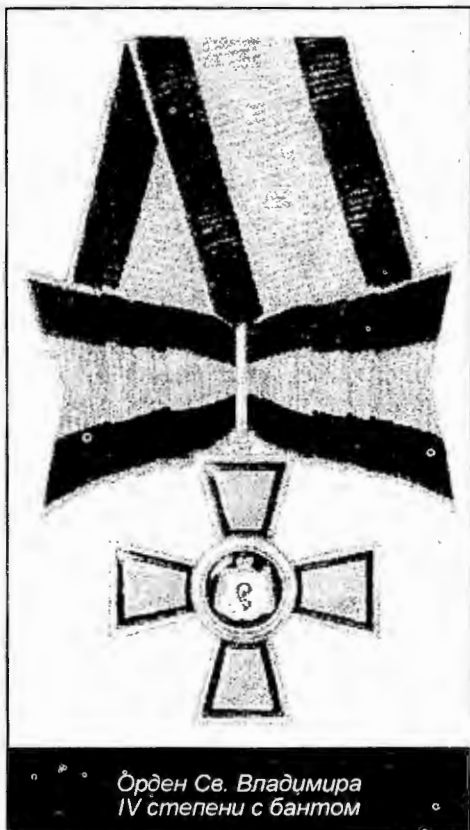
Ордена жаловались офицерам в порядке постепенности — от низших степеней к высшим и от младших к более старшим наградам. Междунаградной срок "за отличия по службе" был определен в два-три года.

К награждению орденами офицеры представлялись в зависимости от чина. Например, первый командующий внутренней стражей генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский в 1825 году "за отличнo-усердное служение в командовании Отдельным корпусом внутренней стражи и ревностное исполнение особых высочайших поручений" был удостоен одной из высших и почетных наград России — ордена Св.Александра Невского.

Весьма показателен еще один пример из наградной практики, существовавшей применительно к войскам правопорядка. В 1916 году, в самый разгар первой мировой войны, шефа конвоиров генерал-лейтенанта Н.И. Лукьянова наградили орденом Белого Орла. Символичен девиз этой награды — "За веру, Царя и Закон". Мотивы награждения конвойного генерала были сформулированы таким образом: "За отличнo-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны...".

Но не только генералы удостоивались высочайшей милости. В архивах сохранилось немало документов о награждении офицеров-стражников. Так, в приказе по Московской конвойной команде от 22 марта 1915 года объявляется, что ее начальник подполковник Крейцер "всемиловитейше" отмечен орденом Св. Владимира 4-й степени.

Подводя итог сказанному, хотелось бы

*Орден Св. Владимира
IV степени с бантом*

обратить внимание читателей вот на что. Повышенное внимание со стороны российских самодержцев, военного ведомства и командования Отдельного корпуса внутренней стражи к военной форме, наградам не было случайным. Они были важным фактором, побуждающим солдат и офицеров к ревностному служению престолу и Отечеству. Слова "честь мундира", "кавалер ордена" ко многому обязывали и не были пустым звуком.

Подполковник А. ЩЕРБАКОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Выражаем признательность сотрудникам Центрального музея внутренних войск МВД России, возглавляемого полковником А. БЕЛАШОМ, за активное участие в подготовке подборки исторических материалов.

Первомайское. Операция глазами солдат

«ВИТЯЗИ»:

«Мы шли первыми...»

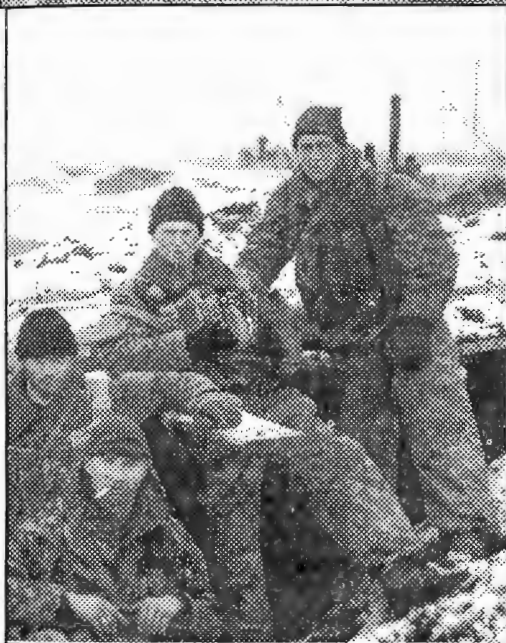
*Ну что, братишка, можно закурить —
Мы сделали с тобой свою работу,
И а мне и "фроник" весь промок от пота,
Но быть дофру, а значит — будем жить.*

Марьянна Захарова.

После большой войны в маленьком дагестанском селе Первомайское средства массовой информации выступили с критикой в адрес президента, правительства, силовых структур, спецподразделений. Ругали всех и вся. И в этом потоке критики многие забыли сказать добрые слова в адрес российского СОЛДАТА, который выполнял ПРИКАЗ. Делал свою адскую РАБОТУ.

Основная нагрузка при штурме Первомайского легла на отряды специального назначения внутренних войск "Витязь", "Русь" и СОБРы МВД России. Когда готовился этот материал, "витязи" все еще находились в районе боевых действий. Перед выездом в Первомайское им обещали: операция по освобождению заложников займет максимум дней десять, а потом — обратно на базу, отдохнуть после многомесячной командировки на войну, из которой отряд вернулся 2 декабря. Однако бывалым спецназовцам не очень-то верилось, что их бросок будет быстрым — слишком взрывоопасная (в прямом и переносном смысле) сложилась обстановка в Чечне, поэтому не ленились брать с собой теплые вещи. Так в конечном счете и оказалось.

О некоторых эпизодах операции в Первомайском рассказали пятеро бойцов "Витязя", находящиеся в месте постоянной дислокации отряда. Четверо из них восстанавливаются после ранений.

Рядовой Вячеслав Шуваев*:

— Девятого января, сразу после завтрака, нам объявили: выезжаем в Кизляр, боевики захватили больницу. По-быстрому собрались и через два часа выехали в Чкаловский.

В Моздоке к нам присоединились братишки из отряда "Русь". Две группы поехали в Кизляр на бэтэрах, остальные — на "вертушках". Сели на аэродроме, где "духи" сожгли два наших вертолета. Оpozдали: колонна с боевиками уже ушла. Наскоро перекусили, запрыгнули в "вертушки" и высадились на омовском блокпосту, километрах в пяти от Первомайского. Там мы и простояли дня три. Кто на земле спал, кому повезло — в бэтрах. "Спальники" хоть и у всех были, но ночью мы все равно сильно мерзли. Костры немного выручали, сухпай на них разогревали. Туго было с дровами. Рядышком стоял деревянный туалет, мы его потихоньку, дощечка за дощечкой, и перевели. Омовцы, когда узнали, что нужду придется в чистом поле на ветерке справлять, сильно обиделись. Смеху было... Единственная положительная эмоция за все дни. К тому времени уже много войск к селу подтянули. Машины вытянулись в одну длиннющую колонну.

Утром выдвинулись к окраине села. До ближних домов километра два. Можно было уже рассмотреть, как и что там. Заложники без дела не стояли, рыли для боевиков окопы. А перед нашими позициями машины катаются — четыре "джипа" и две "Волги". Туда-сюда. Слух прошел, что дагестанцы, да только больно внимательно они нас разглядывали...

В топтании провели еще день и ночь. Кухню подогнали, горячая пища появилась. Но разве до желудка, когда вот-вот в бой идти? Потом мы еще поближе к селу продвинулись и опять сутки, считай, на поле простояли. Нам все говорили: "Завтра штурм, завтра штурм", — а его все нет и нет. Короче, дали время боевикам окопаться.

Младший сержант Сергей Бур:

— Почти неделю на месте топтались. Конечно, на пользу не пошло — чуток перегорели мы. Привыкли ведь, что дают приказ, мы его выполняем и уходим. Нас даже на войне "скорой помощью" прозвали. Если бы сразу дали команду на ликвидацию банды, мы сделали бы все гораздо

быстрее и меньше потерь было бы: и среди наших ребят, и среди заложников.

Рядовой Сергей Веселый:

— В операции в Первомайском мы старались действовать так, как нас учили. Но трудно пришлось: боевиков до чертиков, да и в землю им дали возможность зарыться что надо. Таких классных окопов, с ходами сообщения из одного дома в другой, раньше и не видели. А у нас даже с оружием туго. Когда я первый раз выстрелил из "Шмеля", прицел поставил на сто пятьдесят метров, а заряд улетел хорошо если на семьдесят. Пришлось у "альфовцев" огнеметы просить. Второй раз получилось получше: в окопчик двое "духов" нырнули, ну я и врезал по ним. По-моему, накрыл. У боевиков почти все оружие оказалось новеньким: пулеметы, снайперские винтовки, даже АГС. Мы некоторые трофеи в бою использовали.

Младший сержант Сергей Бур:

— Да, наши стволы — одно старье. Все горячие точки с нами прошли, да и до нас повоевали — будь здоров.

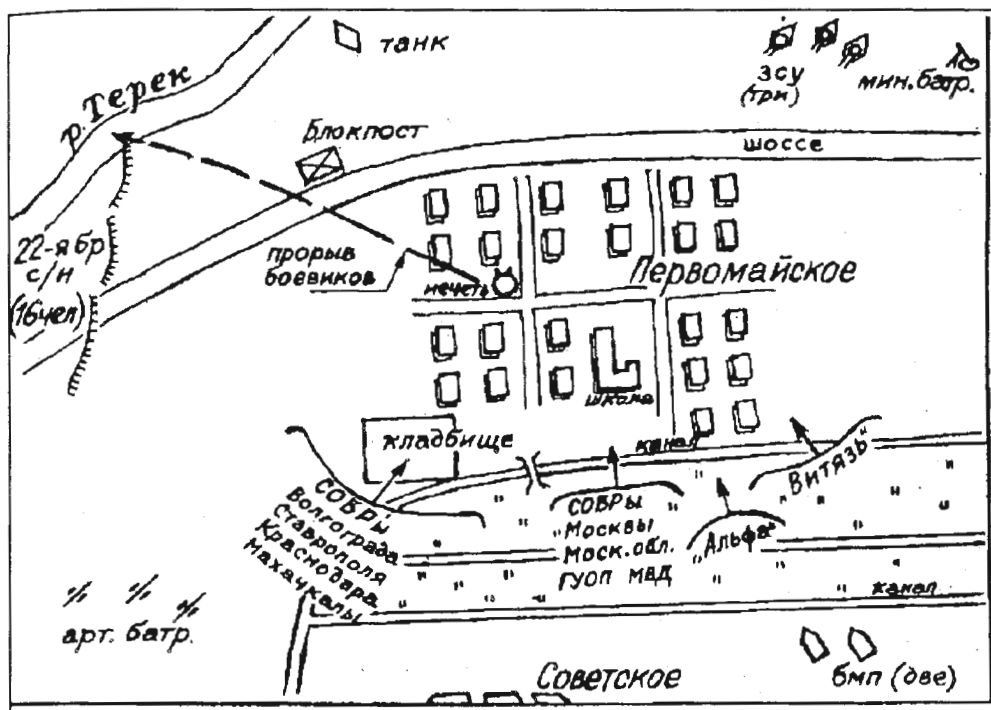
А связь? Если по уму, то у каждого второго из нас в бою должна быть классная радиостанция типа "Моторолы" или "Кенвуда". Реально же на весь отряд меньше десяти стареньких. Не то что у Радуева, имевшего, как писали газеты, спутниковую связь...

Сейчас уже разговоры пошли, что операцию нужно было проводить в темноте. Мы у боевиков приборов ночного видения не заметили, но у нас их ведь тоже не было: ни биноклей, ни прицелов ночных.

Рядовой Вячеслав Шуваев:

— Утром пятнадцатого января над селом зависли боевые вертолеты, их "крокодилами" зовут. Началась артподготовка, и мы пошли на штурм. Сначала заняли рубеж по арыку — до ближних домов метров сорок. Только сунулись дальше, как двоих наших ранило. Брусу пуля попала в плечо, а у Сереги Бура срикошетила от "сферы" в спину. В тот день мы отбили несколько домов, нашли там СВД с патронами, АГС, ПТУР с боекомплектom, автомат, ПК и несколько гранат. Крепко, видно, боевиком врезали, если даже не взяли все это с собой.

* Фамилии в материале изменены.

Рядовой Андрей Док:

— Когда только занимали исходную, мы по арыку шли. Тогда нашей третьей штурмовой группе долго пришлось повозиться: в самом конце этого канала у боевиков огневая позиция находилась. Лупили по нам — лечь и не встать. Но все-таки мы их пулеметчика завалили, а гранатометчик убежал. Правда, недалеко. Его позже мертвым нашли в одном из домов. Может, тоже наша работа, а, может, еще кто постарался...

Младший сержант Сергей Бур:

— Третья штурмовая группа находилась на левом фланге, а наша — справа. Напротив, в двух-трех десятках метров — радуевские окопы. Как потом выяснилось — первая линия обороны. Часа три боевиков оттуда выбивали. Сильно по нам мочили. Можно было бы в принципе попробовать забросать гранатами, расстояние позволяло, но над окопами трепыхались белые флажки. Мы подумали, что там заложники сидят, боялись задеть, поэтому стреляли осторожно. Когда разобрались, оказалось, что все флажки веревкой связаны, боевики за них — дерг, дерг, дурачили нас.

В тот день меня ранило. От "сферы" рикошет, и пуля прочертила по спине. "Ру-

башку" от пули из-под кожи сразу вытащили, а сердечник уже потом. Предлагали промедол воткнуть, но я отказался от этой наркоты: кто меня, отключенного, в тыл потащит, когда все делом заняты? Сам потихоньку отполз.

Отправили сначала в грозненский госпиталь, а затем во Владикавказ. Оттуда я, можно сказать, сбежал: там так и не удосужились сделать перевязку. Рану обработали только в Москве...

Рядовой Сергей Веселый:

— В первый день здорово командир первой штурмовой группы всех выручил. Игорь его зовут, лейтенант. Когда мы выбили ножей с первой линии обороны (нашли там много окровавленной одежды, но трупов не было), стали к домам подбираться. Командир впереди шел, и тут неожиданно из-за угла дома "дух" с автоматом вываливается. Лейтенант первым сориентировался и срезал его очередью.

Ближе к вечеру, когда стало ясно, что другие спецподразделения задыхаются из-за шквального огня где-то в районе школы и кладбища, нам приказали отойти на исходную, к каналу. Во время отхода смертельное ранение получил Дима Евдокимов. В нашей группе он предпоследним отходил. Пуля, кажется, легкое проби-

ла, и Димка в самую грязь упал. Сзади него Саня Карась шел, он и начал его вытаскивать. Пространство открытое, все простреливается, а они в грязище, перемешанной с навозом, барахтаются. Саня рукой гребет, а все без толку. Но потом все-таки поднял Евдокимова, тут уже на помощь Сырок подоспел. Вот они его вдвоем под пулями и потащили. Чудом сами в живых остались! Я думаю, что это можно назвать настоящим героизмом.

Младший сержант Сергей Бур:

— Жалко парнишку. Первый раз в бою оказался. Такие обычно идут у нас сзади, в принципе и не воюют, больше боеприпасы подносят. Когда его ранило, никто и не думал, что насмерть. Он даже говорить мог. А потом... В грозненский госпиталь через два часа после меня его привезли. Мертвого уже. Я к хирургу: как так? А он говорит, что ничего нельзя было сделать... Вот тут ребята говорят, что когда посмотрели его военный билет, то обалдели. Оказывается, Евдокимов родился в Первомайском, только Курганской области. Во как на войне бывает!

Рядовой Андрей Док:

— Ночь с 15-го на 16-е провели в арыке, хотя кто-то там из больших начальников толкал идею уйти назад подальше. Но тут братва уже заорала, какого хрена мы полдня с этой ямой канителились? Сейчас уйдем, а утром по новой боевиков выбивать придется, еще больше увязнем. Хорошо, что до генералов это дошло, и мы остались ночевать на месте. В ближайших домах взяли ковры, одеяла, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Курица к нам очень вовремя забрела, видно, ошалела от стрельбы. Сырой ее и съели. Хотя жрать тогда не всем хотелось — устали как собаки.

Рядовой Вячеслав Шуваев:

— На следующий день, около девяти часов, снова — вперед.

Сначала лично мне как-то не по себе было. Опасались, что боевики успели мин понаставить, а потом уже не до страха стало.

Я находился в группе боевого обеспечения, мы шли по центру, через огороды, а штурмовые группы — по краям, там, где дома стояли. Метров сто прошли спокойно, и тут неожиданно по нам открыли огонь из сарая. Человек пять в нем засело, по вспышкам было видно. Задержались там

где-то на полчаса. Дальше вышли к дороге, по обеим ее сторонам — дома, а метрах в двадцати вторая линия обороны. Там меня и ранило. Я находился за углом дома, стрелял в "духа", который из окопа высунулся. И тут, сам не знаю как, услышал: что-то сзади шлепнулось. Повернулся, а метрах в шести "эфка" лежит. Не успел залечь, как рванула. На несколько секунд потерял сознание, а когда очнулся, вся щека в крови, правая рука задета и ноги. Хорошо, что "броник" на мне был, иначе могло быть и хуже. Ко мне лейтенант, взводный связистов, подбежал и взял мою "Муху". Потом рассказывали: только он прицелился — снайперская пуля в руку попала.

Санинструктор, Док, сделал мне перевязку, а братишки оттащили сначала к арыку, а потом в госпиталь отправили. Поехали туда вместе с Серегой Чеченом (это у него прозвище такое). В палате раз пять снился тот взрыв. Сейчас вроде бы все нормально. Отошел.

Рядовой Сергей Чечен:

— То место, через которое пошла 16-го наша группа боевого обеспечения, оказалось очень неудачным. Во-первых, открытое, а во-вторых, огороды разделялись сетчатыми заборами. Днем раньше мы их, конечно, заметили, но никому даже в голову не пришло, что нас кинут именно на них. Вот и метались под пулями, дырки искали, чтобы пролезть. Можно было из гранатометов или "Шмелей" дорогу расчистить, да жалко на такую ерунду добро переводить. Когда метров через пятьсот подобрались ко второй линии обороны, я начал из пулемета "работать". Тактика простая: гранатометчик бил по домам, а я его огнем прикрывал. В тот момент меня и ранило. Только позицию собирался сменить, чуть поднялся, как что-то меня в ухо долбануло. Пуля под "сферу" зашла, пробила ухо и отлетела в поясницу. Потом были госпиталь. Грозный — Владикавказ — Москва. Во владикавказском госпитале к "тяжелому" санитар подходит, мол, пошли на перевязку. Мы ему: "Брат, ты что, он лежащий ведь". А в ответ: "Захочет — встанет!"...

Рядовой Андрей Док:

— Когда мы на второй день штурма, 16-го, в окопы второго рубежа обороны уперлись, боевики сильный огонь открыли. До них рукой подать, а не подступишься, метров двадцать нужно идти через от-

крытое место, к тому же сетчатый забор сильно мешал. Командира третьей группы ранило — снайпер ему в коленку попал. Мы за стеной дома укрылись, чуть правее, метрах в семи — большая вязанка дров и туалет деревянный. Втроем туда перекатились — я, лейтенант из "учебки" и еще пацан — у нас автоматы с подствольниками. Гранатами боевиков обстреляли, и огонь их немного пригасили. Но потом они нас тоже достали из гранатомета. Меня взрывной волной отбросило и в правую ногу осколок впился. Боль была несильная, поэтому сам перебежал обратно к дому, перевязал себя там.

И тут замкомандира отряда, он возглавлял нашу штурмовую группу, попытался к дровам перебежать: с той позиции лучше ситуацию оценивать. А мужик он здоровый, крупный, автоматной очередью его и срезало. Доктора-офицера поблизости не оказалось, он выносил из боя другого раненого, поэтому мне работать пришлось. Подбежал к нему, перевернул: дырка в животе, кровь. Пока осматривал, доктор появился, вместе с ним Олега Васильевича давай бинтовать. А боевики, они всегда, как шакалы, ранят бойца и держат на мушке, ждут, пока помощь придет. Вот и на этот раз сильно стали по нам мочить. Паша-пулеметчик выручил. Мужчина! Залег перед нами и давай из ПК "духов" гонять. Пока он долбил, те головы попрыгали, и мы успели командира в безопасное место оттащить. Сначала волоком, а потом за руки, за ноги несли. В сознании был, пока ползли, помогал ногами немножко. А Паше тогда крупно повезло! Когда боевики очухались, открыли огонь, у него пуля в подстежке от "снега" застряла, только кожу на спине чуть разодрала. Командира оттащили, и я назад вернулся. Но тут нога разболелась, и меня в тыл отправили: с раненой рукой еще можно воевать, а на одной ноге восемь раз умереть можно.

Рядовой Сергей Веселый:

— Вот так мы и воевали. Все время шли впереди. У нас в отряде все мужчинами себя показали. Напишите обязательно о сержанте-контрактнике Илье. Двух боевиков лично в плен взял! Здорово нам помогли братишки из отряда "Русь". У них парень классный погиб (рядовой Долгов Олег Николаевич. — Авт.). Сам ранен был в шею, а нескольким другим раненым помощь оказывал, тогда его снайпер и снял. СОБРы на своем участке тоже всю бились. У "Альфы", которая за нами шла,

снайперы отличные, ничего не скажешь. Мы видели, как они сняли у "духов" двух "кукушек" и пулеметчика.

Самое обидное, что боевиков во главе с Радиевым упустили. Не знаю как, но через нас они бы не вырвались, дежурили ведь. Одна из групп ночью попыталась прорваться через наших соседей, московский СОБР и дагестанский ОМОН, но как только ребята им врзали, сразу отступили.

Утром восемнадцатого января бойцы отряда "Витязь" совместно с "Альфой" и СОБРами после артподготовки и воздушного удара занялись прочесыванием села. Боевиков в нем уже не было...

В ходе операции по освобождению заложников один солдат "Витязя" — рядовой Евдокимов Дмитрий Михайлович — погиб, десять человек (из них — трое офицеров) получили ранения.

— Сейчас всякое в газетах пишут о той операции, — подвел итог нашему разговору рядовой Вячеслав Шубаев. — Говорят, что спецназ использовали неправильно, что это вообще была не наша работа. Не мне судить, правильно или нет там все спланировали и почему мы кота за хвост тянули несколько дней, но думаю, что работа эта была наша. И мы сделали ее как смогли.

Старший лейтенант А.РОДНОВ,
курсант А.КУДРЯШОВ.
Фото из архива отряда "Витязь".

Строки, рожденные в бою*Под траки полегла трава...*

Полковник Александр ЧИКУНОВ

ГОСПИТАЛЯ

Госпиталя... И боль, и смрад,
И кровь, и стоны.
В бреду кричит сосед сержант:
"Поддай патроны!"

В сестер влюблялись и врачей
Вполне серьезно.
И все хотели поскорей
Туда, на Грозный.

Остались братцы наши там —
Кто пал, кто дышит.
Давай, водила, по газам!
А вдруг услышат?

Под траки полегла трава,
Моторы пели.
Броня горела, как дрова,
Мы не сгорели.

За залпом — залпы: лупит "Град",
Отходим снова.
По книжкам знали Сталинград
Сорок второго...

Бьют из разрушенных домов
Прямой наводкой.
Прикрыть бы только пацанов —
Сплошь первогодков!

Здесь трусов нет, нет подлецов —
В тылу остались.
А были — так в конце концов
Поразбежались.

Нет пьяных на передовой —
Пусть врут с надрывом.
Пьяны в купели огневой
Мы от разрывов.

Полковник Владимир КОЧЕРГИН

РАССКАЖИ, ГЕНЕРАЛ...

Герою России
генерал-полковнику А.А. Романову

Ветра натиск срывает береты.
Осень с гор выгоняет дожди.
За плечами посадки и взлеты,
А при нем это вечное "Жди!"

Пред глазами горящие дали,
На душе — боль и горечь потерь.
Было время — его мы не знали...
Узнаем его всюду теперь.

Расскажи, генерал,
Сколько ты повидал,
Сколько выстрадал горечи с веком?
— Я России солдат, —
Отвечал генерал, —
И останусь всегда человеком!

И привычны ему перелеты —
То бои, то тревожные сны,
Разделяют чертой самолеты
Радость встреч и удары войны.

Все в нем сжалось —
И гордость, и жалость,
Крутит годы воронка тревог,
И порою так хочется малость
Отдохнуть от забот и дорог.

Расскажи, генерал,
Сколько ты повидал,
Сколько выстрадал горечи с веком?
— Я России солдат, —
Отвечал генерал, —
И останусь всегда человеком.

Уроки Чечни

**Подполковник Александр ШЕСТЕРЯКОВ,
командир артиллерийского дивизиона
части оперативного назначения:**

БОГИ ВОЙНЫ ЛЮБЯТ "НОНУ". ЗАОЧНО...

Пару лет назад обыватель, узнав о том, что во внутренних войсках есть артиллерия, хватался за сердце: зачем? А у виртуозов пера в предчувствии очередного разоблачения происков силовых структур хищным огнем загорались глаза. Что же ныне? События в Чечне убедительно доказали: без малой артиллерии войскам правопорядка — труба!

Соло для "шайтан-трубы"

Из блокнота журналиста.

Январь 95-го. Грозный.

Батальон внутренних войск воюет попластушки. Комбат зоя как тысяча чертей, костерит родных пушкарей в хвост и в гриву. Есть за что. За крепкими стенами многоэтажки несколько групп "упертых" боевиков. В каждой — классический набор: снайпер, пулеметчик, гранатометчик. Головы поднять, сволочи, не дают.

Командир зубами скрипит, глядя, как его бойцы, ползая, штаны на коленках протирают. Приказ есть приказ: дом должен быть взят! А как без огневой поддержки-то? Окопная артиллерия приотстала чуток, и солдатики под бандитскими пулями шлифуют "брониками" асфальт.

— Где эти "эспэгэшники", едри их?!

Ползут, ползут родимые, пушчонки свои волокут. Старлей-артиллерист поторапливает канониров, чувствуя за собой вину.

— Тебе целеуказания дать, или сам все видишь?! — напустился на него комбат.

Старлей ругаться тоже мастак. Орет своим "глухарям", что где ставить, куда наводить.

Приклеились наводчики к прицелам. Заряжающие — гранаты в стволы и тут же, не мешкая, достают из сумок очередные порции "гостинцев".

— Готово!

— Орудие!

— Выстрел!!!

Пошла работа.

Из сопел вырвалось пламя с клубами порохового дыма. Страшный грохот. Хлестко бьют безоткаточки. А пушкарям хоть бы хны. Глухота — профзаболевание артиллеристов.

Пехота глаза таращит. Сперва на пушки, потом на здание. В стенах проломы, пыль. Что-то загорелось в глубине подъезда. Чадит жирно.

"Духам" упрямства и наглости не занимать. Да только сила силу ломит. Те, кто уцелел, горохом сыпанули с верхних этажей. А кто не успел...

Батальон пошел на штурм.

Командир артдивизиона:

— Станковый противотанковый гранатомет (СПГ-9М) — оружие универсальное. Заряжаешь кумулятивной гранатой — против брони стоять можно, осколочной — пехоте не поздоровится. Легок при транспортировке. В кузове одной машины целый взвод с матчастью размещается. Нет колес — пушчонку на руках унесешь. Расчет — четыре человека. Двое трубу на плечи взвалили и — вперед. Хоть шагом, хоть бегом. Первая пара притомилась, вторая под орудие становится.

Огонь из СПГ можно вести с закрытых позиций и, конечно же, прямой наводкой.

С колена, лежа, из окопа. Даже стоя с плеча, если возникнет такая необходимость.

Оснащенный прицелом ночного видения гранатомет становится грозным оружием в темное время суток.

СПГ — ротной взводной артиллерия, оружие первой линии обороны, передовых подразделений в наступлении. Приданные штурмовым отрядам гранатометы — незаменимое средство огневой поддержки. И приходится только удивляться тому, что по незнанию или от недоверия к артиллеристам некоторые командиры при проведении войсковых операций в Чечне оставляли СПГ в кузовах машин, а личный состав расчетов использовали как автоматчиков. А ведь это профи!

Готовясь к командировке на войну, навочки СПГ на стрельбище выполняли, например, такие заказы: "закреть" люк у БТРа; попасть в "ресничку" — смотровую щель механика-водителя. Так что для них загнать гранату в оконный проем и даже в амбразуру дота — задача посильная и в боевых условиях.

Выстрел из безоткатки способен поднять боевой дух попавших в переделку бойцов, внести смятение в ряды противника. Недаром за звонкий, оглушительный голос СПГ в горячих точках Северного Кавказа называют "шайтан-труба".

Полцарства за "очки" и "уши" к "самовару"!

Из блокнота журналиста.

Апрель 95-го. Проклятый треугольник: Бамут — Ачхой-Мартан — Ассиновская. В горах идет бой. Дудаевцы плотно обложили группу спецназа внутренних

войск, которая дерзко прорвалась им во фланг.

Нохчи вне себя от ярости. Засада в горах оказалась для них полной неожиданностью. Но оправившись от удара быстро. Убедившись в малочисленности засады, приняли жесткие контрмеры. А "краповики" увлеклись, дали отрезать себе пути отхода. Попробуй-ка теперь пробиться к своим, до которых, кажется, рукой подать, с горки спустился и — приветик! Ан, нет! Крепок заслон, заступивший путь спецназу. Все резервы стянули бандиты, чтобы уделать российских солдат.

— Аллах акбар!

Захлебывается горное эхо, не успевая за пулеметными очередями, разрывами гранат. И вдруг в свирелой полифонии боя зазвучали мажорные басы.

... Мины ложились кучно и точно. Косой-литовкой провизжали осколки, срезая весеннюю зелень травы и кустов. Шарахнулся в сторону чеченский заслон. Израненные спецназовцы устремились в образовавшийся коридор. Кубарем, на пятых точках — к своим.

Спасибо минометчикам. Выручили!

Командир арtdивизиона:

— Каждый военный знает, как губителен минометный огонь. Попавших под удар "самоваров" (так называют минометы) спасти могут только быстрые ноги. Или чудо. Расхожее утверждение, что две мины в одну воронку не попадают, частично опровергается практикой.

Хорош миномет для постановки загадательного огня. Незаменим при артиллерийской засаде. В отличие от пушечного снаряда мина проходит по траектории бесшумно, рвется в боевых порядках противника неожиданно, нанося большой урон живой силе.

Но "самовар" — не "шайтанка". Это оружие второго эшелона. Почему? Во-первых, потому что миномет не бьет прямой наводкой. Во-вторых, боепитание батарей зависит от близости обозов. В-третьих, нет возможности открыть огонь, не подготовив исходные данные для стрельбы. Короче говоря, минометная батарея должна стать для

противника невидимкой. Укрывшись в овражке, за горкой, за прочным забором, наконец, она способна нанести неожиданные и сокрушительные удары. Зачастую ее огонь решает исход боя.

Во многом успешная работа батареи зависит от мастерства артиллерийских разведчиков. Они могут действовать в отрыве от подразделения, находиться на передовой, а то и в тылу врага. Подготовка исходных данных для стрельбы, корректировка огня — их задача. Но, смешно сказать, у наших разведчиков нет для этого основного прибора — дальномера. Даже давно устаревшего, тяжеленного двурогого монстра, на котором мог работать лишь тот, у кого расстояние между глазами точно соответствует расстоянию между окулярами прибора (раньше дальномерщиков подбирали среди представителей малых северных народов, расположение глаз у них — в аккурат для "рогача").

Были бы рады и реликтовому монстру. На безрыбье... Но в условиях современного боя нам необходим простой в обращении легкий прибор разведки. Такой, какой приходилось брать взаймы у армейских артиллеристов. А когда не было рядом батареей "старшего брата", шли на поклон к танкистам. У них за броней прицел, который можно пользоваться как дальномером. Раз попросишь, два. И ездили танкисты к нам на позиции. Стыдобища!

В самом худшем случае дальность приходилось мерить дедовским методом: выстреливали в направлении противника дымовую мину и засекали расстояние по разрыву. А это все равно, что позвонить боевикам и сказать: "Приготовьтесь, ребята, сейчас мы вас накроем!".

Без дальномера минометная батарея близорука. Имеющейся буссолью можно мерить дальность до 400 метров.

А без надежной связи — глуха!

В Чечне московский ОМОН нас обеспечивал "Моторолами". Боялись, наверное, что во время операции мы их в неразберихе задёнем. С такой связью горя не знали. Уехал ОМОН — уехала связь.

Про наши радиостанции и говорить не хочется.

Приезжали к нам большие войсковые начальники. Жаловались мы им на наши напасти. Выслушали внимательно и посоветовали... выменять дальномер у армейцев на сгущенку или тушенку... Обменяли бы, не жалко. Полцарства за дальномер, вторую половину — за "Моторолы". Только нет ни царства, ни сгущенки, ни тушенки! "Самовары" остаются без "очков" и "ушей". Близорукими и глухими. Как и положено заслуженным пенсионерам.

А минометы наши по возрасту пенсионеры и есть. Рассыпаются потихоньку. Снашиваются предохранители от двойного

заряжания (благодаря им вторую мину по недогляду в ствол не запихнешь). Такая неисправность грозит ЧП. Во время выстрела мина цепляется оперением за выступающую дряпку старого устройства. Стабилизаторы срывает — меняется траектория полета. Так в бою и своих накрыть недолго.

При интенсивной стрельбе бывают случаи, когда казенник ствола выскакивает из чаши опорной плиты. Если в пылу боя этого не заметит расчет, жди беды. Расколется от очередного выстрела плита (что уже бывало), "самовар" с миной в стволе может просто завалиться набок, тогда без жертв на позиции не обойдется. Хорошо, что пока Бог миловал. Пока.

В войсках ждут прекрасно зарекомендовавшие себя в боях образцы минометов: самоходные орудия "Нона", которыми вооружены десантники и морские пехотинцы. Этим ребятам только позавидовать можно. На "Ноне" есть все: колеса, броня, прекрасная оптика, связь, ствол подходящего калибра. Будь в войсках "Нона", мы бы меньше зависели от огневой поддержки армейцев, могли бы решать все артиллерийские задачи самостоятельно. Меньше бы тратили времени на обеспечение взаимодействия. И начальство над нами было бы только свое, войсковое. А это ох как важно!

Комбаты грезят "Ноной". Любят ее заочно!

Мухобойка 23-мм калибра

Из блокнота журналиста.

Январь 95-го. Северная окраина Грозного.

Перед частью внутренних войск с приданными СОБРом и ОМОном — один из последних оплотов боевиков в черте города. Корпуса завода "Оргтехника", окруженные бетонным забором, превращены дудаевцами в крепость.

Бойцы скрытно переправляются через речку, сосредотачиваются в густых зарослях камыша. Сейчас экипажи приданных танков и БМП, расчеты "агэсов" перенесут огонь в глубь обороны противника и — на штурм!

До проломов в бетонной ограде добрались быстро, не встречая сопротивления. А дальше... Крепость встретила огнем. Из окон прилегающих к заводу домов полоснули пулеметы.

Чем поддержать наступательный порыв подразделений, готовых припасть к спасительной земле? Разрыв танкового снаряда может зацепить своих. Автоматические гранатометы "Пламя" бетон и кирпичную кладку не берут...

И в этот момент из кустарника за рекой басовито застрекотали 23-мм зенитные установки. С автомобильных кузовов, прямой наводкой, поверх голов наступающих. Один за другим замолкают дудаевские пулеметчики, а зенитки все бьют и бьют, выковыривая тех, кто не захотел или не успел спуститься с верхних этажей.

Штурмовые группы приступили к зачистке заводских корпусов, домов поселка. В ход пошла "ручная артиллерия". Зенитки больше не подмога.

Командир артдивизиона:

— О боевых качествах 23-мм зенитной установки (ЗУ-23) говорит уже то, что системы такого калибра, особенно в военноморских силах, рассматриваются как оружие, пригодное для поражения в воздухе крылатых ракет. Конечно, не одной установкой, а огнем нескольких батарей, но тем не менее...

Скорострельность ЗУ-23 — 1200 выстрелов в минуту. Прицельная дальность — 2,5 километра. При дальности прямого выстрела в 1000 метров эллипс рассеивания не превышает в большем диаметре 6 метров. Если прибавить к этому разлет снарядных осколков, то и человек со слабым воображением легко может представить, какова поражающая мощь установки.

В борьбе с наземным противником зенитка применяется против бронетехники, при подавлении огневых точек, для поражения живой силы. От нее не спрячешься в лесу и кустарнике, не отсидишься за кирпичной или бетонной стеной.

Удобна ЗУ-23 в боевом охранении на господствующих высотах. В радиусе до 2,5 километра она способна поражать все, что движется, оставаясь недосягаемой для прицельного выстрела хоть снайпера, хоть гранатометчика. Недаром дудаевцы в Грозном ставили "зушки" на крыши домов, пытаясь их огнем остановить продвижение федеральных войск на дальних подступах.

ЗУ-23, как и миномет, — оружие второго эшелона. Использование зениток в первой линии делает уязвимыми их расчеты.

В горячих точках практикуется устанавливать ЗУ-23 в кузовах машин. Получается этакая тачанка на современном ладе. Однако высоко поднятая над уровнем земли, она становится хорошей мишенью. Все попытки закрыть расчет подобием брони, наварив стальные листы в виде щита или колпака, оканчивались неудачей. От лишней тяжести перекашиваются поворотные механизмы, а без их нормальной работы установка мертва.

Зная сильные и слабые стороны "зушки", командир роты, батальона поста-

рается наиболее эффективно использовать установку в бою и не допустит, чтобы "тачанки" были ненужным балластом, а артиллеристы выступали в роли автоматчиков.

Колеса для канониров

Из блокнота журналиста.

Апрель 95-го. Окрестность станицы Ассиновской.

Весенняя распутица. Низинка, через которую пролегает дорога, превратилась в топкое болото. У "переправы" дежурит танк — вытягивает забуксовавшую технику. Работы у чумазого экипажа — не продохнуть.

По дороге движется колонна артдивизиона внутренних войск. Готовится "форсировать" коварную лужу.

Увидев головную машину, механик-водитель дежурного танка схватился за голову. Воскликнул:

— Эти точно утонут!..

Приготовил трос. Присматривается, за что можно зацепить помятый ЗИП. У того все, за что можно тянуть, оторвали на предыдущих переправах. Мотор стучит, чихает. Того и гляди глушитель отвалится. Колеса лысье. На таком задрипанном авто только силос в колхозе возить. Танкист плюется. Лезть в грязь под машину, чтобы накинуть трос на передний мост, не хочется...

А "зилот" тем временем поднатужился, задрожал скособоченной кабиной, неуверенно вполз в лужу, пошел, пошел потихонечку, будто сам удивляясь своей смелости, и... выехал на сухое место. Всем на удивление.

Танкисты устроили крутому водиле бурную овацию.

Командир артдивизиона:

— Состояние автопарков артиллерийских подразделений можно охарактеризовать выразительными русскими словами: "Колеса... твою мать!"

Что касается водителей — цены им нет. Золотые ребята! Благодаря мозолистым рукам, энтузиазму, неимоверным усилиям нашей дорогой "мазуты" машины артиллеристов не просто выходят на линию, но и способны выполнять боевые задачи.

"Нона", вожделенная "Нона" может разом разорвать сжимающийся все уже круг проблем.

"Нона" — машина с пушкой для обороны и наступления. Броня для десанта. Дом для артиллериста. Тягач.

"Нона" — грезы войсковых комбат. Слезы боевиков.

Где ты, любимая?

Запись и фото старшего лейтенанта А.ЯГОДИНА.

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

Странное состояние "ни мира, ни войны" было нарушено дудаевцами в конце прошлого года в Гудермесе, а в январе — в Кизляре и Первомайском. Конец января продолжил отсчет терактов: 29.01 при выезде из Урус-Мартана, что в 38 километрах южнее столицы Чечни, было совершено вооруженное нападение на принадлежащую грозненскому православному храму Михаила Архангела легковую автомашину. Находившихся в ней настоятеля храма священника Анатолия Чистосуова и протоиерея Сергия Жигулина увезли в направлении села Ермоловка. Судьба их пока неизвестна.

Установлены имена некоторых военнослужащих внутренних войск, погибших при проведении операции в Гудермесе в конце прошлого года. Это

**рядовой Сергей ЩИТКОВ,
рядовой Алексей ВАХЛОВ,
сержант Юрий ПРОХОРОВИЧ,
рядовой Денис ШУБИНЕЦ.**

В последних числах января список безвозвратных боевых потерь внутренних войск пополнился новыми именами. При выполнении служебных обязанностей погибли

**рядовой Владимир КОЗЛОВ,
рядовой Роман МЕЛЬТИШИНОВ,
сержант Игорь МЕНЖЕСОВ,
старший прапорщик Виктор ТОРГАШЕВ,
рядовой Виталий КИТАНИН,
рядовой Илья ДЕЖЕЛИСОВ,
старший лейтенант Вячеслав ВЕЩЕКОВ,
рядовой Илья ЧЕГУЕВСКИЙ,
рядовой Юрий СЫЧЕВ,
рядовой Сергей ПЕШИН,
младший сержант Илья ЩЕКотов,
лейтенант Федор ПОКИВАЙЛОВ,
младший сержант Сергей КОЗЛОВ.**

1 февраля. В Чечню прибыла совместная группа представителей Московского Патриархата и Союза мусульман России. Ей поручено вступить в контакт с государственными и религиозными деятелями Чечни, предпринять все возможное для освобождения похищенных священнослужителей.

3 февраля при отражении нападения боевиков убит **майор Владимир АБДУЛИН.**

В Грозный из окрестных сел направляются группы людей. В столице Чечни во избежание провокаций усилена охрана правительственных зданий.

4-5 февраля. На центральной площади Грозного перед бывшим президентским дворцом на несанкционированный митинг собралась большая группа людей, скандирующих лозунги о выводе войск из республики. В связи с обострением обстановки командующий Объединенной

группировкой федеральных сил генерал-лейтенант Вячеслав Тихомиров заявил, что войскам даны жесткие указания не создавать никаких конфликтных ситуаций, в то же время поставлена задача при возникновении противоправных действий пресекать их самым решительным образом.

Военное командование ведет переговоры с руководством Шатойского района. Достигнута договоренность об отводе некоторых подразделений федеральных сил из населенных пунктов района и сдаче местным населением оружия.

6 февраля. Военнослужащие внутренних войск отразили нападение дудаевцев в районе населенных пунктов Бамут, Орехово, Виноградное, Тухчар. По оценке командования, боевики предпринимают все усилия для дестабилизации обстановки. Со стороны Аргуна в Грозный движутся толпы людей. Федеральными силами обнаружен очередной "арсенал" из 7 автоматов, гранатомета и патронов. Задержан боевик, который пытался спровоцировать стрельбу в районе проведения митинга. Перед внутренними войсками, местной милицией поставлена задача не допустить столкновения, дальнейшего нагнетания обстановки. На подъездах к Грозному скопилось большое количество людей, пытающихся прорваться на митинг. У блокпостов в непосредственной близости от штаба группировки в Ханкале замечены группы вооруженных боевиков до 20 человек, которые занимали позиции на случай действий федеральных сил. Начальник дудаевского штаба Аслан Масхадов отдал приказ полевым командирам привести незаконные вооруженные формирования в полную боевую готовность, оборудовать населенные пункты для ведения крупномасштабных боевых действий.

7 февраля. Ситуация в Грозном находится под контролем федеральных сил и местной милиции. Несколько сот человек провели ночь на площади у бывшего президентского дворца, где продолжается несанкционированный митинг с требованием о немедленном выводе федеральных войск и отмене результатов выборов. Запасы продуктов и дров у митингующих, отлаженный сценарий, четкая организация ночевки с кострами и палатками обогрева — все говорит о продуманной, спланированной по срокам и силам политической акции.

По мнению сотрудников органов МВД республики, в город проникло около двухсот боевиков как с оружием, так и без него.

В частях и соединениях федеральных сил приняты дополнительные меры контроля за ситуацией в городе. В результате этого резко сократилось по сравнению с предыдущим днем (с

28 до 9) число обстрелов. Под Ведено на блокпосту задержан вооруженный боевик.

Во второй половине дня в районе населенного пункта Гудермес из стрелкового оружия обстрелян вертолет внутренних войск. Машина получила пять пробоин. Из строя был выведен один из двигателей. Лишь умелые и решительные действия экипажа помогли избежать трагедии — на одном двигателе пилотам удалось долететь до Ханкалы и посадить машину на вертолетной площадке. Во время обстрела никто из военнослужащих не пострадал.

Заместитель командующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Станислав Кавун от имени Президента России вручил в г. Узловая Тульской области Золотую Звезду Героя Российской Федерации родителям лейтенанта Евгения Рындина, офицера внутренних войск, погибшего при выполнении специального задания 30 марта 1995 года.

8 февраля. Уже несколько суток на центральной площади Грозного продолжается митинг сторонников Дудаева. Федеральные войска и силы МВД Чечни пока в ситуацию не вмешиваются. К Дому правительства и на окружающие его улицы подтянуто несколько единиц бронетехники.

9 февраля. Противостояние в центре Грозного продолжается. В 8.25 на площади прозвучали выстрелы. По информации правоохранительных органов Чечни, один из участников митинга бросился с ножом на милиционера, несшего в этом районе патрульную службу. По нападавшему был открыт огонь. Произошедшее резко обострило ситуацию.

В полдень на площади раздался два взрыва (предположительно гранат). Погибло 3 и ранено 7 человек.

Заместитель министра внутренних дел России — командующий внутренними войсками генерал-лейтенант Анатолий Шкирко посетил Центральный военный клинический госпиталь внутренних войск, расположенный в подмосковной Балашихе, где встретился с ранеными бойцами, вручил им подарки. В этот же день в гости к раненым приехал Президентский оркестр под управлением народного артиста России Павла Овсянникова. В благотворительном концерте приняли участие А.Пахмутова и Н.Добронравов, писатель-сатирик В.Коклюшкин, певец Юлиан и другие.

10 февраля. Утром вокруг палаточного городка в центре Грозного усилено оцепление. Доку Завгаев на пресс-конференции подчеркнул, что митинг организован дудаевцами с целью срыва достигнутых договоренностей о выводе войск из Шатойского района. Глава правительства Чечни отверг вариант силового решения кризиса, так как это, по его мнению, только подтолкнет к кровопролитию.

Весь день продолжался диалог представителей правительства Чечни и федеральных сил с митингующими, и в конце концов достигнута договоренность о прекращении митинга. В 16 часов к площади подъехали автобусы, на которых ближе к вечеру участники митинга выехали

к местам проживания. Площадь перед президентским дворцом опустела.

11 февраля. Главные события в Чечне из центра Грозного перенесли в сельские районы республики. Резко обострилась ситуация на востоке. Федеральные войска блокировали район поселка Новогрозненский и окружающие его села. Именно здесь находится главный штаб дудаевских бандформирований.

В Шатойском районе, похоже, найден выход из ситуации "ни мира, ни войны". Представителям администрации сданы 3 БТР, 1 БМП и десятки единиц автоматического оружия. Эта акция стала возможной в результате длительных и кропотливых переговоров. Ответной акцией федерального командования стал отвод батальона российских десантников из Шатойского района.

12 февраля. В Старопромысловском районе Грозного совершено нападение на колонну внутренних войск. В результате столкновения погибли

**лейтенант Сергей СТЕЛЬМАХОВ,
рядовой Рустам САФИН,
рядовой Иван ЕФРЕМОВ.**

Еще пятеро военнослужащих получили ранения и госпитализированы. В этот же день в районе аэропорта "Северный" подорвался на mine бронетранспортер внутренних войск — ранены 2 военнослужащих.

Около одиннадцати часов дня при въезде в Грозный боевики обстреляли группу телекомпании НТВ. Водитель автомобиля, местный житель, тяжело ранен в голову. Осколочное ранение в руку получил видеотехник Владимир Красильников.

В последние дни возобновились обстрелы дудаевцами позиций федеральных войск в районе аэродрома "Ханкала" преимущественно в вечернее и ночное время.

13 февраля. Несмотря на сложную обстановку в процессе урегулирования включается все большее число людей. Вслед за администрациями Шатоя, Гудермеса, Новогрозненского и Шали жители еще 20 поселков, включая Дачу-Барзой, Дуба-Юрт и Варанды, решили прекратить противостояние с федеральными войсками.

Вместе с тем ситуация в уже "мирных" поселках оставляет желать лучшего. Дудаевцы не могут простить их жителям мирных инициатив, пытаются путем провокаций и обстрелов сорвать наметившийся диалог.

Выполнение пунктов о сдаче оружия не везде идет гладко. Подтверждение тому — гибель еще двух военнослужащих внутренних войск. В результате взрыва мины погибли

**сержант Виталий ГЛОТОВ,
рядовой Алексей МЯСИЦЕВ.**

В гарнизонном Доме офицеров дивизии оперативного назначения Северо-Кавказского округа ВВ МВД России состоялось вручение Золотой Звезды Героя России родственникам погибшего в Чечне подполковника Сергея Петрушко.

15 февраля. Недельные переговоры с инициативной группой поселка Новогрозненский буквально взорваны. В этот день места дислокации федеральных сил возле поселка были подвергнуты сильному минометно-артиллерийскому обстрелу. В результате погибли 10 военнослужащих, 8 получили ранения. Среди боевых потерь военнослужащие внутренних войск:

**рядовой Анатолий КИСЕЛЕВ,
рядовой Алексей БАХМУТОВ,
рядовой Денис КУЗНЕЦОВ,
рядовой Алексей ГУРЕНЧУК.**

По решению местных властей в центре Грозного началась ликвидация бывшего президентского дворца, который в ходе прошлых

боев подвергся сильному разрушению и, по мнению специалистов, восстановлению не подлежит.

16 февраля. В результате произошедшего накануне обстрела федеральных сил получили тяжелые ранения и скончались в госпитале

**рядовой Дмитрий АЛИМОВ,
рядовой Андрей ФЕДОРОВ.**

При подрыве на mine бронетранспортера смертельное ранение получил

рядовой Равиль МУХАМЕТОВ.

В списке безвозвратных потерь в этот день появились новые имена:

**рядовой Антон САФОНОВ,
рядовой Алексей ГРИШИН,
сержант Михаил ГУЛЯЕВ.**

17 февраля. Противостояние федеральных сил и дудаевцев в районе Новогрозненского продолжается. Боевики предпринимают попытки прорыва из кольца, в которое взяты поселок и прилегающие к нему села Суворов-Юрт, Бачи-Юрт, Центорой. Обстановка осложнилась после того, как силы правопорядка Чечни и военнослужащие внутренних войск МВД России в ходе мероприятий по проверке оперативной информации о возможных тайниках оружия в этом районе были обстреляны. Ответным огнем около 30 боевиков были уничтожены.

В этот же день при обстреле позиций погиб

рядовой Дмитрий БАБЕНКО.

Ближе к вечеру дудаевцы захватили колонну МЧС из 28 машин с гуманитарной помощью.

18 февраля. Девять машин с гуманитарной помощью из 28, захваченных накануне дудаевцами, сумели вырваться из плена. О судьбе других ведутся переговоры.

В районе Новогрозненского идут ожесточенные бои. Боевики превратили поселок в настоящий укрепленный с разветвленной сетью окопов, блиндажей. Дудаевцы предпринимают попытки выйти из окружения. Они выслали парламентариев и заявили, что готовы сложить оружие. Однако сразу после переговоров вновь открыли огонь из автоматического оружия. Погибли

**рядовой Юрий СИНЯКОВ,
рядовой Виктор ШИШКИН,
старший лейтенант Вадим СКРИПНИКОВ.**

Попытка боевиков штурмом вырваться из Новогрозненского была отбита. Военнослужащие не препятствуют выходу из поселка мирных жителей.

19 февраля. В первой половине дня около 300 боевиков вновь предприняли попытки прорыва блокады Новогрозненского. В ходе боя погибли 3 военнослужащих, среди которых солдат внутренних войск младший сержант Эдуард МОНГУШ.

20 февраля. Операция по ликвидации боевиков в поселке Новогрозненский близка к завершению. Захвачен узел связи главного штаба дудаевцев. Между тем разрозненные группы боевиков оказывают сопротивление на окраинах поселка. Бандиты оставляют после себя много мин-ловушек, гранат на растяжках. Саперы внутренних войск приступили к разминированию. К исходу дня обнаружено около 300 выстрелов к гранатомету, более 200 снарядов к пушке БМП, более 800 снарядов к зенитным установкам, 50 различных мин, много стрелкового оружия и патронов к нему. В ходе боя захвачен 1 бронетранспортер, 1 боевая машина пехоты уничтожена.

23 февраля. В Георгиевском зале Кремля Президент России Борис Ельцин в ознаменование Дня защитников Отечества вручил высокие государственные награды группе военнослужащих. Указом Президента России за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, звание Героя Российской Федерации среди других присвоено военнослужащему внутренних войск Виталию БАБАКОВУ.

В последние дни февраля разыгралась трагедия у ингушского поселка Аршты, что недалеко от границы с Чеченской Республикой. Здесь ожесточенному обстрелу подверглась колонна мотострелкового батальона 58-й армии. Военнослужащие вынуждены были вступить в бой, который продолжался около двух суток. Погибло 14 солдат и офицеров, 20 — ранено. Утром 26 февраля федеральные части начали отвод войск от поселка.

По данным на 28 февраля, за период боевых действий в Чеченской Республике внутренние войска потеряли 499 человек убитыми и 2291 ранеными.

**Подборку подготовил
старший лейтенант
С.КОЛЕСНИКОВ.**

Людмила Николаевна РОМАНЕНКОВА — коренная москвичка, педагог по образованию. Она родилась в семье офицера внутренних войск и сама без малого два десятилетия служила в наших войсках прапорщиком. Участница второго и третьего семинаров литераторов внутренних войск. Ее стихи публиковались в журналах "Юность", "Крестьянка", "На боевом посту", в газетах.

Людмила РОМАНЕНКОВА

...И СТАЛ СУДЬБОЮ ЧЕРНОВИК

* * *

За то, что была
кораблем и причалом,
за то, что жалела,
за то, что прощала,
за то, что от счастья
осталась зола,
за то, что я жить
без тебя не могла, —
за это прошу тебя,
очень прошу:
не спрашивай,
как без тебя я дышу.

* * *

Лети, мой журавлик,
высоко, высоко,
туда, где не будет
тебе одиноко.
Я верю в твою
величавую силу.
Лети, мой журавлик,
Лети, путь счастливый!
Когда б мое сердце
могло рядом биться,
поверь,
не была бы я
слабой синицей.

Мне в жизни
большого крыла не хватало.
Иначе б я тоже
высоко летала...

ВЕТЕР

Невидимой рукой швырнет листву
и тяжело вздохнет над сжатой нивой.
Закроют тучи неба синеву —
и голос ветра горестно-тоскливый.
Дождем умоет окна, а потом
засвищет звонко, как лихой наездник.
И под его безжалостным кнутом
осыплет золото испуганный
березник.

То вдруг замашет снеговым платком
и вдаль помчит, дороги заметая.
То вдруг завоюет, волку подражая,
заголосит, как баба над крестом.

"НАСЕДКА"

Догорает как свеча
старая соседка.
Дочки, внуки, сыновья
в гости не спешат.
А я помню, как тебя
звали все "наседка",

и в "курятнике" твоём —
 целый детский сад.
 Рано стала ты вдовой,
 рано поседеда.
 Не вернулся муж-герой
 после той войны.
 Скольких ты тогда сирот
 сердцем отогрела...
 Как теперь живётся вам,
 дочки и сыны?
 Тихо молится она,
 глядя на окошко:
 нынче добрая весна,
 может, прилетят
 ну хотя бы на денек
 Светка или Сережка?
 Или бабушку свою
 внуки навестят?
 Каждый скрип и каждый звук
 ловит сердце цепко.
 Кажется, что вот сейчас
 ввалится гурьбой.
 Но лишь ветер стук-постук
 в дверь еловой веткой,
 да всю ночь трещит сверчок
 за печной трубой.

НА ВЕРНИСАЖЕ

Картина называется "В гостях".
 Но кто здесь был, куда исчезли люди?
 Вот поминальный рис

на тонком блюде
 и желтый мед на слипшихся блинах,
 засохший хлеб, кружочки колбасы,
 коростой сыр и голова селедки,
 картофель жареный в огромной
 сковородке
 венчают чей-то невеселый пир.
 Гора посуды рядом, на окне,
 не убранной никем, не перемытой,
 и чей-то зонтик, впопыхах забытый,
 так странно смотрится

на брошенном столе.

Огарки свеч и пепел сигарет,
 и вазочка с поникшими цветами,
 и китель с боевыми орденами —
 того, кого уж больше нет...
 Никто теперь здесь никого не ждет,
 и время на часах остановилось.
 И бродит сиротливо старый кот,
 еще не понимая, что случилось.

Вот и все. Знать, время вышло.
 Видно, заедает быт.
 И кричит душа неслышно,
 и невидимо болит.
 Отлеталось, отпорхалось,

отмечталось по весне.
 И осенняя усталость
 придавила душу мне.
 Отмелькали полустанки
 и перроны городов.
 Где вы, глупые цыганки,
 мне сулившие любовь —
 на века?! Так не бывает,
 если сердце устает...
 Жалобно собака лает,
 жалобно гармонь поет...

С обычной легкостью своею
 ты говорил: "Зачем страдать?
 Я жизнь свою сто раз успею
 на чистовик переписать".

Уже и рад бы знать пороки,
 чтобы приблизить светлый миг,
 но затвердели жизни строки
 и стал судьбою черновик.

Ничего не случилось.
 Ничего не случилось.
 Только с темного неба
 вдруг упала звезда.
 Вслед за ней на ущерб
 поплелась, покатилась
 то ли чья-то дорога,
 то ли чья-то судьба...

На снегу пролегли
 отпечатки полозьев.
 Но заносит поземка
 их стремительный бег.
 И звучит колокольчик
 отдаленно и тонко,
 и доносит к нам эхо
 то ли плач, то ли смех...

За этим краем — нет любви.
 Есть берег, но не мой.
 Там незнакомые огни,
 Сам воздух там иной.

Там впереди такой обрыв,
 что страшно глянуть вниз...
 А я стою, глаза закрыв,
 и говорю: "Держись!

Держись! По краю не ходи,
 с судьбою не играй..."
 Я знаю — там, где нет любви,
 Там только жизни край.

11

К вечеру разразилась гроза, первая гроза в этом году, услышанная мною — не наша, московская, привычная, а южная, оглушающая многоярусными раскатами, от которых содрогаются и небо, и земля. Потом хлынул ливень, да такой, что в метре ничего не видно. По асфальту бурлящим потоком понеслась вода, и все вокруг превратилось в единую гудящую, шипящую, несущуюся неведомо куда лавину...

Капитан, старший лейтенант милиции и мужчина в штатском молча сидели у стола, устремив, как и я, взгляды на небо. Водитель "Волги" и его пассажиры, подписав протокол, успели уехать до грозы, сержант куда-то увез Альбину, а за мной должна была прибыть "специальная" машина (так с ехидцей заметил капитан), и я сидел и ждал ее, тайно желая лишь одного: чтобы гроза в ключья разнесла весь этот пост вместе с его обитателями.

Капитан первым прервал молчание:

— Хорошо доблестное советское офицерство! Мало того, что девчат наших развращаете, еще и детишек давите. Да таких, как ты, вешать надо без суда и следствия.

— Это, конечно, легче и проще, чем доказать виновность невиновного, — возразил я не ради оправдания, а в расчете хоть немного прояснить обстановку: чего хотят шантажисты и какую очередную ловушку готовят.

— Кроме ваших красных "Жигулей" в шестнадцать десятков на Гоголя ни одной машины не было...

— И никакой семилетней девочки тоже, — оборвал его я. — Требую, чтобы вы сообщили о происшествии в военную автоинспекцию и начальнику Варкулештского гарнизона. Вы обязаны это сделать!

— Требовать будешь у себя, в Москве. А здесь изволь соблюдать наши законы и наши обычаи, — огрызнулся он.

Голова моя шла кругом, мысли роились, как пчелы в роешнице. Чего-чего, а шуму будет много: пьяный оккупант, раскатывая по городу с девицей легкого поведения, задавил ребенка, разбил две машины... И свидетелей они отыщут с дюжину.

Временами накатывало отчаяние, мне хотелось броситься на этих шантажистов, а там — будь что будет. Но разум сдерживал: погибнуть в такой ситуации — самое глупое, что может быть; нельзя терять выдержки.

За мной приехали, когда уже стемнело.

Небо очистилось от туч, и напоенный озонном воздух заставил меня еще острее почувствовать безысходность положения — тюремную камеру, унижения, беспомощность... "Черный воронок" — крытая, с зарешеченными окнами машина — одним своим видом раздавила все мои надежды. Вышедшие из нее двое здоровенных молоточников в милицейской форме с автоматами на груди повели меня к открытой двери своего металлического фургона. Повели как преступника.

Едва я переступил порожек "воронка", как на меня пахнуло отвратительной смесью мочи и блевотины. Дверь моментально захлопнулась. Темнота словно придавила меня, задыхающегося от зловония, к скамейке. Машина быстро набирала скорость. Я рассчитывал, что появится сквознячок, но "железный ящик на колесах" был настолько герметичен, что не пропускал ни единой струйки свежего воздуха.

"Куда меня везут?" — неотступно сверлила мысль. Сквозь оконце ни что не было видно: его заделали матовым стеклом и зарешетили так мелко, что и пастьца не просунешь.

Наконец "воронка" сбавил скорость и, скрипнув тормозами, остановился. Понеслись ворота. Машина снова тронулась, но, проехав совсем немного, замерла. Дверца отворилась.

— Выходи! — властно приказал глуховатый озлобленный голос.

В слабом свете лампочки, мерцавшей у подъезда небольшого кирпичного строения, я разглядел высоченный бетонный забор с колючей проволокой поверху и ухоженные песчаные дорожки вдоль ровных газонов.

Один из автоматчиков повел меня к зданию, но, когда мы поравнялись с крыльцом, приказал идти дальше, в сторону сада, еще не утратившего запах цветущих яблонь.

Шли мы довольно долго, пока из-за ветвей не показался еще один домик — тоже кирпичный, но поменьше и с маленькими окошечками, какие бывают в складах. Около домика под грибом стоял часовой — в пилотке и гимнастерке времен войны, в бриджах с бутылочным напуском на хромачи, со "шмайссером" через плечо. Он окликнул нас по-молдавски, мой конвоир ответил, и мы, не останавливаясь, вошли в двери.

Меня обдало подвальной прохладой, а когда остановились у дверей комнаты, где дежурил парень лет восемнадцати, наря-

женный тоже в допотопную форму, в нос шибануло перегаром. За перегородкой у стены на диване лежал черноусый плотный мужчина лет тридцати в офицерской рубашке без погон. На брючном ремне висела кожаная кобура, судя по всему, не пуста.

Эта дежурка с телефонами, нехитрой солдатской мебелью сильно смахивала на обычную, полковую, но порядок в ней царил совсем иной: никому и дела не было до нашего появления, лишь развалившийся на диване приоткрыл глаза и сказал, коверкая русские слова: "Веди этот коммуняка в треть камера".

Мой конвоир, видимо, что-то возразил, и тогда тот заматюгался. Впрочем, перепалка длилась недолго: парень вытащил из ящика ключи и, гремя ими словно кандалами, повел меня по коридору дальше.

Камера, в которую меня втолкнули, была обита листовым железом. Две двери: одна с маленьким эллипсовидным глазком, тоже железная, вторая, что напротив, обита коричневым дерматином (судя по всему, за ней помещение для допросов). В узкой клетушке железная кровать и табуретка. Крошечное оконце под потолком зарешечено, тусклая лампочка — тоже.

Щелкнул замок, и шаги стали удаляться, а я опустился на табурет. "Преступник... надо хлопнуть дорогой... попытка к бегству... коммунок — в треть камера..." — звенело у меня в ушах.

Приключись со мной подобное в Армении или Прибалтике — я бы не удивился: националисты там открыто измывались над нашим братом, но чтобы такое происходило в Молдавии... У меня не укладывалось в голове. Но все мои сомнения развеивали железные стены камеры, решетка на окне, кровать без матраца с ржавой провисшей сеткой, на которой буду томиться неизвестно сколько.

Чем дольше я раздумывал над своей участью, тем больше приходил к выводу: кого-то явно не устраивало мое посещение школы. Но кто сообщил — директриса или Альбина? Впрочем, какое это имеет значение? Нет, постой! Кому Альбина дважды звонила из кафе? Я ведь слежку обнаружил именно от этого злополучного "Лотоса". Может, и с выпивкой — ловко разыгранный ею спектакль? А ее поведение с гаишниками? Откуда это нахрапистое: "Что, и свиное переваришь?" А вдруг она связана с контрабандой оружия? Если это допустить, то не удивлюсь, что она виновница гибели Андрея. А теперь и со мной сыграла злую шутку. И все-таки

что-то здесь не так. Зачем тогда она шепнула: "Не бойся, папа нас выручит". Может, и вправду выручит, зря я запаниковал?

Несмотря на то, что ночь после похорон Андрея я почти не спал, а день вымотал все нервы, сон не шел ко мне. Я сидел на табуретке разбитый, раздавленный, запутавшийся в собственных мыслях, не находя ответов на мучившие меня вопросы и оттого не зная как вести себя дальше. Рассудок подсказывал: надо успокоиться — именно выдержка и здравый расчет не раз помогли мне в трудных летных ситуациях и дома, и в небе Афганистана. Но Альбина... Альбина не шла из головы и путала, отметала все мои доводы.

Итак, меня обвиняют в убийстве ребенка. Ясно, что хотят устроить судилище над очередным бесчинством советских оккупантов, вызвать сочувствие и поддержку мировой общественности и ускорить вывод наших войск из Молдавии. Но разве наша военная прокуратура и адвокат, которого я потребую, не докопаются до истины? Да, лжесвидетелей они найдут, но если дойдет до суда, то надо будет вытаскивать на свет Божий дочку Петрунеску, а Иона Георгиевич не тот человек, который допустит это. Обещание Альбины помочь ровным счетом ничего не стоит, если она сама в заговоре против меня. Но если я до сих пор жив, значит, я им для чего-то нужен. А коль так, есть возможность бороться.

12

Ранним утром вошел низкорослый в полувоенной форме мужчина лет сорока. Он поставил на табурет алюминиевую миску с мамалыгой — ее специфический запах мне запомнился с детства, когда впервые попробовал традиционное блюдо молдаван.

Он не поздоровался, даже не взглянул на меня ради любопытства, а так, зыркнул искоса как на никчемного, непонятно зачем пойманного зверька, и шагнул к двери, сильно косолапя короткими кривыми ногами.

— Послушайте! — остановил я его, решив хоть немного прояснить обстановку: лицо надзирателя показалось мне не столь озлобленным, как у вчерашних гаишников и дежурных, оно было скорее равнодушным и усталым. — Мне в туалет хочется. И хотя бы руки помыть...

Надзиратель удивленно посмотрел на меня и, усмехнувшись, кивнул в угол.

— Тамочки ведерце. Шо касаемо руки

помыть, перебьетесь. Скоро баня буде, даже гарна. — И вышел.

Есть я не стал: в таком состоянии не то что мамалыга, мед не полез бы в горло. Отхлебнул из алюминиевой кружки, поставленной рядом с миской чуть теплого и чуть подслащенного чая, отдающего прелой соломой, и снова лег на кровать в ожидании более серьезного визита и разговора.

Лишь в десятом часу за мной пришел дежурный и препроводил в кабинет, где меня поджидал белобрысый мужчина лет сорока пяти с серыми, пронзающими холодом глазами. Он обшарил ими меня с ног до головы, словно отыскивая на моей одежде следы преступления, и указал рукой на стоявший напротив стул. Когда я сел, спросил на чистом русском языке:

— Итак, товарищ капитан, кто вы, почему и как оказались здесь?

По его неприязненному взгляду и тону, которым начался разговор, я понял, что хорошего ждать нечего и коротко рассказал, откуда я и зачем приехал в Молдавию, умолчав, разумеется, о причастности к расследованию о контрабанде оружия и гибели Андрея. О том, как я оказался в кафе и сел за руль чужой машины, тоже особенно не распространялся, решив не называть имя девушки, хозяйки "Жигулей": впервые-де, ее видел, а поскольку она была пьяна, просто хотел помочь. Не впутывать в это дело Альбину подсказывало и прежнее мое подозрение о ее причастности к случившемуся, а раз так, сообщникам не очень-то понравится моя откровенность.

— И вы не успели даже с ней познакомиться?

— Не успел. — Я выдержал его прямо-таки проломный взгляд. — Да и не собирался с ней знакомиться: молдавские девушки не очень-то благосклонно относятся к советским офицерам.

— Как же в таком случае она решилась доверить вам ключи от своей машины?

— У нее не было другого выхода. Она плохо себя чувствовала.

— Плохо себя чувствовала или была пьяна?

— На алкоголь я ее не проверял. Но в помощи она нуждалась.

— Ну да, советский офицер в беде других не оставляет, — заметил он с издевкой.

— Это мораль каждого порядочного человека.

— Сомневаюсь, сели бы вы за руль, если были бы трезвы.

— Я не был пьян. Сто граммов коньяка, поверьте, не затуманили мне голову.

— Я привык верить фактам. Вы знали, где живет девушка?

Он был отлично обо всем информирован, я не сомневался в этом, и все-таки ответил отрицательно.

— Почему же вы свернули с Пушкинской на Гоголя, потом снова на Пушкинскую?

— Так она просила. Вначале хотела поехать к подруге, потом передумала.

— И не сказала вам адрес?

— Сказала, что тут недалеко.

— Сказала после того, как вы сбили девочку?

— Вы лучше меня знаете, что этого не было. Чего вы от меня хотите? И кто вы? Почему держите непонятно где и не требуете военному командованию? Я требую немедленного освобождения! Если считаете виновным, предъявите обвинения как положено, через нашего представителя.

— Не слишком ли много вопросов и эмоций? Вы забываете, что здесь вопросы задаю я. Вы совершили преступления у нас, в Молдове, и судить вас будем мы и по нашим законам.

— Но существует международное право...

— Оставьте ваши познания при себе. Молдова — суверенное государство, ваше время наводить у нас порядок истекло, и теперь мы сами будем решать кого и как судить. — Он открыл стол и достал пачку чистых листов. Бросил их передо мной. — Опишите ваши приключения подробно, со всеми нюансами. И не забудьте о девушке: кто она, ее внешность, кто из вас первый пошел на сближение, как вы оказались в ее машине. Как говорят в таких случаях, от чистосердечного признания будет зависеть мера наказания. — Он нажал на кнопку звонка расположенную под столом, и тут же появился конвоир.

— Увести! — коротко прозвучал приказ.

Я направился к двери, так и не уяснив, где нахожусь и с кем имею дело. Спрашивать у конвоира было бессмысленно. И я вернулся в камеру еще более удрученный и обескураженный.

Писал объяснительную, разумеется, без всякой надежды на справедливое разбирательство. Они затеяли со мной подлую игру. Что ж, подыграю и я им, хотя бы ради того, чтобы выяснить, насколько причастна к этой истории Альбина. Допрашивавший меня почему-то не очень сосредоточивал внимание на ней, не допытывал-

ся, кто она, как ее имя, хотя наверняка знал о нашем более тесном знакомстве, о том, что накануне мы раскатывали на ее "Жигулях", конфликтовали в этом кафе, ездили в гости к ее отцу, хоронили ее жениха. В объяснительной я не назвал ее имени, полагая, что, если следователь снова обойдет этот факт вниманием, многое прояснится.

Два дня меня не вызывали ни на допросы, ни для уточнения показаний, не выводили на прогулку. Даже газет не приносили. В знак протеста я объявил голодовку (а если говорить откровенно — мамалыга, которой меня пичкали три раза в день, попросту уже не лезла в горло).

На третий день утром вместе с завтраком мне принесли пачку газет. Суматошным взглядом пробежал заголовки первых полос: "Народ одобряет решения Снегура", "Возродим виноградники, уничтоженные москалями!", "Леводнестровье — земля Молдовы"... Все не то, и вдруг в глаза бросились крупные буквы: "Советские оккупанты развлекаются".

"Как уже сообщалось, в районе Чадыр Лунга 28 мая военным водителем был совершен наезд на грузовик, принадлежащий одному из кишиневских автохозяев, доставлявший в сельские школы продовольствие, присланное в порядке гуманитарной помощи из Германии. Шофер грузовика в тяжелом состоянии доставлен в больницу.

Советские оккупанты, чтобы уйти от ответственности и спасти своего опричника, сочинили версию, якобы грузовик вез не продовольствие, а оружие. Но Бог все видит и шельму метит! Буквально на третий день после этого случая советский офицер — старший лейтенант Болтунов, один из тех, кто доставлял из Германии гуманитарную помощь — пресловутую контрабанду, развлекаясь в городском кафе, так надрался молдавского коньяка, что не справился с управлением собственной машины, врезался в железобетонный столб и сгорел.

Но и этот урок не пошел советским военным гулякам впрок: два дня назад капитан Семиречин, прибывший в Молдову в командировку, тоже не удержался от соблазна посетить злачные места нашей гостеприимной столицы, попытать счастья на любовной ниве с черноокими темпераментными бессарабками. Таковых, к сожалению, в нашем городе немало. Одну из них незадачливый кавалер напоил до потери сознания и сам, еле держась на ногах, сел за руль легковой автомашины. Но если старший лейтенант поплотился за

преступную расхлябанность жизнью, то капитан Семиречин сбил ребенка. Пытаясь скрыться с места преступления, советский офицер совершил второй наезд, на этот раз на автомобиль "Волга", принадлежавший господину Лионе. К счастью, здесь обошлось без жертв. Лихой водитель был задержан сотрудниками ГАИ. Против него возбуждено уголовное дело.

Нет сомнения, что красные командиры предпримут все дозволенные приемы, чтобы оправдать своего подручного, приехавшего из Москвы поучать наш народ и писать о нем всякие небылицы.

Граждане свободной, миролюбивой Молдовы! Сплотим свои ряды и грудью встанем на защиту нашего суверенитета. Не дадим зарвавшимся оккупантам бесчинствовать на нашей земле, выйдем все на митинг с требованием вывести советские войска с нашей территории. Молдова для молдаван!"

Пока читал, меня бросало то в жар, то в холод. Вот для чего была устроена провокация! Эту газету, несомненно, подsunут и в гарнизон, и в наши правоохранительные органы. Что обо мне подумают летчики, Токарев? Неужели поверят всей этой наглой стряпне?

Я стал перебирать другие газеты. Вот и моя родная "Звездочка". Редакция, несомненно, поставлена в известность и должна откликнуться. Пробежал глазами все статьи и информации — обо мне ни слова.

Я вскочил с кровати, остервенело заколотил в дверь. Никакой реакции. Словно этот вонючий каземат вымер. Озлобленный до отчаяния вернулся к кровати.

Меня оболгали и опозорили, и оправдаться будет непросто: у них все доказательства против меня, и копь в ход пущена печать, дело серьезное.

Минут через пятнадцать наконец появился надзиратель, забрал миску и кружку, к которым я так и не притронулся, и гнусаво скомандовал:

— К Комрату Герпинеску.

Он вышел, оставив дверь открытой. Я подождал, когда появится конвоир, не дождавшись, вышел в пустой коридор, направился к двери, за которой три дня назад меня допрашивали.

Видимо, что-то изменилось, копь с меня сняли охрану, мелькнуло в голове, и, не смотря на то, что перед глазами еще мельтешили страшные строки газеты, впереди забрезжил призрачный свет свободы. Но он сразу же погас, как только я открыл дверь и встретился с ledenящим душу

взглядом Герпинеску. Он не предложил мне сесть, не задал никакого вопроса, просто презрительно смотрел, видимо, желая тем самым нагнать на меня страху и сломить волю. Но, к его удивлению, я вдруг, напротив, ощутил в себе уверенность и силу — прошел к столу и сел без приглашения.

Герпинеску сделал вид, что не заметил моей решительности, он откинулся на спинку кресла и спросил с издевкой:

— И что вы скажете в свое оправдание на сообщение в газете?

— Мне не в чем и не перед кем оправдываться, — я старался отвечать как можно тверже. — Вашей стряпне никто не поверит.

— А ваша стряпня лучше? — усмехнулся Герпинеску. — Ей же поверили. И пятерых наших людей арестовали якобы за контрабанду оружия.

— Вы отрицаете, что в машине, попавшей в аварию, было оружие?

— А ты, — Герпинеску окончательно решил со мной не церемониться и перешел на "ты", — будьешь отрицать, что сел за руль нетрезвый и задавил девочку?

— Что выпил сто грамм коньяка я отрицать не собираюсь. Но что задавил девочку — это ваша провокация.

— Не рассчитывай, что тебя выручат твои командиры. Ваше время кончилось, и больше вам не удастся ни вырубать наши виноградники, ни забирать за бесценок фрукты и вино...

— А закусывать чем будете? Мамалыгой? А нефть, железо где возьмете? На коньяк наменяете?

— Ничего, века жили без вашей нефти, проживем и далее... Свобода дороже всех благ!

Спорить с ним было бессмысленно, и я замолчал, ожидая, что последует дальше.

Герпинеску кивнул на листы бумаги:

— Можешь сообщить своим начальникам, что ты жив и здоров, почему попал к нам и что над тобой не совершают никакого насилия.

В сознании мелькнула надежда: значит, что-то произошло, коль мне дают отдушину. Или это новая ловушка?

— Написать все как было на самом деле? — переспросил я.

— Я сказал, написать: жив, здоров, содержусь в нормальных условиях. Задержан за наезд и аварию.

— А где нахожусь, у кого?

— Где — тебе знать необязательно. У

кого... — Герпинеску подумал. — У Барона, пиши. Слышал о таком?

Я вспомнил истошный выкрик Альбины во время драки в кафе. Не это ли волшебное слово остановило бандита, занесшего надо мной руку с кастетом?

— Это ты Барон?

Он промолчал, лишь стиснул челюсти. Будь его воля, он наверняка не так поговорил бы со мной. Значит, не он...

— Пиши, — ткнул он в лист бумаги. — Да поменьше спрашивай.

Я, взяв ручку, написал: "Главному редактору газеты "Красная звезда", прокурору Кишиневского гарнизона. Довожу до вашего сведения, что я, Семиречин Игорь Васильевич, задержан Кишиневским ГАИ при совершении дорожно-транспортного происшествия, причины и подробности которого могу объяснить только лично. Содержат меня в одиночной камере, условия удовлетворительные. Физическим воздействиям и принуждению пока не подвергался".

Поставил точку, расписался с надеждой, что письмо станет ариадниной нитью, которая приведет наши следственные органы к месту моего заточения: за курьером, несомненно, будет установлена слежка, да и Альбина наверняка не осталась без внимания, и если она в этой цепочке не случайное звено, рано или поздно Барону придется освободить меня.

13

Кое-что в моем положении все-таки изменилось: стали выводить на прогулки, дополнили рацион ячневой и перловой кашами, чай приносили погорячей и послаще. Поразмыслив над причинами перемен и сказанным Герпинеску, я пришел к выводу, что меня скорее всего хотят обменять на тех контрабандистов, которых задержали наши органы контрразведки.

Но дело почему-то затягивалось — шла вторая неделя моего заточения, а все оставалось по-прежнему, и выдержка моя начала мне изменять: порой я готов был броситься на двухметровую ограду под дула автоматов охранников, маячивших на сторожевых вышках. Удерживала лишь памятная с детства фраза: "Воля, как и мускулы, требует постоянной тренировки; чтобы выковать железный характер, нужно научиться управлять собой, подчинять желания разуму". И я отводил взгляд от колючей проволоки, по которой, несомненно, был пропущен электрический ток; заставлял себя и в камере, и на улице

заниматься гимнастикой, отрабатывал приемы каратэ с уверенностью, что все это мне еще пригодится. "Не такое уж у меня гиблое положение, — успокаивал я себя. — Меня, несомненно, ищут, и я должен придумать что-то, чтобы дать о себе знать".

Я стал внимательно присматриваться ко всему окружающему, изучать место своего заточения.

Кирпичный одноэтажный дом, где меня содержали, был старинной постройки, с толстенными стенами и коридорной системой из пяти комнат по одну и другую сторону. Высоченный забор опоясывал и яблоневый сад, который пересекали две посыпанные песком дорожки: одна — к сторожевой вышке, вторая — куда-то в глубину сада.

Мне разрешили получасовые прогулки два раза в сутки: утром до завтрака и после обеда. Потом продлили утреннюю еще на полчаса, но территорию строго ограничили — от пересечения тропинок и до сторожевой вышки. Меня никто не сопровождал, однако я знал, что глаз с меня не спускают и любая попытка вырваться из этого каменного мешка без посторонней помощи — пустая затея.

Первые три дня я строго выполнял наказ дежурного: за запретный перекресток не заходить. Но на четвертый рискнул свернуть на другую тропинку и углубился в сад метров на двести. Остановился, присел на корточки, огляделся, прислушался, но кроме теньканья красногрудых птичек да щебетанья воробьев — предвестников близкого человеческого жилья — ничего не увидел и не услышал. Пора было возвращаться. Дежурный не хуже меня знал, сколько требуется времени, чтобы вернуться от перекрестка, он в любой момент мог заложить меня Герпинеску, а тот — лишить прогулок.

Подходя к зданию, я намеренно замедлил шаг. Трехминутному опозданию он не придавал значения. На следующий день я повторил свой маневр, и снова все сошло с рук. И тогда я решился.

Было воскресенье. Новый, только что заступивший дежурный был в прекрасном расположении духа. Открывая дверь камеры, он пошутил: "Гуляй, тилько в шинок не вздумай заходить. Коль гроши маешь, лучше позычь нам с посыльным".

У меня оставалась последняя двадцатипятирублевка (я еще удивился, как ее не забрали при обыске), протянул дежурному:

— Выпейте сами за мое здоровье.

Лохматые брови мужика поползли вверх:

— Дывись, — захохотал он, повернувшись к посыльному, — я в шутку, а вин... — и взял деньги. — Добрый вояка! Ладно, ходи гуляй. Тилько к забору близко не пидходь!

"А что теряю? — рассуждал я. — Коль меня сразу не шлепнули, то теперь, когда мое письмо, надеюсь, попало к нашему командованию, бандиты вряд ли решатся пойти на крайнюю меру. Ну отлупят, лишат прогулок... А, была не была!"

Голубизна неба и зелень яблонь, запахи цветов, листьев, травы — все казалось таким необычным, таким волнующим и ярким, что даже удивляло: как я раньше этого не видел и не ощущал?! Желание вырваться на волю всецело завладело мною, гнало меня от каземата с неведомой силой, и я чуть ли не бегом устремился к перекрестку.

Не далее чем через километр я увидел еще один дом, похожий на тот, в котором меня содержали, — одноэтажный, кирпичный, но несколько больших размеров. Около него человек десять занимались на спортгородке — самом обычном, какие бывают возле солдатских казарм. Один из них крутил солнце, другие — поглядывали на него, о чем-то переговаривались, смеялись.

Мое радужное настроение улетучилось вмиг: я понял, что это не те люди, на помощь которых можно рассчитывать. скорее наоборот. Здесь не учебное подразделение и не спорткомплекс, тут, скорее, база какой-то банды. А коли так, то с этими отщепенцами мне лучше не встречаться.

Я хотел было уже повернуть обратно, как уловил шаги за спиной и, обернувшись, увидел идущего на меня здорового детину в форме старого армейского образца. На ремне с левой стороны, как у немцев, кобура.

— Дывлюсь, та й очам своим не взрю: чого тут пану офицеру трэба? Як вин сюды забрався? — заговорил он насмешливо, но предупредительно освобождая тускло блеснувший "макаров".

— Да вот завела нечистая, а дорогу обратно не показала, — попытался я поддержать его веселый тон. — Помози, добрый человек, может, и я когда отслужу.

— Поможет, а як же. Со всем нашим почтением! — Он подошел ближе и неожиданно врезал мне прямо в скулу. Бил левой, а правой уже держал пистолет на изготовку. — А ну топай, мать твою!.. — указал стволом в сторону дома. — Тамоч-

ки еще поможем. Дуже давно у нас нэ було таких залетних гостэй.

"Спортсмены" уже обратили на нас внимание. Тот, что упражнялся на турнике, прыгнул на землю. Я окинул их взглядом — похоже, действительно спортсмены: молодые, крутоплечие, в адидасовских трусах; майки и костюмы аккуратно сложены на скамейках. Глянул на лица, и сердце вдруг замерло: среди них был и мой знакомец по драке в кафе — тот самый предводитель задиристых недоумков. Он тоже узнал меня, глаза его злобно блеснули.

Я мгновенно попал в центр глумливой, галдящей толпы: "Виткиля цей шлак? Може, тут красный десант высадили?.."

Но знакомый по кафе тут же протиснулся ко мне и прикрикнул:

— А ну тихо! Я знаю, кто это такой.

Похоже, он и здесь был не на рядовых ролях. Окружающие как по команде притихли и отступили, образуя полукруг.

— А говорят Бога нету. — Знакомец приблизился ко мне вплотную, дохнув перегаром. — Я чуть ли не молился, чтоб еще разок встретиться с этим воякой и вернуть ему должок... Ну что, надеюсь, сегодня твоя красotka нам не помешает? — Он двинулся по кругу, играя мускулами и с усмешкой поглядывая на меня, видимо, желая нагнать страху. Однако его примитивизм и неумное бахвальство действовали на меня успокаивающе, и, когда он с криком взвился в стремительном атакующем прыжке, я отскочил в сторону и локтем точно угодил ему в ступню, прямо в самую косточку.

Воинственный клич сменился чем-то похожим на рычание, боль исказила лицо. Как подбитая птица, он несколько раз подпрыгнул на ушибленной ноге, но, придя в себя, лизнул губы и снова устремился на меня, тесня к кольцу орущих от восторга и ненавидящих меня людей.

Мой противник все время старался сократить дистанцию, перейти в ближний бой, но я быстро понял опасность его коротких ударов и всячески избегал сближения. Вот и в очередной раз, когда тот ринулся в атаку с поднятыми на уровень плеч руками, я рубанул по правой и снова увернулся.

Лицо его налилось кровью, дыхание зачастило — сказывалась попойка, он начал выдыхаться. И тут, сделав ложный выпад ногой, я достал его кулаком в подреберье. Удар получился чувствительным, отрезвляющим.

Мы прошли еще с полкруга, и он, похоже, тоже понял, что время играет на меня.

Снова взвился, целясь пяткой в голову, но промахнулся, а я, отскочив ему за спину, нанес ответный удар в область пятого позвонка. Попади я точно в нервный узел, поединку был бы конец, но оплошал: соперник отлетел к ногам своих сотоварищей, которые его тут же подхватили, поставили на ноги и толкнули в бой. Глаза парня горели злобой, лицо исказила звериная гримаса. Я решил не дать ему опомниться, довершить атаку и рванулся навстречу. Тот, защищаясь, взмахнул рукой, в которой блеснул нож.

Моего секундного замешательства ему было достаточно, чтобы перехватить инициативу. Отводя удар, я прикрылся локтем, но лезвие все же зацепило плечо. Он явно торжествовал, а это расслабляет. Я моментально сделал контрвыпад, еще не чувствуя боли, хлестнул раненой рукой по его переносице, а когда он откинул голову, со всей силой рубанул ребром ладони по его кадку.

Парень захрипел и стал оседать на землю. На меня тут же набросились со всех сторон, повалили и стали бить кулаками, ногами, кто чем мог. Прикрыв голову, я сжался в комок. Сквозь удары, сквозь боль и шум в ушах до меня донесся чей-то окрик. Голос мне показался знакомым. Удары прекратились. Теряя сознание, я лишь почувствовал, как неведомая сила подхватила и понесла меня куда-то в черное, бескрайнее пространство.

14

По стеклу ползал большой черно-желтый лохматый шмель, уже обессиленный, натыкающийся на перекладины рам, не рискующий переползти их. Голубое небо, цветы, зеленая трава притягивали его, и он бился о стекло, рвался туда, на свободу.

Я смотрел на шмеля, на окно и никак не мог понять, где я и что со мной: все тело болело, в ушах стоял звон; особенно острая боль чувствовалась в плече.

— Мама! — позвал я и испугался своего голоса, не мальчишеского, а сиплого, старческого и немощного.

Открылась дверь, и вошла женщина вся в белом; на косынке, из-под которой выбивалась темная прядь волос, красный крестик. Приблизилась ко мне, положила прохладную ладонь на лоб; сказала ласково с небольшим южным акцентом:

— Оклемался, красавец? Дуже болит? — кивнула она на плечо и сама же ответила: — Знамо, болит. Ничего, до свадьбы заживет. Потерпи, скоро доктор придет..

И я вспомнил! Вспомнил каземат, попытку вырваться на волю, драку на спортплощадке. Как же я не заметил, когда ему передали нож? Хотя что бы это изменило?.. Уклониться от удара или даже выбить нож можно было у новичка, а не у профессионального убийцы. Хорошо еще, что жив остался. Кажется, коронный мой прием я провел успешно. А что дальше?

— Где я? — спросил я у сестры, поправляющей мне подушки.

— В самой лучшей больнице нашего города, — с гордостью ответила она.

— И давно я здесь?

— Да нет, только вчера привезли, после обеда. Кто ж тебя и за что так отделал?

— Хулиганы какие-то, — не стал я открывенничать.

— Не люди, а звери пошли. И сладу с ними никакого нету. На прошлой неделе дочку моей соседки изнасиловали, а ей только четырнадцать... Варнаки проклятые!

Она еще похлопотала в палате несколько минут: раздвинула пошире портьеры на окне, сменила воду в графине, напоила меня чаем — и ушла, оставив в душе затеплившуюся надежду на спасение. Если меня не убили там, в логове головорезов, то, значит, я им нужен, а из "лучшей больницы города" путь на волю должен быть покороче.

Минут через десять в палату зашел врач, пожилой мужчина с лохматыми, как у Брежнева, бровями. Осмотрев мои раны, он записал что-то в историю болезни и ушел, даже не поинтересовавшись моим самочувствием. Похоже, русский пациент пришелся ему не по душе: мне он тоже показался несимпатичным и недружелюбным, потому я не стал приставать к нему с расспросами: где я и когда меня выпишут? Уж коли сестра не стала со мной открывенничать, от врача тем более ничего не добиться.

В обед мне принесли куриный бульон, фруктовый плов и даже пирожное, но я ничего есть не стал: сам вид пищи вызывал внутреннюю боль. Кое-как, с трудом выпил виноградного сока: разбитые губы при малейшем движении трескались и болели.

На ночь я попросил сестру сделать обезболивающий укол, но проспал часа четыре, и боль снова разбудила. Вызывать сестру не стал, а дождавшись, когда стало светать, не без труда доплелся до окна и тихонько приоткрыл фрамугу. Четвертый этаж. И стена гладкая, как полированная доска, не за что даже глазу зацепиться. Да

и карнизы такие узкие — воробью тесно. Нет, через окно не уйти...

Подождал к двери, легонько толкнул ее. В тот же миг передо мной вырос молодой крепкого телосложения мужчина в белом колпаке и халате.

— В чем дело, больной? Вам нельзя вставать, вызывайте дежурную сестру кнопкой, — недовольно произнес он.

— Простите, доктор, я не хотел вас беспокоить. Мне бы по малой нужде...

— У вас под кроватью утка. Вам нельзя вставать, — уже более категорично заявил он. — Если мучает бессонница, выпейте, вот, таблетку финлепсина. — Он протянул мне белую маленькую лепешку.

Я поблагодарил и вернулся к кровати.

Меня охраняют. Другого и быть не могло..

Прошла неделя моего больничного заточения, вернее — не прошла, а проползла, мучительно медленно, угнетающе, в тревожных раздумьях. Что меня ждет после выздоровления? Освобождение или новые муки? Судя по тому, что днем и ночью с меня не спускают глаз, вряд ли соотечественники встретят меня цветами. И все-таки надежда меня не покидала. Я стал больше двигаться и даже, потихоньку, занимался гимнастикой.

К концу недели зажили губы, синяки на лице исчезли, утихла боль в груди и пояснице. Доктор по-прежнему со мной почти не разговаривал, внимательно осматривал, ощупывал, спрашивал, где болит, записывал что-то в своем гроссбухе, давая по-молдавски указания сестре, и покидал палату. Однажды утром мне показалось, что он куда как любезнее со мной: и ощупывал более осторожно, и вопросы задавал не столь резко и сухо, а в конце осмотра на его мясистом лице промелькнуло нечто похожее на улыбку.

— Из-за такой девушки не грех и пострадать, — сказал он, поднимаясь со стула. — К сожалению, пока не могу вам разрешить прогулку с ней, довольствуйтесь свиданием в палате. — И вышел.

Я не успел еще прийти в себя от такой неожиданной новости, как вошла Альбина в легком, будто сотканном из белоснежных облаков платье, в белой шляпке и белых, с золотистой каемкой туфельках. Лицо ее было таким счастливым, что все подозрения о ее причастности к моим несчастьям вмиг улетучились.

— Здравствуй, милый! — сказала она радостно и стала целовать меня. — Если бы ты знал, сколько я пережила и сколько потратила сил, чтобы найти тебя, ты бы

меня простил. Но теперь все позади. Я обещала тебе, что помогу и сделаю это, чего бы мне ни стоило!

Все было так неожиданно, что я растерялась и не нашел ничего лучшего, как только спросить:

— Где я? Тут ни от кого ничего толком не добьешься.

Она опустила на стул, на котором только что сидел врач, и в задумчивости стала рассказывать:

— Если ты ничего не знаешь, я тебе кое-что объясню. Оказывается, мы с тобой попали в руки боевиков. Они следили за тобой с той самой минуты, как увидели с прокурором гарнизона, у которого под арестом находились контрабандисты. Под видом гаишников они задержали нас. Но я им была не нужна, хотя все равно они потребовали у отца выкуп в пять тысяч долларов. А тебя решили обменять на контрабандистов. — Она замолчала, кусая губу, что было признаком недоброй вести. И я не ошибся. — Но что-то не сработало. Может, пресса переборщила, обвинив тебя во всех смертных грехах, может, какие другие причины, но ваше командование предъявило свой ультиматум: если тебя не освободят, армия сделает все, чтобы найти банду и уничтожить всех до единого. — Она снова замолчала, а у меня все заняло внутри — это же смертный приговор! Угроза только ожесточит бандитов. Даже если их найдут, разве они оставят меня в живых?

— И что дальше? — заторопил я Альбину, стараясь не выдать своего отчаяния.

— А дальше... — Она улыбнулась и вдруг сменила тему: — А ты оказался вон каким героем. Я и не ожидала, что ты такой забияка... Одним ударом убить такого бугая...

— Ты уверена?

— Я была на похоронах! Это тот самый тип, который напал на нас со своими дружками в "Лотосе".

Мне вспомнился тогдашний ее возглас и ответ Герпинеску на мой вопрос, у кого я.

— Он из банды Барона? — спросил я, пристально глядя в глаза Альбины.

И она смутилась, дернула плечиками:

— Возможно. Но почему ты меня об этом спросил?

— Потому что ты знаешь, кто такой Барон, — пошел я напролом, надеясь вырвать у нее еще хоть какую-нибудь информацию. Но Альбина невинно улыбнулась и помотала головой:

— Не знаю, милый. Слышать о нем слышала — молва о банде Барона по всей

Молдове идет, а кто он, — она снова пожала плечиками, — понятия не имею. Если ты вспомнил, как в кафе я пригрозила подонкам Бароном, то поверь — я блефовала. Его все хулиганье, вся мелкая шушера боится. И сработало.

Ее глаза смотрели так невинно и слова звучали так искренне, что усомниться в правдивости я, разумеется, не мог.

— А как ты попала на похороны?

— Без проблем. Весь город почти собрался. Твои коллеги-журналисты таким героем его преподнесли, так разрекламировали, что у многих появилось желание проводить в последний путь жертву советской оккупации.

— Даже так?! И кто убил его, сообщили?

— Неизвестный советский офицер. Рукояткой пистолета. И знаешь где? В нашем любимом кафе.

— И его не схватили?

— Припугнул — мол, любого, кто попытается его задержать, уложит на месте.

— Значит, скрылся?

— Значит, — усмехнулась Альбина. — Сюда, в больницу Кагула.

Наконец-то прояснилось, где я. Но радости мало: на мне повисло еще одно убийство.

— Как ты меня разыскала?

— О-о, это длинная и неприятная история, стоившая моему папочке тоже немалых денег. Но я обещала, и вот видишь, у тебя. — Она снова поцеловала меня.

— И все-таки, — остановил я ее, — пойми, меня волнует моя судьба.

Альбина погрустнела. Помолчала.

— Я не хотела тебе говорить. Положение пока очень сложное. Но мы ищем выход.

— Я понимаю, что очень сложное, и все же?

Она помяла пальцы:

— В общем, ваши не пошли на обмен, арестовали еще нескольких сотрудников ГАИ. Тогда Барон предъявил ультиматум: если не освободят арестованных в течение пяти дней, корреспондент...

Она замолчала, но и без слов было все ясно.

— Этот срок уже истек?

Она кивнула. И повторила:

— Мы делаем все, чтобы освободить тебя... Кое о чем папа уже договорился, не знаю, правда, как ты отнесешься к этому.

— Говори!

— Они предложили такой вариант: сохраняют тебе жизнь, если ты согласишься быть у них советником и тренером. Ты так

разделался с их сенсеем, что они считают тебя первоклассным каратистом.

— Учить их убивать?

— Да нет. По-моему, речь не о банде Барона. Там готовят телохранителей для коммерсантов, бизнесменов. Ты же был, видел эту школу.

— Я сидел там в одиночной камере и кроме яблоневого сада да господина Герпинеску ничего не видел. Разве еще спортивную площадку и полосу препятствий. Там что, раньше воинская часть стояла?

— Не знаю, я там не была.

— Нет, учить убийству... Не на войне... Извини меня.

— Но у тебя нет другого выхода! Надо выиграть время, а там мы что-нибудь придумаем. Может, выкупим тебя. Но пока надо просто выжить.

Да, выбора у меня действительно не было. Но и возвращаться за колючую проволоку к бандитам, где каждый в любую минуту может воткнуть в спину нож... А как отказаться, если уже вынесен приговор? Положеньеце... Рискнуть? Что я теряю? Во всяком случае есть шанс отсрочить свою смерть. К тому же, как говаривали в Афгане, не важно, когда умереть, важно — как умереть! Соглашусь, а там посмотрим. Может, я смогу еще что-либо сделать полезное в этой жизни. Да и не верю я, что мои командиры, наше правительство бросили меня на произвол судьбы. Надо, надо идти на компромисс...

— А на какой срок берут меня сенсеем?

— Этот вопрос отец тоже прорабатывал. Пока договорились — на год, после чего, его клятвенно заверили, отпустят тебя с миром. Но я надеюсь, что мы тебя освободим раньше.

— Ну что ж, тогда решено.

Альбина обняла меня крепко за шею:

— Ты умница! Я буду тебя навещать, поправляйся быстрее.

15

И вот я снова за высоким железобетонным забором с колючей проволокой наверху в небольшой комнатке двухэтажного особняка, в котором живут дезертиры и уголовники, решившие повисить квалификацию и перейти в разряд наемных убийц. Мне надлежит учить их жестоким и изощренным приемам насилия.

Я не раз задавал себе вопрос, правильно ли поступил, приняв предложение руководства школы террористов (уже на третий день я знал, чем занимаются "курсанты-спортсмены", будущие телохранители

бизнесменов), и, проанализировав еще раз ситуацию, пришел к выводу, что правильно. Приговор мне подписан, но умереть никогда не поздно. Надо не упустить шанс дать о себе знать и разоблачить банду. Правда, тут мои попытки пока безрезультатны. Даже Альбина, которую я попросил переслать письмо моим родственникам в Москву, отказалась, объяснив, что дала слово никаких просьб не выполнять, чтобы не усугубить и без того незавидное мое положение. А письмо было бы ничтожной... Что ж, буду искать другие пути.

Визит Альбины задал мне немало новых головоломок. Что все же кроется за предложением стать тренером в школе убийц? Кто такой Барон? Как удалось Альбине пробраться ко мне и насколько правдивы ее объяснения? Ответ пока напрашивается один: тренером меня взяли, конечно же, не из-за бойцовских способностей, а хотят использовать для других коварных целей, поэтому надо быть все время начеку, вести игру как толковому шахматисту, видящему ситуацию на много ходов вперед. Барон, конечно, не Комрат Герпинеску — слишком мелковата фигура, ordinarily умом и поступками. За ним, безусловно, стоит какой-то влиятельный человек, обладающий немалыми средствами, а возможно, и властью. Содержать такую школу накладно. Правда, по ночам "курсанты" выезжают куда-то, возможно и на "охоту", за баксами. Но без надежного прикрытия сверху школа долго бы не просуществовала.

Загадкой для меня оставалась и сама Альбина. В больницу всякий раз она приезжала свежая и цветущая. Слово и не было две недели назад похорон Андрея, словно дорожное происшествие, из-за которого я оказался в застенке, смертный приговор, вынесенный мне, являлись для нее всего лишь детской игрой или, по крайней мере, недоразумением. Что ей — раскатывает на своей новой машине, светлобежевых "Жигулях", как ни в чем не бывало. Разыскала меня там, где не могут найти опытнейшие следователи и контрразведчики. Только ли папины деньги и ее обольстительная красота обладают такой магической силой? Что заставляет ее принимать участие во мне? Угрызения совести, симпатия или далеко идущие планы, связанные с кознями националистов во главе с Бароном?

У меня в группе пять человек: двое русских, один украинец и двое молдаван, недавно сбжавших со срочной службы. Русские и украинец — бывшие эски, занимавшиеся на Украине бандитизмом и кража-

ми, освобожденные по горбачевской амнистии и снова попавшиеся на рэжете, да вовремя скрывшиеся здесь, за забором школы террористов. Молдаване — Мирча Хадырке, двухметровый увальень с туповатым и жестоким лицом, и его односельчанин и друг Петря Супруне, антипод по внешности и характеру — красавец с гусарской выправкой, энергичный и неглупый, ловкий и компанейский, любящий в часы досуга травить байки и внимательно слушать других.

Отношение всех пятерых ко мне, как я и предвидел, однозначное — каждый, при удобном случае, воткнул бы в спину нож: и за своего сенсея, и за то, что я, русский офицер, "изгалявшийся над ними во время срочной службы", снова командуя ими. Особенно ненавидит меня Мирча. Он наделен от природы недюжинной силой, а на турнике не может подтянуться и пять раз. Не даются ему и прыжки с переворотом через коня, которые обязательны для каждого курсанта. Мне приходится заниматься с ним больше, чем с другими. Каждый раз, когда я повторяю команду "К снаряду", его сытое, круглое, как колобок, лицо, покрывается бурными пятнами, а в глазах вспыхивают недобрые искры. Нам приходится терпеть друг друга, хотя в один прекрасный момент, может не только у него, а у любого из пятерки выдержки не хватить...

Групп в школе восемь. Есть сборные, многонациональные, как моя, а есть чисто молдавские, но никаких эксцессов между группами нет и межнациональных трений пока тоже не происходило. Тренеров, а точнее сенсеев — в школе отдается предпочтение японским видам борьбы — тоже восемь, плюс четыре преподавателя по тактике террора, по вооружению и стрелковому делу, по связи и шифрокодированию, по общей подготовке, включающей историю Молдавии, экономику, государственное устройство. В общем, целый подпольный университет...

Из разговоров курсантов я понял, что после войны здесь базировался мотострелковый батальон, потом земля с постройками переходила то в областное управление, которое пыталось создать тут что-то наподобие совхоза, то в городское, передавшее в конце концов участок во владение спортсменов. И вот из спорткомплекса выросла школа террористов.

Время клонилось к вечеру, когда в спортгородок зашел незнакомый мне молодой курсант, сбросил футболку и стал на турнике крутить солнце. Я и Мирча залюбовались виртуозным исполнением уп-

ражнения и атлетической фигурой спортсмена. Не хуже отработал он и на брусьях, потом подошел к нам.

— Привет, — поздоровался он с Мирчей, даже не глянув на меня. — Что так взорпел? Эту скотиняку никак не оседлаешь?

— Наоборот, никак с седла не слезет, — вклинился я в разговор.

Незнакомец подошел к коню, похлопал его по кожаной холке.

— Как говорил наш комбат, подполковник Токарев, не так страшен черт, как его малюют. Главное — выдержка, внимание и собранность.

Он разбежался, легко оттолкнулся от коня и, сделав в воздухе сальто, пружинисто встал на обе ноги.

— Вот так, Мирча, — поднял он руку и пошел к казарме.

— Кто это? — спросил я.

— Дониц. Из группы Пентра.

"Дониц, Дониц, — завертелось у меня в голове. — Где я слышал эту фамилию? И вспомнил: в полку. Замполит майор Епишкин ее называл: рядовой Дониц сбежал из части, прихватив автомат. Уж не он ли?"

— Давно он здесь?

— Нет. Позже меня пришел.

Но в полку Вайкулевича комбата Токарева не было, это я знал точно. Неужто это та самая весточка, которую с таким нетерпением я ждал?

16

Воскресенье. Школа наша будто вымерла — тишина, спокойствие, ни на улице, ни в казарме, кроме дневального, ни души: многие курсанты в увольнении, а провинившиеся работают на овощной плантации.

Второй день у меня из головы не выходят слова Доница: "Как говорил наш комбат подполковник Токарев...". Если Дониц — наш и внедрен специально, то прокурор Токарев... Даже не Токарев, а кто-то из контрразведки, использовав фамилию Токарева, давал мне понять, чтобы я доверял Доницу. Но вот заковыка — Дониц попал к Барону намного раньше, чем я. Ну так что же, значит, он бывает за пределами школы.

Весь следующий день я не находил себе места — искал новой встречи с Доницем. Но нигде его не было. Единственное, что удалось узнать — он действительно в увольнении. Сегодня должен вернуться.

В понедельник вечером группе выдали оружие — пистолеты с двумя обоймами и ножи. Автоматы получили Петря Супруне,

он назначен старшим в нашей группе, и, к моему большому удивлению, Мирча Хадырке. Когда в оружейной комнате протирали оружие от смазки, к Мирче подошел Дониц.

— Привет, земляк. Жарковато нынче придется. В увольнении давно был?

— Давненько. А ты?

— Вчера в Кишиневе повеселился, и бывают же в жизни чудеса — комбата нашего Токарева встретил. Тебя, говорит, ищут и все равно найдут. Вот сволота, еще и грозит! Ну, думаю, подожди, доберемся мы еще до тебя темной ночью. А вообще, он прав, от этих оккупантов можно всего ожидать.

Он помолчал, а затем, бросив Мирче: "Заходи в бильярдную, поговорим", — удалился к своей группе.

— Односельчанин? — спросил я у Мирчи, кивнув вслед Доницу.

— Почти.

— Дружили?

— Когда? То школа, то армия. Да и пятнадцать верст до их села. Тут вот только и познакомились.

Отлично. Значит, информация Доница больше касается меня, чем Мирчи. А если так...

Приказ "По машинам!" поступил уже за полночь, когда неопределенность и ожидание наэлектризовали нервы курсантов и они, озлобленные, готовы были броситься на первого попавшегося.

Я сел рядом с Доницем, надеясь перекинуться несколькими фразами, кое-что уточнить для полной уверенности, но позади хрустнуло сиденье под Мирчей, а впереди устроился новоиспеченный командир группы Петра Супруне. Вероятнее всего операцией будет руководить преподаватель тактики, бывший советский майор, уволенный в запас по сокращению Вооруженных Сил — то ли украинец, то ли белорус. Ему за сорок, но, по рассказам курсантов, в марш-бросках, походах и стрельбе он любого молодого за пояс заткнет.

Разговор с Доницем заводить было нельзя, да и он сделал вид, что не очень-то рад такому соседству, отворачивался в другую сторону и перебрасывался репликами с товарищами. Мне ничего не оставалось, как следить за дорогой — я до сих пор толком не знал, где располагается наша школа.

К месту назначения прибыли во втором часу, и мне не стоило большого труда узнать, что это гарнизон Варкулешты. "Рафики" остановились на окраине аэродро-

ма у оружейного склада. Супруне вышел вперед к кабине шофера и заговорил хорошо поставленным командирским голосом, словно перед ним находился не десяток курсантов, а целый полк.

— Слушай приказ. Сегодня мы сдаем первый экзамен на боевое мастерство и выдержку. Нам нужно оружие, и мы его добудем. Поступаете в распоряжение сенсея Сейлаша. Он определит задачу каждому. Отъезд отсюда ровно в три часа. Ни минутой позже. Все, кроме сенсея капитана (так меня представили курсантам и так приказали величать), — на выход.

У двери курсантов уже ждал мужчина в военной форме. Звание из-за темноты разглядеть не удалось.

В "рафике" остались мы с Петрей и шофер, не выключавший двигатель и державший руку на рычаге переключения передач.

Посидели молча минут десять. Петря частенько поглядывал на часы и наконец произнес: "Пошли".

Ночь была темная и безмолвная, словно все замерло вокруг в ожидании чего-то страшного и неотвратимого.

Сейлаш повел группу влево от "рафика", Петря указал мне вправо и пошел вперед.

Мы пересекли дорогу, вышли по тропинке на каштановую аллею и вскоре оказались у деревянных одноэтажных финских домиков, где жили семьи младших офицеров, в основном из батальона аэродромного обслуживания. Ни души, ни огонька. И со стороны склада не слышно ни звука.

У одного коттеджа Петря остановился, прислушался. Сказал полупрошепотом:

— Здесь живет командир роты охраны капитан Савин. Постучишь, назовешься рядовым Селюниным. Скажешь, что телефонная связь нарушена — она действительно нарушена — и что его срочно вызывают в штаб полка. Когда он будет выходить, потребуешь ключи от кабинета и от сейфа с личным оружием офицеров. Далее по обстоятельствам.

— Но в доме жена, дети!

— Значит, капитан будет сговорчивее. И ты покажешь себя в деле.

Я еле сдержался, чтобы не броситься на него, но Супруне здесь не один, его обязательно кто-то подстраховывает, потому он так смел...

— Давай-давай, — поторопил Супруне, предупреждая поправляя автомат.

Ступеньки крыльца скрипнули под ногами. Постучал. Безответная тишина. Постучал еще. Никакой реакции. Я толкнул

дверь, и она отворилась. Мелькнула радостная мысль: Дониц сумел предупредить и семья Савина перебралась в безопасное место.

Вошел в прихожую, нащупал рукой выключатель, нажал клавишу. Вспыхнувший свет выхватил из темноты расprostертого на полу окровавленного мужчину. Чуть поодаль, на кровати, русоволосая женщина с перерезанным горлом. Справа в углу детская кроватка с наброшенным одеяльцем...

Одеяльце выпало у меня из рук, спазмы перехватили горло. Такого злодейства я не видел даже в Афганистане.

Палец машинально снял курок с предохранителя. Нет, пуля слишком легкое наказание. И патроны в моем пистолете... Даже если настоящие, вряд ли удастся уложить больше одного-двоих, а надо всю эту банду... Едва я убрал пистолет во внутренний карман куртки, как в комнату вошли Супруне и Хадырке. Супруне неожиданно достал из кармана небольшой фотоаппарат и дважды сфотографировал убитых, стараясь и меня захватить в кадр. Еще одно убийство на мой счет? Но мною вдруг овладело спокойствие и безразличие, и я сказал, не скрывая злой иронии:

— Правильно сделал — важный компромат против самих себя.

Петря недоуменно переглянулся с Мирчей и не нашел слов для возражения. Я смерил их презрительным взглядом и пошел к выходу.

На улице нас поджидали еще два боевика.

— Все в порядке? — спросил один из них.

— В полном. Профессионально сработал наш сенсей, — с усмешкой ответил Супруне.

К "рафику" с другой стороны подходили боевики, обвешанные автоматами, хвастающиеся трофеями.

На востоке занималась заря. На фоне посветлевшего неба обозначились темные силуэты домов, деревьев, движущиеся от аэродрома с притушенными фарами машины. А в гарнизоне тишина, словно всех вырезали, и ни огонька, ни тревожного воя сирены. Склад ограбили без единого выстрела — то ли бесшумно сняли часового, то ли заранее подкупили его...

17

Прошла неделя после нападения на гарнизон. Я ждал и жаждал самых решительных мер нашего правительства и военных против бандитов. Но кроме возбуждения

уголовных дел, митингов в гарнизонах, коллективных писем министру обороны и президенту, которые даже не публиковались центральной печатью, ничего конкретного не предпринималось. Правда, в гарнизонах была усилена охрана военных объектов, созданы отряды самообороны, офицерскому составу разрешили носить личное оружие.

Удивляло и возмущало меня пассивное поведение прокурора Токарева, и хотя мне не удалось еще переговорить с Доницем, я был убежден: им известно о школе террористов — где она расположена, чем занимается, каковы ее силы. Хватило бы роты омовцев, чтобы прихлопнуть этот гадюшник. Но что-то мешает...

Надо во что бы то ни стало установить контакт с Доницем.

Вечером после ужина я отправился в бильярдную. Любителей погонять шары оказалось немного: по телевизору показывали "Адьютанта его превосходительства". Дониц и Хадырке заканчивали партию.

Дониц, как и на снарядах, работал кием профессионально. Мирча тоже играл неплохо, но легкость и уверенность соперника выводили его из себя. Через пять минут партия закончилась.

— Давай еще. Простую, американку, — настоятельно потребовал Мирча.

— В простую мне и вовсе с тобой делать нечего, — усмехнулся Дониц. — Может, господин сенсей желает показать свое мастерство? — обратился он ко мне.

Это был повод, и я пожалел, что раньше с пренебрежением относился к бильярду и после авиаучилища не брал в руки кия.

— Разве что поучиться, — сказал я нерешительно.

— Как, Мирча, уступишь? Доставим удовольствие твоему сенсею? — обратился Дониц к товарищу.

— Я не против, — согласился тот.

— Выбери инструмент, — кивнул Дониц на пирамиду у стенки, где, как винтовки, остриями вверх стояли ровные, покрытые лаком, кии.

Он тем временем собрал шары в треугольник. Я разбил.

— Сила есть — ума не надо, — с издевкой констатировал Дониц. — Первая ошибка: все шары под ударом, тут можно закончить партию в один заход. Но, учитывая желание поучиться... — Он послал полосатый шар легонечко к самому борту, впритык к еще двум. Усмехнулся. — Чудненькое положение, неправда ли? Вот и попытайся его оторвать от борта и от этих

шаров и выкатить так, чтоб я не получил подставку.

Я постарался, но и на этот раз у меня ничего толком не получилось: полосатый шар, раскатив пару, остановился почти на середине стола.

— Плохо, очень плохо. Мой бывший комбат Токарев за такую ошибку не похвалил бы. Мирча, — повернулся Дониц к другу, — сбегай в казарму, прихвати из моей тумбочки бутылку "Белого аиста". Там, за книжками найдешь. Пора бы нам и горло промочить. К тому же твоего сенсея, похоже, надо поучить основательней. — Когда же Мирча ушел, он продолжил как ни в чем не бывало: — Итак, первая заповедь бильярдиста: создавать противнику максимум неудобств для удара и выжидать. Но как только ударный шар выкатывается на удобную позицию — бить. И бить не по мелочам. Главное нам зашучить туза. А это дело непростое. Надо сперва отыскать его. Он, как правило, прикрыт всякой мелюзгой. Вот задача. Понятно?

— Понятно! — радостно выдохнул я.

— А коль понятно, то остается набраться терпения, да приходите сюда почаще, — и он стал один за другим заколачивать шары в лузы.

Когда вернулся Мирча с завернутой в газету бутылкой, Дониц откупорил ее, сделал несколько глотков прямо из горлышка, вернул приятелю. Мирча тоже отхлебнул. Затем Дониц отобрал у него коньяк и, сунув бутылку в карман, небрежно бросил:

— Займись-ка лучше сам со своим сенсеем. Он тебя на площадке дрючит, а ты здесь отыграйся. — И вышел из зала.

18

Вечером, едва начало темнеть, в школе появилась Альбина, наряженная в воздушное платьице из крепа с лиловыми колокольчиками по оранжевому полю, от которого так и веяло родными и далекими подмосковными лугами, розовым росистым утром, свободой.

Меня не удивило, что ее беспрепятственно пропустили через проходную, — такие девицы способны преодолевать любые преграды, тем более что вернувшийся недавно начальник школы предупредил меня о ее визите, и я приготовился к встрече, продумал, как себя вести с ней.

— Ты сегодня еще прекраснее, — сказал я.

— Очень мило. И ты, кажется, возмужал

здесь и стал смелее и откровеннее. Собирайся, карета ждет тебя.

— Я в полном твоем распоряжении!

Она внимательно осмотрела мой штатский костюм, заставила повернуться кругом.

— Ничего, но я приготовила тебе кое-что получше. В машине переоденешься или заберешь в комнату?

— Конечно, в машине! — чуть не выкрикнул я.

На заднем сиденье ее новеньких светло-бежевых "Жигулей" в полиэтиленовой упаковке лежал шикарный костюм из тонкой немнущейся ткани, белоснежная сорочка, галстук под цвет костюма, модные туфли. В одну минуту я из заключенного превратился в элегантного преуспевающего бизнесмена.

— И куда мы поедем?

— А куда бы ты хотел? — вопросом на вопрос ответила Альбина.

— О-о! — вырвалось у меня, и я не стал кривить душой. — Что может быть прекраснее родного дома, да еще после такого заточения. — И пошутил не без умысла, желая кое-что прояснить: — Давай махнем в нашу белокаменную. На твоём коньке-горбунке за двое суток будем там.

— Заманчиво, — улыбнулась Альбина. — И кто нас там встретит?

— А кто тебе нужен? Познакомлю тебя с друзьями, если хочешь.

— Я-то хочу, да вряд ли тебе удастся. У тебя есть солидные заступники? — И не ожидая ответа, включила двигатель. — Доверься пока мне, поговорим с папой; может, он посоветует что-нибудь дельное.

Она погнала машину не в сторону Кишинева, а на юго-запад, мимо небольших селений с растянутыми на километры садами и виноградниками.

Я смотрел на Альбину и думал: все-таки кто она, эта кареглазая амазонка, — моя спасительница или виновница всех моих злоключений? По тому, как бросилась она на защиту нас в кафе, как вела себя с гаишниками, и по тому, что я еще жив, несомненно, спасительница: отказ нашего командования обменять меня на контрабандистов давал повод боевикам давно разделиться со мной. С другой стороны, все мои приключения происходили в присутствии Альбины. Что это — случайное стечение обстоятельств или ловко продуманные ходы, чтобы заманить меня в ловушку? Но не такая я важная фигура, чтоб интересовать боевиков. Больше было похоже на то, что они охотились за Альбиной, чтобы потрясти мощну ее богатого

папаши, чего и добились, а я попал за компанию. Теперь же с помощью шантажа и провокаций они и меня хотят использовать в своих интересах и уже использовали, зачислив в свои ряды и сделав убийцей. Они уверены, что крепко держат меня в своих руках; мне некуда деваться, кроме как служить им, иначе смерть, даже если вырвусь в Москву. И напоминание об этом Альбины не могло меня не удручать.

Она притормозила у высокого двухэтажного особняка с белыми колоннами, просторными лоджиями, с большими окнами, высокой, крутобокой крышей из красной черепицы и резным карнизом.

В просторном холле с паркетным полом и ковровыми дорожками нас встретил дежурный — внушительного роста и крепкого телосложения парень лет двадцати в сером, как и на мне, костюме, белоснежной сорочке и при галстук. Он галантно склонил голову перед Альбиной, кивнул мне и указал взглядом на широкую лестницу, ведущую на второй этаж:

— Иона Георгиевич в конференц-зале на совещании, просил подождать его в своих комнатах.

— Хорошо, — Альбина взяла меня под руку и повела на второй этаж. — Вот твои апартаменты, — остановилась она у двери под номером тридцать третьим. — Мои покои рядом.

— Можем перестукиваться, как поднадзорные, — пошутил я.

— Здесь никто за тобой следить не будет, — усмехнулась Альбина.

Я открыл дверь. Широкая кровать, заправленная белоснежным покрывалом, мягкий диван, кресла, журнальный столик с инкрустацией, тюлевые занавески и тяжелые голубые шторы на окнах... Особнячок недурен. Интересно, кому он принадлежит и почему мне оказана такая честь?

— Что, не ожидал увидеть в крошечной Молдове такие прелести? — Альбина была явно довольна произведенным на меня впечатлением. — Располагайся как дома. Переоденься в спортивный костюм. Отец придет, отправимся в сауну.

— Я ж ничего не захватил...

Не дав договорить, Альбина распахнула створки шифоньера: костюмы черный, коричневый, бежевый, сорочки, галстуки, обувь, на полках ночные пижамы, белье...

— Выбирай по вкусу.

— Ты насовсем переселяешь меня сюда?

Она отрицательно покачала головой:

— Увы, пока на два дня. Переодевайся, я зайду за тобой.

Она вышла, а я еще раз осмотрел номер. Заглянул в тумбочку, где все было предусмотрено — от бритв до туалетного мыла, в бар, ломившийся от вин и коньяков. Вспомнил свою московскую квартиру и грустно улыбнулся: нашему брату журналисту никогда не иметь такой роскоши. Но с каким удовольствием я променял бы все это на один только намек о возвращении в Москву! Тоска по дому, по свободе так сдавила грудь, что я не удержался, достал бутылку с белым аистом на этикетке и налил полную рюмку.

— О! У тебя приятно пахнет и чем-то очень знакомым! Ты научился в школе пить? — Альбина стояла в дверях, игриво помахивая пальчиком, на котором вертелся ключ от номера.

— Разве я не умел раньше?

— Ну, ты был такой скромняга, такой положительный.

— С кем поведешься... Тебе налить?

Она помотала головой:

— Я с того раза ни граммuleчки. Отцу дала слово и себе: пока тебя не вытащу, и не прикоснусь. Полдела, правда, уже сделано...

— Значит, и полграмма можно употребить!

Я не успел налить ей, как раздался стук в дверь и перед нами во всем великолепии предстала могучая фигура Ионы Георгиевича — в адидасовском спортивном костюме и мягких красных чукьяках, как у турецкого хана. Улыбающийся, довольный, он двинулся ко мне с распростертыми объятиями.

— Рад, очень рад тебя видеть. — Стиснул мои плечи, встряхнул и, отстранив, оглядел с ног до головы. — Одиссея твоя мне известна. О ней потом. А выглядишь молодцом. Люблю таких. Так держать! — Окинул номер взглядом. — Устроился? Отлично. Теперь пойдем, смоем грехи, а потом и поговорим по-мужски.

Мы спустились на первый этаж, по длинному коридору прошли в зал с выложенным разноцветным кафелем бассейном. Искусственный ветерок над изумрудно-голубовой водой источал нежный хвойно-йодистый аромат и был настолько ласков и приятен, что создавалось впечатление, будто мы очутились на берегу Черного моря. С обеих сторон бассейна стояли вышки с тремя площадками от двух до восьми метров — прыгай с любой, насколько хватит смелости и мастерства.

— Ну что, потрянем стариной? — спросил Иона Георгиевич и, сбросив костюм, полез на верхнюю площадку.

Петрунеску был настоящим спортсменом. Я, недавний летчик, не раз прыгавший с парашютом, и то робел от такой высоты, а у него ни один мускул не дрогнул. Вынырнул почти на середине бассейна и, отдуваясь, поплыл к противоположному борту, широко взмахивая руками.

Альбина, горделиво взглянув на меня — знай, мол, наших, тоже полезла на вышку. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Потом мы минут пятнадцать плавали в освежающей, прямо-таки живительно-бодрящей воде, весело подтрунивая друг над другом, забыв о прошлом и не думая о предстоящем. Эта сказочная идиллия будто смыла все мои прежние муки, обиды, подозрения.

— А теперь в сауну, — скомандовал Иона Георгиевич многозначительно и многообещающе. — Ты, Альбиночка, ступай в номер и готовься к банкету. Там тебе будет поинтереснее.

Сауна располагалась в другом крыле этого здания. В предбаннике за длинным столом сидело шестеро мужчин с распаренными до красноты телами. Перед ними стояли банки с пивом, бутылки с водкой и коньяком, закуска.

— А мы уже по рюмочке пропустили, — весело объявил один из них, с крючковатым носом, на котором поблескивало изыщное, прямо-таки бериевское пенсне, да и сам он очень смахивал на страшного наркомана НКВД.

Жестом хозяина лысый указал Ионе Георгиевичу место рядом с собой. Петрунеску кивнул мне на край стола, а сам протопал к повелителю — по всему было видно, что тот здесь царь и Бог.

— На здоровье, Михал Михалыч, — присаживаясь рядом, сказал Иона Георгиевич. Налил себе рюмку коньяка, встал. — Прошу извинить меня за преднамеренное опоздание: дал вам возможность поближе познакомиться друг с другом, обсудить местные проблемы. А теперь предлагаю выпить за наше общее дело. Чтобы оно доставляло нам не только заботы и тревоги, но и радости и удовольствия. — Он выпил неторопливо, маленькими глотками, словно дегустируя коньяк, и, облизнув губы, довольный поставил рюмку. — А теперь в сауну, массажистки уже ждут нас.

Мужчины возбужденно загалдели, Иона Георгиевич, не обращая на них внимания, сбросил свой адидасовский костюм и направился в парилку. Я пошел за ним.

— Забирайся на верхотуру, — подбодрил меня Петрунеску. — Пар костей не

ломит. А перед массажем их надо размять. Ты любишь массаж?

Я раздумывал, стоит ли признаваться, что только наблюдал со стороны, как его делают, но в этот самый момент дверь распахнулась и вместе с паром вплыла сказочная фея. Стройная, красивая и совершенно голая, только на голове какой-то немыслимый тюрбан. Она окинула меня насмешливым взглядом — излучающим электрические токи и одновременно повергающим в смятение.

— Не желаете, Иона Георгиевич, венчиком омолодиться? — пропела она сладким голоском.

— С удовольствием, Томочка. Березовым? Дубовым?

— Каким пожелаете.

— Тогда давай дубовым. А ты что растерялся, Игорек? Лезь на полку, а хочешь девушку позови. Кого ты ему посоветуешь? — обратился Петрунеску к уже легонько потряхивающей над ним венчиком Тамаре.

— Да ему, наверное, не девушку надо, а инструкторшу, — ответила она, и они засмеялись, а я, сославшись на непривычку к такой жаре, поспешил вон из парилки. Уже на выходе столкнулся с друзьями Ионы Георгиевича, сопровождаемыми стайкой массажисток. Веселенькая компания! Наверняка часа полтора я буду свободен от этого общества.

Я вернулся в бассейн, окунулся в прохладную воду и, поднявшись на второй этаж, постучал к Альбине.

— Заходи, — моментально отозвалась она, словно видела, кто за дверью. Когда же я вошел, спросила насмешливо, без удивления:

— Почему так быстро? Тебе не понравилась сауна или массажистка?

— Так ты знала? — опешил я.

В ответ она только кокетливо пожала плечиками.

— Я рада, что ты пришел ко мне. — Альбина встала, крепко обхватила меня за шею и поцеловала. Полы ее халата разошлись, и меня словно окатило горячей живою волной...

Когда мы спустились в ресторан, освещенный огромной хрустальной люстрой, за длинным столом, уставленным винами и яствами, восседали уже знакомые мне мужчины и девицы — принаряженные, расфуфыренные, словно позирующие перед кинокамерой. Во главе стола —

Иона Георгиевич, один (его пассию, появившуюся со стороны буфета вместе с официантом, разносящим шашлыки, я увидел позже), и по тому, как он держался, как собравшиеся внимали ему, все, включая и Михаила Михайловича, мнение мое о том, кто здесь истинный хозяин, изменилось: им, несомненно, был Петрунеску!

— Вот теперь все в сборе, — сказал он, указывая нам с Альбиной место в конце стола, и поднял рюмку: — Я еще раз приветствую вас на нашей богатой и прекрасной земле, где живут гордые и свободные люди, где триста дней в году светит солнце, где растут персики и абрикосы, где текут виноградные реки, наполняя наши жбаны янтарным соком, из которого мы делаем вот эти замечательные напитки, омолаживающие нашу кровь, придающие нам силу, жизнерадостность, энергию. Да, наша Молдова славится дарами природы. И люди у нас — богатыри. Но где среди них непобедимые боксеры, знаменитые гимнасты, чемпионы-штангисты, борцы, чьи имена украшали бы газетные и журнальные полосы? Их нет. А они должны быть! И это зависит от нас, дорогие коллеги. Пусть мы живем в сложное время и правительству сейчас не до спорта. Это даже неплохо! Не надо надеяться на кого-то, пора нам самим научиться работать с размахом. В своих выступлениях вы ставили вопрос: где брать средства, чтобы содержать спортшколы. Отвечаю: зарабатывать! Показательными выступлениями, соревнованиями. За все и везде надо брать деньги. У нас есть школа, которая вот уже год как перешла на самоокупаемость, и представьте себе — преуспевает... Простите, что так затянул тост, закругляюсь. Я предлагаю выпить за то, чтобы наши спортшколы становились кузницами непобедимых, не знающих страха людей!

С каждой выпитой рюмкой за столом становилось оживленнее, деловые тосты сменились любовными, и мужчины принялись бесцеремонно тискать и целовать

постепенно выходила из-под контроля предводителя, распадаясь на мелкие очажки веселья, на пары.

На нас с Альбиной никто не обращал внимания, кроме Ионы Георгиевича, бросавшего временами на дочь чисто родительско-заботливый взгляд, а на меня — одобряюще-покровительственный. Я говорил ей первые пришедшие на ум комплименты, беззлобно подшучивал над фривольностью окружающих. И тем не менее стремился не пропускать ни единого слова хозяина приема, пытаясь по ин-

тонации, по намеку понять, чем все-таки он и его гости занимаются на самом деле. Многого мне выведать не удалось, но я был доволен и тем, что довелось узнать: Михал Михалыч оказался москвичом, генералом КГБ, пятеро остальных — председателями спорткомитетов Украины, Белоруссии и стран Балтии.

"Кузнецы" будущих чемпионов не беспокоились за свою спортивную форму — пили и ели от души. Часа через два, насытившись, они потребовали музыки и танцев. И тогда Альбина потянула меня за руку:

— Мне чертовски все это надоело. Не лучше ли потихоньку смыться отсюда?

Я и сам подумывал об этом, тем более что никакой дополнительной информации получить не надеялся.

— Идем!

Мы поднялись на второй этаж.

— Каков распорядок на завтра? — решил я сразу же прозондировать почву.

— О-о! — торжественно протянула Альбина. — Завтра у нас замечательный день. Мы остаемся здесь с тобой вдвоем. Так что, милый, копи силы. А сегодня я смертельно устала, просто валюсь с ног.

Мы остановились у дверей ее номера. Она чмокнула меня на прощание, и я пошел к себе с непонятным чувством: радости ли? сожаления?..

Ночь была тихая, безлунная. Снизу веяло ароматом трав и прохладой. Мне вспомнилось родное Подмосковье, родительская дача, где, бывало, в детстве проводил все лето...

Мечтания мои оборвались, едва в номере Ионы Георгиевича вспыхнул свет и раздался мужские голоса. О чем там говорили — не разобрать, номер Петрунеску находился далековато, за номером Альбины. Балкон перегорожен узорной решеткой. Перелезть бы...

Перед фасадом вовсю горели фонари, освещая балконы и все подходы к зданию метров на сто. Внизу никого не было видно, да и ровный стрекот цикад подтверждал, что никто поблизости не ходит.

Я вернулся в номер и выключил свет. Стены и балконы выкрашены в белый цвет, поэтому натянул светлую футболку и такие же брюки.

Перелезть на балкон Альбины не составило труда. "Окно у нее нараспашку, в случае чего можно воспользоваться", — мелькнуло в сознании. Прижимаясь к стене, я приблизился к нему и замер, слыша, как прервался треск цикад. По аллее, ведущей от ворот к отелю, нето-

ропливой походкой шел здоровенный де-тина в униформе и с автоматом на шее. Неужели заметил?

Охранник остановился невдалеке, внимательно посмотрел по сторонам. Прикурив, косясь на балкон в номере Петрунеску, и нехотя пошел прочь.

Чем ближе подбирался я к балкону Ионы Георгиевича, тем отчетливее улавливал смешок и короткие, но понятные фразы: "прикуп", "пас", "вист"... Из четырех голосов я различал лишь два — Ионы Георгиевича и Михаила Михайловича.

— Карты — дело серьезное, это тебе не с девчонками забавляться, — наставлял кого-то комитетчик.

— Тут думать надо, — поддерживал его Петрунеску.

— Да уж, лучше бы я с девушками остался, — ответил им на ломаном русском, похоже, литовец. — Не везет, да и не играл давно.

— Ты нас почаще собирай, Иона Георгиевич, — включился в разговор еще один собеседник. — К тому же девочки твои лучше всякого женьшеня поднимают тонус.

"Пошло-поехало", — не без огорчения подумалось мне, но тема разговора постепенно сменилась.

— Завтра у нас напряженный день. Так что, кто желает на посошок — прошу! — объявил Петрунеску, и едва смолк хрустальный перезвон, вновь ожил его голос: — Людей мы тебе подберем. Пять, десять — не вопрос. Но и ты, Миша, не скупись, не жалея партийной казны на нужное дело.

— Так поумерьте аппетит. Такую сумму я отправил на всю компартию Эфиопии.

— А ты посчитай, во сколько нам обходится подготовка каждого человека, плюс экипировка, развозы... Кстати, одного профессионала могу сменить на достойного кандидата со знанием английского и арабского.

— Для американца стараешься? Ты с ним смотри поосторожней... Да, а кто это сидел рядом с твоей дочкой? Телохранитель?

— Ты плохо обо мне думаешь, Миша. Зачем мне телохранители, когда я окружен друзьями? Этот парень — твой земляк, москвич. Он журналист "Красной звезды", вхож ко многим твоим начальникам. Хочешь, уступлю и его?

— Чем еще знаменит?

— Отличный дзюдоист. На его счету три трупа, хотя настоящую проверку он еще не прошел.

— Нет, нет! Такой послужной список меня не устраивает. Его наверняка уже ищут, да к тому же без настоящей проверки... Нет. И вообще я с газетчиками стараюсь дела не иметь — слишком большого о себе мнения. Четвертая власть!.. И кто только внушил им такую чушь?! На проверку это сплошь чужеголосый, продажный народец. Мой тебе совет: избавься от него, да поскорее!

"Вот сволочь! — выругался я в сердцах. — Интересно, а сам с чьего голоса поет? Ну да черт с ним! Мне бы теперь вырваться из когтей Петрунеску (наконец-то я убедился, по чьей милости попал в западню). "На его счету три трупа... Настоящую проверку он еще не прошел..." Какие же еще испытания мне уготованы? А вдруг Иона Георгиевич послушается совета убрать меня? Надо что-то предпринимать, думать, искать, действовать".

Я осторожно двинулся назад. Рисковать не хотелось. Поравнявшись с балконной дверью в комнату Альбины, осторожно толкнул ее.

— Ты? Как ты сюда попал? — сонно спросила Альбина.

Я кивнул на балконную дверь:

— Думал, ты специально оставила открытой. Да и не мог уснуть, зная что ты рядом.

Она провела горячей ладонью по моей щеке, шее, груди и, резко поднявшись, одним рывком сбросила свою сорочку.

20

В школе меня ожидала, в общем-то, не удивившая новость: Петря Супруне не вернулся из увольнения. Якобы — несчастный случай.

— Скоро им всем конец, — заверил Дониц. — Так что, думаю, до новой твоей проверки дело не дойдет. А вот за ценную информацию спасибо. Хорошо бы тебе припомнить какую-нибудь вещьцу из обихода Петрунеску: запонки там, часы... Надо подсунуть ему микрофончик.

Дня через три Дониц привез мне парковскую авторучку, точно такую, какую я видел у Ионы Георгиевича, и импортную электробритву — полный комплект подслушивающего устройства. А еще через два дня за мной приехала Альбина на ослепительных рубиновых "Жигулях".

Пока она вылезала из машины, я обошел "Жигуленок", пытаюсь отыскать следы недавней аварии, но девятка сияла как новенькая.

— Хочешь прокатиться? — насмешливо

спросила Альбина, догадавшись, чем я заинтересовался.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Красный цвет с некоторых пор действует на меня, как на быка: так и хочется смять что-нибудь в лепешку.

— Вот как! А я рассчитывала... — И недоговорив, перевела разговор на другое: — Ты очень занят?

— А что?

— Тебя хочет видеть папа. С твоим начальством он уже договорился. Так что собирайся — и в путь.

— Далеко и надолго?..

— Пока к нам. Познакомишься с очень интересным и полезным человеком. А надолго ли?.. Возможно, насовсем. Все будет зависеть от тебя.

Герпинеску был еще на службе. Он подтвердил разрешение на отъезд. Я собрал в дипломат дорожные вещицы, и уже минут через пятнадцать мы мчались с Альбиной в сторону Кишинева. Несмотря на обнадеживающие слова, свобода почему-то меня не радовала, а сердце сжимала тревога: какое еще испытание уготовано мне?

На гостевой площадке напротив подъезда, где жила Альбина, стоял черный "кадиллак", сверкая эмалью и выделяясь среди других машин своим размером и совершенными формами. Альбина припарковала "Жигуленка" вплотную к нему, и я рассмотрел на заднем сиденье человека в легкой спортивной куртке. Телхранитель — нетрудно было догадаться: ныне ни один мало-мальски уважающий себя бизнесмен не обходится без охраны. Невдалеке, под каштаном, обнималась парочка, старательно делая вид, что кроме любви их никто и ничто не интересует.

Вахтер в вестибюле, мужчина лет сорока с выправкой гренадера, обшарил меня цепким взглядом с ног до головы и проводил до самого лифта.

— Чем-то не понравился я вашему костолому, — заметил я, когда дверь лифта закрылась.

— Он недавно у нас, впервые тебя видит, — ответила Альбина.

— А мне показалось, что это из-за тебя он готов был раздавить меня.

— Это комплимент или осуждение?

— Не в моем положении судить тебя...

Иона Георгиевич "полезный" мужчина лет пятидесяти в светлом элегантном костюме, белоснежной сорочке при галстукке с мягким, располагающим к доверительности взглядом сидели в холле и пили

кофе. При нашем появлении оба поднялись навстречу, незнакомец поцеловал Альбине руку; Иона Георгиевич, поздоровавшись со мной, представил нас друг другу:

— Джон Лепски, американский бизнесмен, друг нашей семьи и всей Молдовы. Военный журналист, капитан Игорь Семиречин, корреспондент газеты Министерства обороны "Красная звезда".

Вот так: мол, перед вами тот самый Игорь Семиречин, на счету которого три убийства и о котором трубили чуть ли не все молдавские газеты, смотрите и запоминайте...

Но американец то ли не читал тех газет, то ли сделал вид, что ничего не знает обо мне, дружелюбно протянул руку.

— Рад познакомиться, — сказал он довольно чисто по-русски. — Вы в командировке?

— Да, — не совсем уверенно получилось у меня, и я быстро поправился: — Журналиста, как и волка, ноги кормят.

— О да, — заулыбался американец. — Я знаком с журналистской работой, в юные годы сотрудничал с "Нью-Джерси". Сейчас ее главный редактор — мой друг, и мы частенько проводим вместе уик-энд. "Красную звезду" мне, к сожалению, не довелось читать, но я с удовольствием познакомился бы с вашим творчеством.

Похоже, он и в самом деле ничего не знает о моих злоключениях, и будь он не другом семьи Петрунеску и всей Молдовы, я, возможно, и рассказал ему кое-что о себе. Хотя... еще с детских лет, когда я прочитал роман Грэма Грина "Тихий американец", у меня недоверие к янки.

— Творчество — громко сказано, — усмехнулся я. — Но как только выйдет мой роман, я обязательно подарю его вам.

— Вы и романы пишете? — приятно удивился Лепски.

— Детективные. Раньше Америка да Италия славились преступниками, а теперь и у нас их пруд пруди.

Иона Георгиевич глянул на меня холодно и предостерегающе — с огнем, мол, шутишь — и пригласил в столовую:

— На сытый желудок и разговор приятнее.

На столе стояли дорогие коньяки и вина, разнообразная закуска, посередине стола высилась ваза с фруктами. Иона Георгиевич любил и умел вкусно поесть и выпить.

Обслуживала нас немолодая миловидная молдаванка, гибкая, подвижная.

Альбина кивком указала мне место рядом с собою, напротив отца и "друга

семьи", жены хозяина не было, и на мое любопытство Альбина ответила неохотно:

— Ей нездоровится. То ли мигрень, то ли еще что-то.

Иона Георгиевич тоже, чувствовалось, не в настроении, и застолье поначалу шло скучно и чопорно, как на официальном приеме, но постепенно Джон Лепски завладел инициативой и стал расспрашивать меня о Москве, о родственниках, потом переключился на работу в редакции и незаметно перевел разговор на отношение народа к перестройке, к правительству. Я старался отвечать как можно короче и неопределеннее, особенно когда коснулись настроений в армии, и не потому что боялся выдать какие-то секреты — все это давно на слуху, просто не хотелось говорить о том, о чем и без того неотвязно болела душа.

Иона Георгиевич внимательно слушал наш диалог, не вмешиваясь: возможно, он тоже хотел более определенно знать мое "политическое кредо", чтобы четче понять, какую роль определить мне в дальнейшей игре. Я решил помочь ему: стал говорить без особого уважения о Горбачеве, с сожалением — о происходящих в армии процессах.

Моя точка зрения импонировала американцу, и он в заключение вечера презентовал мне шикарную авторучку с позолоченным колпачком, пожелав написать быстрее интересный роман:

— Буду признателен, если окажусь в числе первых ваших читателей, и обещаю содействовать в издании книги в Соединенных Штатах. — Лепски достал из кармана визитную карточку и протянул мне: — Можете обращаться ко мне по любому вопросу, с радостью приму участие в решении ваших проблем. А еще приглашаю вас с Альбиной в Техас, ко мне в гости. В любое время. Только сообщите заранее, когда соберетесь, чтобы я побеспокоился о билетах и всем остальном. Уверяю — останетесь довольны.

Альбина захлопала в ладоши, поцеловала Джона в щеку и, сказав, что с радостью принимает приглашение, повернулась ко мне:

— Ты согласен?

— Если будешь слушаться и не захочешь остаться в Штатах насовсем, — пошутил я.

По традиции мы выпили еще на пососок, и Джон Лепски поднялся. Иона Георгиевич и Альбина пошли его провожать, попросив меня подождать за столом. Ви-

димо, не все вопросы обговорили, и не обо всем мне положено знать.

Едва дверь за ними закрылась, я подошел к стулу, на котором сидел хозяин, и где остался висеть его пиджак с торчащей из кармана авторучкой. Времени вполне хватило, чтобы удостовериться: она точно-точно такая же, как та, что дал Дониц, и я поменял их.

Скрипнула дверь, и в холле появилась мачеха Альбины, возбужденная, с нервно-поблескивающими глазами. Приблизившись ко мне, она горячо зашептала:

— Не верь им! Это убийцы. Они готовят тебе западню. Джон Лепски сказал, что Советский Союз доживает последние дни, скоро все переменится. — И она так же стремительно исчезла в своей комнате, как и появилась.

Иона Георгиевич и Альбина вернулись минут через десять. Их лица буквально светились. Иона Георгиевич наполнил рюмки коньяком.

— За хороших и нужных людей, — сказал Петрунеску с улыбкой, поглядывая на меня. Выпил, пососал лимонную дольку. — И каково мнение о новом знакомом инженера человеческих душ?

— Чтобы человека узнать, надо с ним пуд соли съесть, говорят у нас, русских. А я с вашим гостем только рюмку коньяка и выпил, — ответил я.

— И все-таки. Каково первое впечатление?

— У американцев есть пословица: "Если ты умный, почему не богатый?" Джон Лепски, по-моему, не из бедных, — ушел я от прямого ответа.

— Философ! — усмехнулся Иона Георгиевич. — Ты прав, Джон Лепски очень неглупый человек и у себя дома далеко не на последних ролях. Кстати, давно хотел спросить, ты коммунист?

Нашу беседу прервал телефонный звонок. Иона Георгиевич взял трубку. По мере разговора его лицо все более багровело, а голос наполнялся злой категоричностью.

За два с лишним месяца в Молдавии я не научился их языку, но слова кое-какие запомнил и смысл телефонного разговора понял. Речь шла о партии оружия, переправленного через румынскую границу и захваченного гагаузами. Петрунеску был во гневе и приказывал выяснять, в каком селе осело оружие и спалить село, чтоб другим неповадно было...

Положив трубку, Иона Георгиевич бросил на меня короткий пронизывающий

взгляд — не понял ли я, о чем шла речь. И я успокоил его, шепнув Альбине:

— Не пора ли нам смыться?

— Так на чем мы остановились? — перестраиваясь на прежний весело-доверительный лад, спросил меня Петрунеску.

— Коммунист ли я. Да, я коммунист, — ответил я.

— Разумеется, — улыбнулся Иона Георгиевич. — В прессу беспартийных не берут. К слову, я тоже был коммунистом. С полгода как вышел. И знаешь почему? Потому что наш партийный босс, Михась Кочур, ведающий партийной казной, умыкнул все наши взносы и перевел на свой счет в швейцарский банк. А это ни много ни мало — тридцать миллионов.

— Почему не пятьдесят? — усомнился я в достоверности сказанного.

— Не веришь? — укоризненно покачал головой Иона Георгиевич.

— Не верю. Насколько мне известно, швейцарские банки хранят тайны своих вкладчиков за семью печатями.

— А известно ли тебе, что для разведчиков не существует никаких печатей и запоров. И я дам тебе возможность убедиться в правоте моих слов. Завтра же ты снова становишься корреспондентом "Красной звезды", только не Семиречиным, а Свиридовым Иваном Михайловичем. Есть у вас такой специальный корреспондент?

— Есть, но...

— Никаких "но"! Удостоверение тебе уже выписано. Вместе с нашим корреспондентом отправитесь к Михасю Кочуру и возьмете у него интервью для газеты "Цара" о политической обстановке в Молдове и положении компартии, ее перспективах, а потом зададите вопрос, сколько денег и для чего переведено в швейцарский банк вот по этому счету. — Иона Георгиевич протянул мне бумажку с отпечатанным на ней номером. — В общем, сам продумай вопросы, не мне тебя учить этому. В одиннадцать ноль-ноль Кочур примет вас.

— А если он узнает, что я не тот, за кого себя выдаю?

— Тоже мне, знаменитая личность! — Петрунеску глянул на часы. — Переночуешь у нас. Альбина, постели ему на диване в холле и дай отдохнуть, сосредоточиться. — С этими словами Иона Георгиевич ушел в спальню жены.

Альбина постелила мне на диване и, поцеловав на прощание, сказала многообещающе:

— До завтра, милый. Все будет хорошо, не переживай.

Успокоила! Вот оно, "настоящее испытание". Трудно поверить, что Иону Георгиевича просто так заинтересовали интриги с партийной кассой. Но какова роль, которую он отвел мне! Допустим, Кочур действительно примет меня за корреспондента "Красной звезды", ответит, что деньги переводились по такому-то счету в швейцарский банк в помощь компартии такой-то страны, как это делалось во все времена. Чем я смогу доказать, что он присвоил их? Ничем. И он будет вправе или выставить меня за дверь, или в моем присутствии позвонить в "Красную звезду" и, удивившись, что истинный Свиридов на месте, отправить меня из своего кабинета напрямик за решетку. Возможен и другой, более простой вариант: Кочур даст исчерпывающие ответы на все наши вопросы. Интервью опубликуют в газете. Что последует за этим? Кочуру от всей этой писанины — ни жарко ни холодно. А мне? В какой-то мере я стану еще более зависимым от Петрунеску. Но не настолько, чтобы я не рискнул вернуться в Москву, боясь расплаты за совершенное. Значит, за всем этим кроется что-то более коварное. Как бы мне после всего этого окончательно не распрощаться со свободой.

Я включил настольную лампу и, взяв с журнального столика чистые листки бумаги и ручку, лежа стал набрасывать вопросы партийному казначею. Единственно, о чем пожалел — что не увижусь с Доничем. Надо было бы предупредить Кочура и полностью перехватить инициативу.

Утром Иона Георгиевич просмотрел мои вопросы и остался доволен.

— Вот еще, самое главное, что я не сказал вчера тебе. Когда закончите интервью, предложишь Кочуру такой вариант: если он переводит семьсот тысяч вот на этот счет, — Иона Георгиевич протянул мне бумажку с номером, — публикации не будет.

Нет, не ошибся я: интервью — лишь начальный ход в хорошо продуманной, хитрой комбинации, и Иона Георгиевич не просто президент спортивной ассоциации, он президент ассоциации хитрецов, которым позавидовали бы многие искусные интриганы и шантажисты.

— А если он не согласится?

— Исключено, — заверил Петрунеску.

(Окончание следует).

САПОГИ ВСМЯТКУ

САТИРА · ЮМОР

Евгений ГУСЕВ

ВЕНИК ДЛЯ ЛЮБИМОЙ ТЕЩИ

Рассказ

Каждый год по весне мужчины ходят сами не свои. Многих даже не узнать: такие у них лица озабоченные. Думают они, что купить невестам, женам, тещам и просто знакомым женщинам в подарок. Особенно нелегко тем, кто не первый год женат. Ассортимент в галантерейном или хозяйственном магазинах давным-давно изучен, и прежде чем сообразишь, на чем остановиться на этот раз, голова треснет. Но с женой еще куда ни шло, можно в пожарном порядке откупиться духами или туалетной водой — она будет довольна. А вот с тещей этот номер не пройдет. Ей угодить куда труднее. Надо понаблюдать, к чему у нее душа лежит. По крайней мере, я так всегда поступаю. Вот и на этот раз замечаю: как только кто из соседей выходит выметать на снегу ковер, так ее к окну и тянет. Смотрит, как там веником прохаживаются, и глазами у нее огнем горят: "Вот бы и ты так, Вася, а? Я бы просто счастлива была!"

Все ясно: ей нужен веник! Пушистый, густой, который аппетитно похрустывает, когда им метешь. К такому руки сами тянутся.

Но сообразить, что подарить — это поддела. Где купить? По рынкам я пробежался, по магазинам — нет нигде веников в продаже, хоть плачь.

Накануне 8-го повел я сына Вовку в цирк. Перед праздником, сами понимаете, женщинам убраться в квартире, постирать, приготовить на стол надо. Чтобы у них под ногами не крутиться, мы и решили с сыном уйти на весь день.

Места нам достались мировые, первый ряд. Все фокусы насквозь видно, хочешь зверя по-

глядить — валяй, акробаты прямо над головой прыгают. Вовка балдеет, все меня за рукав держит и кричит: "Папа! Папа! Папа!"

Клоуны вышли. Один тощий и длинный, другой — маленький, пузатенький. Оба бабами вырядились, ходят по манежу и мужчинам из первых рядов подмигивают. Толстый через бортик перелез — и ко мне. Забрался, стервец, на колени и обниматься вздумал. Публика ржет: ей-то что? А я аж похолодел: ну как Вовка дома расскажет, что в цирке тетенька у меня на коленях сидела, жена ведь восьмого стопки по-хорошему выпить не даст! Ну и несильно, вежливо так толкаю я этого, размалеванного: мол, шел бы ты... А он ни в какую, целоваться лезет.

Гогот стоит, Вовка визжит: "Папочка!" Не утерпел я и легонечко клоуну под дых двинул. Он в проход свалился, глаза по пятаку. Длинный сразу прибежал, заплакал. А слезы у него ненормальные, как из насоса хлещут, и прямо на мой новый костюм. Напасть, да и только.

Но, должно быть, толстяку я хорошо заехал. Он кое-как убрался восвояси, и длинный стал один на арену выходить.

Вышел в очередной раз, вынес футляр от скрипки, смычок из штанины достал. Раскрыл футляр, а там у него... веник. Как раз такой, какой я ищу!

Начал долговязый скрипачом прикидываться. Кончил играть, веник на бортик бросил прямо передо мной, словно дразня. Отвернулся, начал из футляра голубей выпускать.

Ну, думаю, пора за их шуточки отыграться. Схватил я веник и — под кресло. А этот, как

только всю живность из футляра выпустил, про веник вспомнил. "Ку-ку, дядя, ищи-свищи!"

Но он почему-то сразу двинулся ко мне. Идет, а глаза квадратные.

— Папа, отдай! — тычет меня Вовка кулачком в бок. — Веник ихний.

Клоун же прямо за лацканы схватил и трясет:

— Хватит, посмеялись... Гони веник, елки-молташки!..

"Ага, разбежался, — думаю про себя. — Я по вашей милости весь мокрый сажу... Хрен вам, а не веник!"

Тут толстячок выкатился из-за кулис на подмосту долговязому.

— Ауся! — кричит. — Зачем ты к моему кавалеру пристаешь? Он тебя нокаутирует, кто народ развлекать будет?

А этот прямо-таки взмолился:

— Отдай! Без веника номер сорвется.

И толстяк на колени у бортика встал, ближе боится подходить. Блажит на весь цирк:

— Верни, красавчик, инструмент! У нас дети малые!

Вижу, и мой Вовка нюни распустил. Клоунов ему жалко, а отца родного — ни капли.

— Откуда веник? — спрашиваю у долговязого. — Где достал? Только не ври, а то не отдам!

— После представления приходи за кулисы, дадим тебе адресок одной бабки. — И Вовке на радостях воздушный шарик сунул.

Да, большое надо все-таки терпение иметь, чтоб подарком доставить радость любимой теще!

Петр ДМИТРИЕВ

ПЕВИЧКА

*Среди густого позняка,
Где плещется река,
Я как-то встретил паренька
С удилицем в руках.*

*Был острый взгляд насторожен
На легком поплавке,
Когда услышал песню он
В лугах, недалеко.*

*И взгляд от речки оторвав,
Смотрел он сквозь туман,
Как возникал из росных трав
Певички юной стан.*

*Ах, до чего же хороша!
С косыночкой в руке
Сквозила фея не спеша
И песнь несла к реке.*

*Как непосредственно поет!
Увидев рыбака,
— Ну как, — спросила, — не клюет? —
Смущенная слегка.*

*И не успел он дать ответ,
Как вновь в туман ушла...
И с той поры
Все клева нет.
Такие вот дела.*

АНТОЛОГИЯ рмейского некдота

Из коллекции Бор. ЛЕОНОВА

Лектор вышел на трибуну и монотонно начал читать по написанному. В зале постепенно успокаивались, сосредоточенно закрывали глаза. Наконец установилась тишь, в которой лишь монотонно звучал голос лектора. И вдруг ее нарушил голос из задних рядов:

— Громче!

Лектор прервался, снял очки и, глядя в конец зала, спросил:

— А оно вам надо?!

Спорили гражданские и военные: кто умнее. Когда все аргументы были исчерпаны, военные спросили у гражданских:

— Ну, если вы такие умные, то что ж вы строем не ходите?

— Вы знаете, что такое шампанское по-домашнему?

— Нет.

— Это когда муж пьет водку, а жена шипит...

В подворотне дома, где винный магазин, стоял алкаш, ждал, что ему перепадет, если кто-то будет распивать бутылку. Неожиданно к нему подошел высокий человек в кожаном пальто и предложил:

— Выпить хочешь?

— Не откажусь...

Человек вынул из кармана раздвижной стаканчик, из другого — бутылку, налил и протянул стакан алкашу.

Тот выпил за здоровье доброго человека.

— Еще хочешь?

— С благодарностью...

После третьего стакана на тот же вопрос алкаш ответил вопросом:

— Ты чего меня спаиваешь? Может, ты шпион?

— Не скрою, — сказал человек в кожаном пальто, — я действительно шпион. Но меня не интересует ваше оружие, ваши секретные объекты. Меня интересует общественное мнение. Стоит ли сегодня с вами начинать войну?

— Стоит, браток, очень даже стоит! Понимаешь, никто работать не хочет. Пленные во так нужны!..

Сам себе тренер**ЧЕРЕЗ ИГРУ — К ПОБЕДЕ****ПРОЧНЫЙ ЩИТ,
РАЗЯЩИЙ МЕЧ**

Для подготовки кулачных бойцов к рукопашным схваткам на Руси использовались различные игровые поединки, которые помогали развивать необходимые для победы физические и волевые качества, воспитывали у юношей дух состязательности, молодецкий задор, стойкость, способствовали совершенствованию техники ударов, захватов, защитных действий. Эти сведения из сокровищницы национальных боевых искусств я по крупицам собирал в течение многих лет, обращаясь к различным источникам — старым книгам, материалам, собранным энтузиастами возрождения русской культуры, воспоминаниям своих земляков, не забывших бойцовских традиций дедов-прадедов. Апробировав их на занятиях по физподготовке, убедился, что коллекционировал народные игры не напрасно.

БОЙ ПЕТУХОВ. Каждый из поединщиков встает на одну ногу, другую берет рукой за голень и в таком положении, вытянув свободную руку, вступает в борьбу. Побеждает тот, кто свалит соперника (фото 1).

Есть и другой вариант игры: вытянутую руку завести за спину, работать плечами и грудью.

БОЙ ЛЯГУШЕК. Играющие садятся на корточки, руки впереди. Прыгая или быстро передвигаясь на согнутых ногах, стараются свалить друг друга (фото 2).

ПОЕДИНОК ЗМЕЙ. Исходное положение — упор лежа. Задача — оставаясь в горизонтальной плоскости, рывками за руку уложить соперника на землю (фото 3).

БОРЬБА СТОЯ. Поединщики встают лицом к лицу на расстоянии вытянутой руки. Ноги чуть шире плеч, стопы параллельно. Не сходя с места, надо вывести противника из равновесия, заставить его сделать шаг. Применяются толчки, захваты, рывки.

Второй вариант: боком друг к другу, стопы на одной линии.

ПЯТНАШКИ НОГАМИ. Свободно передвигаясь, нанести сопернику удары по ноге или наступить на нее (фото 4). Для подготовленных бойцов допускаются высокие удары.

ПЯТНАШКИ РУКАМИ. Принцип тот же, но в ходе игрового поединка наносятся удары ладонями (разумеется, не в полную силу) по лицу, голове, туловищу (фото 5).

Фото 1

Фото 2

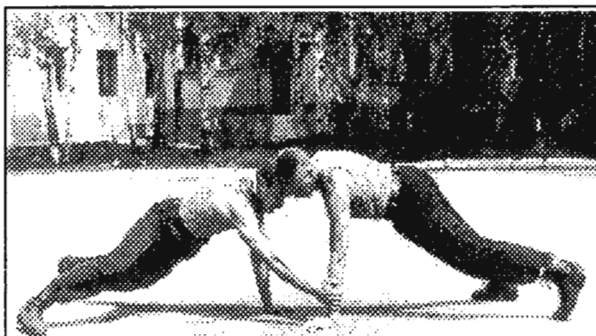

Фото 3

Фото 4

Фото 5

Фото 6

ПЯТНАШКИ "РУКА—НОГА". Игра условняется: один соперник наносит удары руками, другой — ногами (фото 6). В этом и двух предыдущих вариантах схватки важно не только атаковать, но и защищаться подставками рук и ног, уворачиваться, использовать различные финты, уловки.

"ЩЕЧКИ". Играющие располагаются боком друг к другу, впереди стоящие ноги — впритык, стопа к стопе, и, атакуя и уворачиваясь, имитируют пощечины (фото 7).

"КОНОВЯЗЬ" ("ПРИВЯЗАННЫЙ КОНЬ"). Играют втроем. Один встает в середину, остальные по периметру круга. Их задача — нанести удары по голове соперника, а тот в свою очередь салит нападающих ногами, защищаясь от них руками (фото 8). Задетый ногой "коня" занимает его место в кругу.

ЩИТ И МЕЧ. Поединщики в боковой стойке. Выставленные вперед согнутые в локтях левые руки имитируют щиты. Десницы с воображаемыми мечами — перед грудью или отведены назад. Начинается бой. Шуйца (левая рука) обеспечивает защиту — отводит удары, гасит их силу подставками. Правая рука, раскручиваясь в локтевом и плечевом суставе, бьет "мечом" (фото 9).

По мере совершенствования техники можно наносить тычковые ("колющие") удары.

ПОЕДИНОК "НА УДАР". Этот старинный вид кулачного боя описан Лермонтовым в "Песне про купца Калашникова". А вот что рассказывают о нем старики: "Нынче кулачный-то бой боксой зовут. Только этой боксе до русской "кулачки" далеко. Степенности нет. Сурьезности. Суетсяя, руками машут... А кулачные бойцы на Руси били по жребию. Влепят друг дружке раз, другой, и будет — идут чай пить. Правда, случалось, и убивали. С одного удара".

Рассмотрим подробнее правила поединка. Встав лицом к лицу, соперники по очереди начинают наносить одиночные удары (прямые, боковые, сверху, снизу). Можно уворачиваться, выполнять нырки, защищаться рукой (фото 10).

ПОЕДИНОК "НА КУЛАК". Соперники по очереди с размаху наносят три удара кулаком в кулак, проверяя — чей сильнее и крепче (фото 11).

Можно совместить этот жесткий вид состязания с игрой в ладушки, только в отличие от детской забавы отбивать удары атакующего не ладонками, а кулаками (в предплечье или тыльную сторону ладони). Такой вид боя был распространен в Тульской губернии. Освоив его технику, вы сумеете в реальной схватке обезвредить напавшего преступника, перебив ему руки.

ПОЕДИНОК МОРСКИХ ПИРАТОВ.

В приключенческой маринистике часто встречаются описания дуэлей морских разбойников. Каждый из дуэлянтов брался одной рукой за конец короткой палки или ремня, в другой сжимал нож (фото 12). Смертельная схватка, все время проходившая на короткой дистанции, требовала острой реакции, кошачьей ловкости, неуловимой для глаза быстроты движений.

Мне не доводилось слышать о таких кровавых дуэлях в русском рукопашном бою. Тем не менее считаю целесообразным ввести этот игровой прием (естественно, без ножа) в систему подготовки военнослужащих внутренних войск. Как говорится, хоть метод и не нашенский, а лишним не будет.

СЦЕПЛЯЛКА-СВАЛКА. Состязание командное. Играющие борются друг с другом по принципу каждый за себя. Цель — положить соперника на лопатки. Таким образом солдаты учатся вести бой в толпе, в ограниченном пространстве. Опытным поединщикам в сцеплялке-свалке дозволяется "кулачка".

ЦАРЬ ГОРЫ. Напоминает сцеплялку-свалку, но бой происходит на возвышенности. Побеждает участник схватки, проравшийся к вершине горы.

Игра берет свое начало в глубокой древности. На могильных курганах славянские витязи устраивали поединки-тризны, поминая павших князей и дружинников. Считалось, что такая борьба помогает встретиться после смерти с погибшими товарищами.

КОННЫЙ БОЙ. В игре участвуют две команды. После распределения ролей

Фото 7

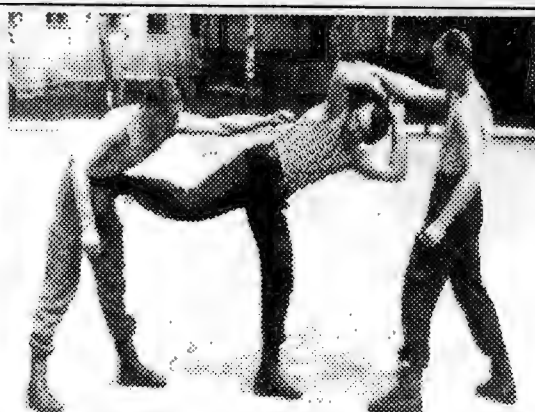

Фото 8

Фото 9

Фото 10

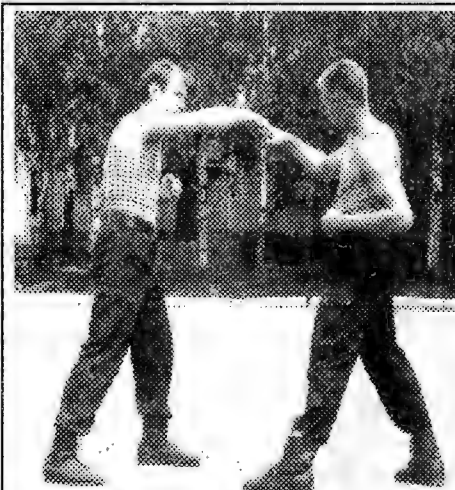

Фото 11

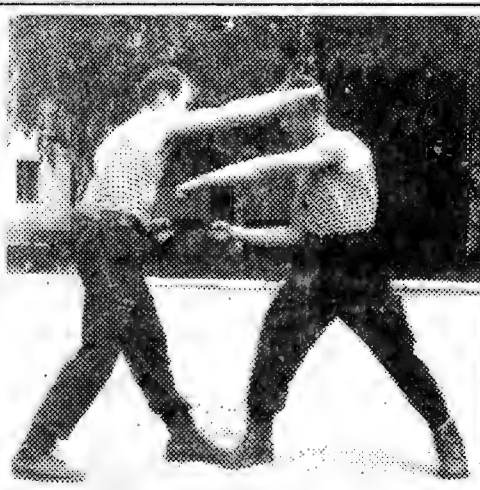

Фото 12

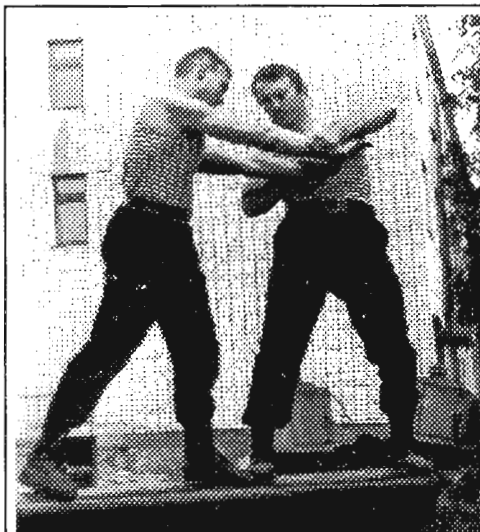

Фото 13

"всадники" вскакивают на "коней" и, вступив в борьбу, стараются выбить соперников из "седел".

БОРЬБА НА БРЕВНЕ. Популярная когда-то потеха. Устраивалась обычно на ярмарках. Под бревном, закрепленном на столбах, выкапывали яму и заливали ее водой. Выигрывал в шуточной схватке тот, кто, применяя различные удары, толчки, увертки, заставлял соперника искупаться. При отсутствии бревна можно бороться на гимнастическом коне (фото 13).

БОРЬБА НА ПОЯСАХ. Описывать правила нет необходимости, они всем хорошо знакомы. Правильный хват показан на снимке (фото 14).

БОРЬБА "В КРЕСТ". Шуйца — под шуйцу соперника, сверху шуйцы — десница (и наоборот). Из этого положения ведется схватка.

ВОЛЬНАЯ БОРЬБА. Используются разнообразные приемы и захваты.

БОРЬБА НА РУЧКЕ. Соперники сцепляются кистевым хватом правыми, затем левыми руками. Побеждает боец, уложивший соперника на землю.

Фото 14

БОРЬБА "ЗА ВОРОТОК". Условия, как в предыдущем варианте, только хват — за шею (ворот).

ИГРА "БОЙ". Так в старину называли "кулачку". Чтобы дружеская схватка не перешла в кровавый мордобой, надобно соблюсти три основных правила: не драться "по-увечному", наносить удары открытой ладонью, ногами — только подсечки; тычки "не сувать" ("драться — дерись, да за тычком не гонись"); не бить "мазку" (на ком кровь) и лежачего.

И еще правила-принципы. Для всех игр и ристалищ. Первое: никогда не отступай. Шаг назад — позор: засмеют. Второе: в поединке не наглей и не нахальничай — рожу начистят. Третье: зашибли ненароком — скрой свою боль, не ругай словом злым поединщика; проявил слабость — надают по шее, дабы ловчее был. Четвертое: дерись честно, уважай себя и соперника. Ну а ежели не товарищ-соперник перед тобой — преступник-супостат, "в бою все средства хороши", как говаривал граф Суворов.

Наконец, последний совет: будь смелым, храбрым, надо — рискуй. И в игре, и в бою. Ты — подданный России. Ей, Родине, — жизнь, честь — никому. Прочный щит, разящий меч! И никак иначе.

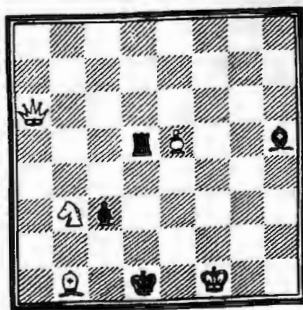
Прапорщик П.СОКИРКО.

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

№ 11

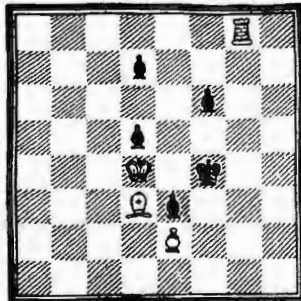
Мат в 2 хода

№ 12

Мат в 3 хода

№ 13

Мат в 4 хода

Публикуемые произведения составлены специально для читателей нашего журнала. Их содержание несложное, но эмоциональное, надемся, они понравятся решившим.

Любителям гетеродоксальных жанров приводим для решения миниатюры.

№ 14, Крf4, Са1, Ке4 (3) — Крb1, Лb3, пп. а2, b4 (4), кооперативный мат в 3 хода.

БУДЕТ ЛИ ПРЕОДОЛЕН РАСКОЛ?

Шахматный мир расколот, Международной шахматной федерации (ФИДЕ) противостоит, как известно, Профессиональная шахматная ассоциация (ПША). Между ними идет борьба за право проведения чемпионатов мира, то есть за главенствующую роль в шахматном мире. Поэтому в каждом лагере свой чемпион мира.

В декабре 1994 года президент ФИДЕ Ф. Кампоманес, будучи в Москве, неожиданно уступил это право профессионалам. Уступчивость была вознаграждена, ПША выделила для ФИДЕ 50 тысяч долларов и пообещала выделить еще 200 тысяч в 1996 году.

Кампоманес стал всячески срывать проведение матча А. Карпов — Г. Камский.

Но вот шахматный мир начал, кажется, освобождаться от шока, появилась надежда устранить раскол и вновь стать единой шахматной семьей с одним чемпионом мира. Надежда связана с решениями конгресса ФИДЕ, состоявшегося в Париже в конце ноября прошлого года. На нем президент Кампоманес вынужден был подать в отставку, а новым президентом избран Кирсан Николаевич Илюмжинов (президент Калмыкии). Результаты голосования были сенсационными: за Илюмжинова — 95 делегаций, против — 3, воздержались — 4. Российская делегация воздержалась от голосования, так как такая смена президентов была для ПША нежелательной.

По решению конгресса матч А. Карпов — Г. Камский состоится в июне этого года в Монреале (Канада). Но самым важным решением конгресса было принятие нового порядка проведения очередного чемпионата мира. Порядок этот таков: 68 сильнейших представителей стран и зон играют матчи из 2 партий с выбыванием; на втором этапе 34 победителя и 28 соискателей (3 юных чемпиона мира 20, 18, 16 лет, 4 победителя турниров ПША и сильнейшие гроссмейстеры по рейтинг-листу ФИДЕ) играют также матчи с выбыванием; далее 31 победитель второго этапа плюс неудачник матча А. Карпов — Г. Камский продолжат борьбу с выбыванием; 2 победителя, а также победитель матча А. Карпов — Г. Камский и Г. Каспаров составят полуфинальную четверку. Так периоду двух чемпионов мира придет конец. Есть, однако, противники этого решения ФИДЕ.

Призовой фонд в 5 миллионов долларов — веский аргумент в пользу чемпионата. Даже выбывшие из игры на первом этапе получат по 6 тысяч долларов.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

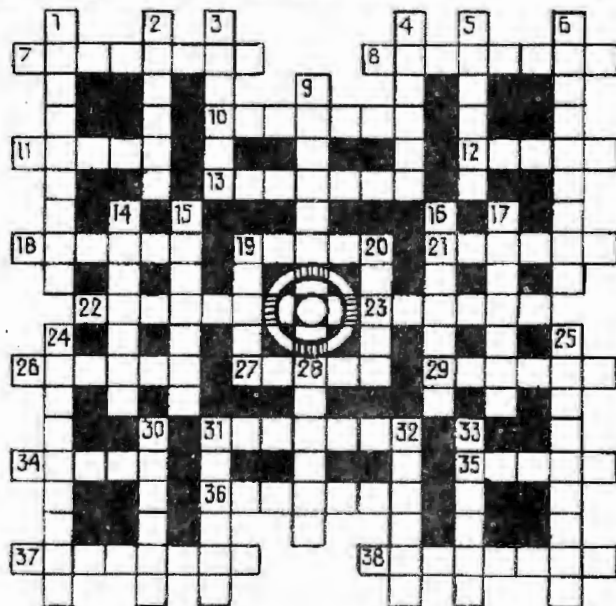
(На боевом посту, № 2, 1996)

№ 8. В. и М. Платовы. Кре6, Cf1, пп. а7, h6 (4) — Крb7, Ла1, п. g4 (3), выигрыш. 1. а8Ф+ Кр:а8 2. h7 Ле1+ 3. Крd7 Лd1+ 4. Крc7 Лc1+ 5. Сс4! Л:c4+ 6. Крd7 Лd4+ 7. Кре7 Ле4+ 8. Крf7 Лf4+ 9. Крg7 и белая пешка неудержима.

№ 9. Кре4, Cf1, пп. d5, h7 (4) — Крb2, Фb6, Кb3, п. d3 (4), кооперативный мат в 3 хода. 1. Крc3 h8C!+ 2. Крc4 Cd4 3. Фb4 C:d3X!

№ 10. Кра1, Сb1, пп. а2, f4, g2 (5) — Крg7, Ch8 (2), обратный мат в 3 хода. 1. g3! (но не 1. g4?) 1...Крf6 2. g4 Крg7 3. g5 Кр—X, 2...Сg7 3. g5+ Кр—X.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Земляная насыпь у окопа. 8. Первый в мире танк, построенный в 1915 году по проекту русского изобретателя А. Пороховщикова. 10. Ручная граната. 11. Рубящее и колющее оружие. 12. Деталь стрелкового оружия. 13. Вид артиллерийского снаряда. 18. Одна из форм боевых действий партизан. 19. Полководец, которому открыт памятник в Москве 8 мая 1995 года. 21. В дореволюционной России — солдат государственного ополчения. 22. Построение в шеренгу по росту. 23. Условный знак. 26. Озеро на юге Швеции. 27. Разрыв двух снарядов с перелетом и недолетом относительно цели. 29. Выведение наружу грунтовых вод от сооружения. 31. Знаменосец на параде в честь 50-летия Победы в Москве. 34. Установка для сборки и испытания машины, прибора. 35. Способ преодоления труднодоступных участков местности. 36. Открытое фортификационное сооружение для защиты людей и техники. 37. Оптический прибор для наблюдения из укрытий.

38. Воинское подразделение.

По вертикали:

1. Воздушный винт. 2. Высший орган руководства вооруженными силами во время войны. 3. Тесьма с кистью на эфесе сабли. 4. Рычаг управления в танке, автомашине. 5. Соглашение. 6. Воинское звание. 9. Холодное оружие.

14. Метательное оружие в виде стального лука. 15. Организационно-техническая единица ополчения в России в XIX веке. 16. Войсковое соединение. 17. Военачальник, обладающий широкими военными и политическими правами. 19. Русский поэт, автор поэмы "Гармонь". 20. Река в Польше. 24. Стихотворение военных лет К. Симонова. 25. Участок местности, оборудованный для обучения вождению боевых машин. 28. Село в Белоруссии, где в 1943 году была сформирована 1-я польская дивизия им. Т. Костюшко. 30. Город-герой на Украине. 31. Укрепленный пункт. 32. Процесс высекаания изображений из камня. 33. Героический, самоотверженный поступок.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 1

По горизонтали:

8. Булава. 9. "Истоки". 10. Патриот. 11. Скатка. 12. Вилков. 13. Летучка. 16. Кварц. 19. Откат. 21. Интендант. 22. "Враги". 23. Тесак. 24. Донесение. 25. Катер. 28. Поток. 31. Полигон. 34. "Дороги". 35. Авария. 36. Кожедуб. 37. Кошице. 38. Алигер.

По вертикали:

1. Чуйков. 2. Мастер. 3. Запал. 4. Корфу. 5. Битва. 6. Стиллет. 7. Яккола. 14. Евтушенко. 15. Кравченко. 17. Арбалет. 18. Цилиндр. 19. Отстрел. 20. Курсант. 26. Амосов. 27. Ерошин. 29. Ошанин. 30. Офицер. 31. Пикет. 32. Идеал. 33. Набат.

Составил Е. КУЛИКОВ.

Уголок фалериста**ОТ ГРИВНЫ К ЗОЛОТОМУ**

Фалеристика — наука, изучающая историю орденов, медалей, знаков различия и пр. Мы знаем все или практически все о советских орденах, за последнее время узнали многое о русских дореволюционных орденах, а вот медали как-то остаются в тени. И совершенно напрасно — ведь они долгое время являлись единственным знаком отличия рядовых воинов.

Попытаемся восполнить этот пробел. В этом нам согласился помочь Олег Николаевич ДУНАЕВ, вот уже много лет собирающий материал о российских наградах. Начиная с этого номера, он будет рассказывать о медалях России.

Истоки русского медальерного искусства относятся к X веку, ко времени расцвета Киевской Руси, когда князья награждали своих отличившихся дружинников золотой гривной. В XV-XVII веках появилась и новая форма награждения — золотыми монетами. Их носили на цепи, прикрепляли к шапке или рукаву. В денежном обращении они не участвовали. Ученые-фалеристы стали называть золотыми все награды допетровской эпохи.

В качестве примера приведем золотой, которым в 1687-1689 годах награждались все участники Крымского похода под руководством князя В.Голицына. На аверсе (лицевой стороне) изображалась царица Софья Алексеевна; на реверсе (обратной стороне) — малолетние цари Петр и Иоанн.

Наградные медали в современном понимании появились в России только в эпоху Петра I, но после его смерти традиции массовых награждений были утрачены и возродились только почти через 100 лет.

Золотой времен
Софьи Алексеевны

ШКОЛА СПЕЦПОДГОТОВКИ "ПЕРСПЕКТИВА"

(гос. лицензия № А-331912 от 4.09.95г.)

ПОДГОТОВИМ СПЕЦИАЛИСТОВ ВСЕХ КАТЕГОРИЙ

ДЛЯ
ЧАСТНЫХ ДЕТЕКТИВНЫХ И ОХРАННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ

- ПРОГРАММА ОБУЧЕНИЯ СОГЛАСОВАНА С МВД РОССИИ
- ГИБКАЯ СИСТЕМА ОПЛАТЫ ОБУЧЕНИЯ И СИСТЕМА СКИДОК
- ПРОГРАММА ОБУЧЕНИЯ — 240 ЧАСОВ (ИМЕЕТСЯ ЭКСТЕРНАТ)
- ОБУЧЕНИЕ ИНОГОРОДНИХ ГРУПП С ВЫЕЗДОМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
- КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ТЕЛ.: (095) 917-87-02, 320-21-44. ЛЯЛИН ПЕР., 12

АВТОШКОЛА

ЦЕНТР ОБУЧЕНИЯ "ПЕРСПЕКТИВА"

Готовит водителей легковых автомобилей

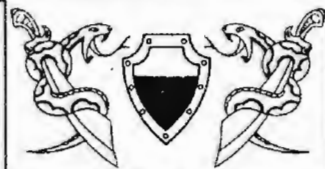
- СРОК ОБУЧЕНИЯ — 2 МЕСЯЦА
- УТРЕННИЕ И ВЕЧЕРНИЕ ГРУППЫ
- ВОЖДЕНИЕ В РАЗНЫХ РАЙОНАХ г. МОСКВЫ
- МЕДКОМИССИЯ
- ОРГАНИЗОВАННАЯ СДАЧА ЭКЗАМЕНОВ В ГАИ В СОСТАВЕ ГРУППЫ

СЕРЬЕЗНАЯ ПОДГОТОВКА И ВЫСОКИЙ % СДАЧИ

ТЕЛ.: (095) 917-86-24, 320-32-33. ЛЯЛИН ПЕР., 12

Внимание, конкурс!

Вторая жизнь

Уважаемые наши читатели, многие из вас не только хорошо знают, но и успешно пользуются продукцией НПО Специальных материалов. Санкт-Петербургское Научно-производственное объединение Специальных материалов, лидер по производству средств защиты, специального снаряжения и обмундирования, и редакция журнала "На боевом посту" предлагают вам принять участие в нашем конкурсе. Приглашаем откликнуться всех, кому бронезилет "Модуль" сохранил жизнь и здоровье.

Мы не ограничиваем вас в выборе жанра. Но предъявляем одно условие: как можно подробнее представьте ситуацию, в которой "Модуль" подарил вторую жизнь, расскажите, какие события этому сопутствовали, сообщите конкретные данные о себе и героях своей публикации. Если же вы дополните свой рассказ еще и фотографией, считайте себя претендентом номер один на звание победителя конкурса.

Кстати о наградах. Учредитель конкурса НПО Специальных материалов количество первых и вторых премий не ограничил. Зато призовые суммы назвал конкретные: победитель получает комплект специального обмундирования на общую сумму 5 миллионов рублей, за второе место — на сумму 1,5 миллиона рублей.

Более того, все авторы, принявшие участие в конкурсе "Вторая жизнь", будут поощрены оригинальными призами от НПО Специальных материалов.

Итоги конкурса будут подводиться раз в полугодие.

Желаем вам успехов и ждем ваши материалы, которые присылайте по адресу:

**107120, г.Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8,
редакция журнала "На боевом посту",
тел. 361-81-71**

Не забудьте на конверте сделать пометку: на конкурс "Вторая жизнь"

Женщины на войне

Фото Б.КАРПОВА

*...Мы черны
От свинца и дыма,
Но боец
Улыбнется вдруг
Самой сильной,
Неповторимой,
Самой ласковой
Из подруг!
Мы гордимся тобой
По праву!
И сегодня
В кругу друзей
Возглашаем сердечно:
Слава
Русской женщине!
Слава ей!*

М.СВЕТЛОВ

ПЕРВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ БАНК

Тел. 974-10-31

Суворовская площадь, 2

Президент банка Наталия Ленкова

"Мы давно уже создали и сегодня развиваем банк устойчивый в любых условиях. Мы профессионально делаем свое дело по принципу "Силе поддаются — разуму уступают".

Наталия Ленкова — президент банка, кандидат юридических наук. Принимает личное участие в судебных процессах.

Н. А. Ленкова руководит банком. В семье воспитывает детей, один из них проходит срочную службу в армии. Муж — офицер.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПРОТИВ ХАОСА